

СТОЛИЦА

МАРТ N 9(15)
1991г. 1 руб.

Олег РУМЯНЦЕВ:

«ЦЫПЛЯТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ»

Олег РУМЯНЦЕВ (1961 г.р.), народный депутат РСФСР. Работал научным сотрудником Института мировой социалистической системы АН СССР. Изучение венгерского опыта реформ привело его к выводу о необходимости коренных изменений в нашей экономике. Стал одним из организаторов клуба прогрессивной московской интеллигенции «Демократическая перестройка» и Социал-демократической партии России (ныне — член исполкома СДПР). Заместитель председателя Комитета ВС РСФСР по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного мнения. Ответственный секретарь Конституционной комиссии РСФСР.

Кажется, сегодня никого уже не надо убеждать в том, что прежняя модель Союза изжила себя. Но вместо того, чтобы признать суверенитет союзных республик, заняться национально-государственным и политическим переустройством страны, нам предлагают закрыть глаза на новые реалии и заняться подновлением фасада старого, ветхого здания. Именно такой смысл скрывается за словами об «объединенной федерации», вопрос о

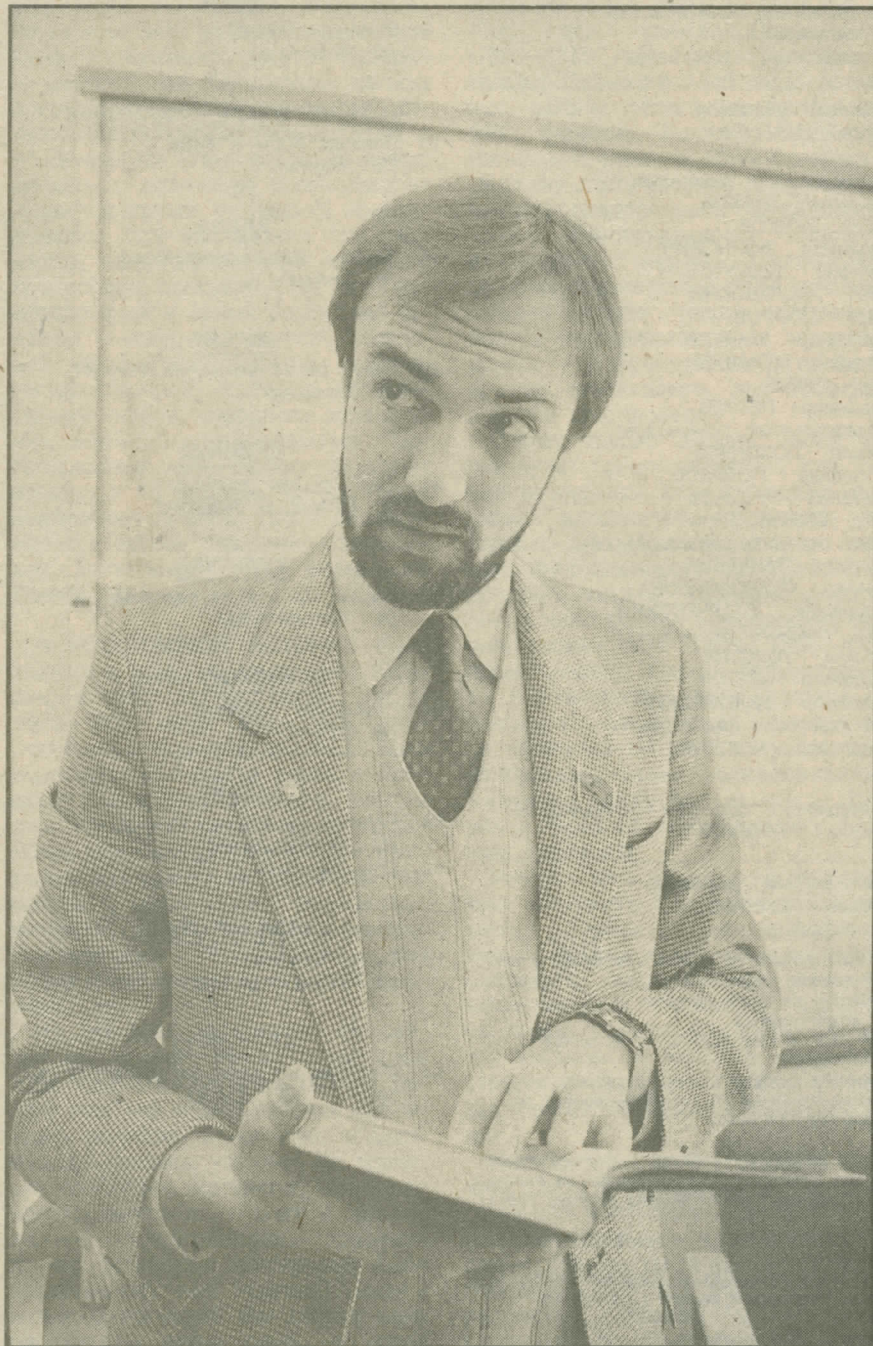

Фото Ю.Шугина

которой выносятся на всесоюзный референдум 17 марта. Центр и российский парламент, коммунисты и демократы по-разному понимают Союз республик. Что скрепляет по сей

день СССР, не дает ему окончательно распасться? Это единая армия, сильная Коммунистическая партия, которая имеет свои организации практически во всех порых общества,

«СТОЛИЦА»

март, № 9, 1991

Москва, 101425, ГСП, К-51,

Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 411700 MALPEK

Телефакс: 2002216 MALPEK

2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ

Юрий БЫЧКОВ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Валерий ВЪЖУТОВИЧ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

Марк ЗАХАРОВ

Александр МИНКИН

Аркадий МУРАШЕВ

Олег ОРЛОВ

Владимир ПЕТРОВ

(ответственный секретарь)

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Александр ПОЛЯКОВ

Анатолий РУБИНОВ

Петр СМИРНОВ

(зам. главного редактора)

Сергей СТАНКЕВИЧ

Галина СТАРОВОЙТОВА

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

(зам. главного редактора)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Владимир ЦВЕТОВ

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

(зам. главного редактора)

Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления

Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор

Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000» фирмы Аутопан (ФРГ)

На первой странице обложки фото Игоря Рогачевского.

На 2, 3 и 4 страницах обложки фото В. Бреля
Номер подписан к печати 1.03.1991

Тираж 300000. Цена 1 р.

С "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 380

—dA вантвqepoox эннеледесqдоп эн оти ,дтщншо
от о ,S-овдтвнqepoox эннеледесqдоп эн оти ,дтщншо

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Цыплят по осени считают»
(О. Румянцев)

ВЕСЫ

- 9 Ушел ли поезд?
(С. Славич)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 10 Призрак Кобы и Камо
(В. Янкулин)

УЛИЦА

- 17 Права человека-пешехода
(В. Басков)

ВЕРСИЯ

- 20 Свято место мокро не бывает?
(Н. Малинин)

КЛИНИКА

- 31 Двойное зло диабета
(Е. Салина, В. Янкулин)

КУЛЬТУРА

- 40 Вышли мы все из подполья
(А. Соколянский)

АВТОБИОГРАФИЯ

- 44 Подводное царство
(Ф. Сучков)

АРХИВ

- 54 Бегство из Москвы
(О. Мандельштам)
56 Дон Аминадо

САЛОН КРАСОТЫ

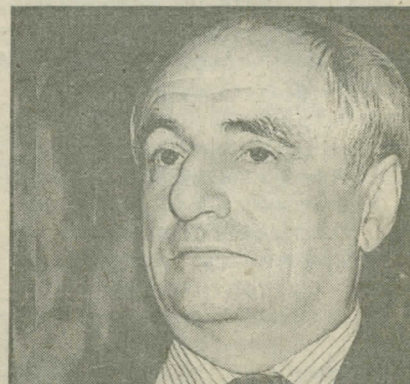
- 58 Тайны макияжа
(И. Сыромятникова)

АРТ-САЛОН

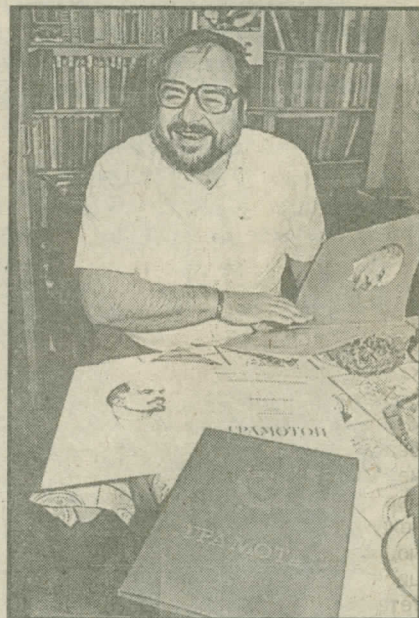
- 64 «Работаю по принципу канадской собаки»
(В. Брель)

5 Вот подпишем договор,
другой будет разговор

14 Худрук «Ленкома», режиссер, лауреат, депутат.
Как дошел до жизни такой?

22 В. Королев: «Если бы двадцать с лишним лет назад я знал все то, что знаю ныне, о моей работе в КГБ не могло бы быть и речи».

и КГБ, как кровеносная система власти КПСС. Но похоже, что эти безотказные органы сохранения унитарного государства уже не срабатывают. Происходит тот самый «парад суверенитетов» областей, краев, автономных и союзных республик, которые вынуждены замыкаться в своей скорлупе, чтобы противостоять давлению вертикальных структур Центра. А нормальные горизонтальные связи между субъектами Союза отсутствуют.

Так вот, нынешнее правительство России выступает за то, чтобы будущий Союз вырос из горизонтальных связей. На это направлены и договоры, заключенные РСФСР с рядом союзных республик, и те договоры, которые будут подписаны с республиками, входящими в состав России. Мы вовсе не за распад страны на удельные княжества, в чем нас обвиняют оппоненты, а за конфедерацию различных государственных образований на территории нынешнего Союза ССР.

Я глубоко убежден, что именно заключение торгового, таможенного, экономического союзов суверенных государств даст мощный толчок образованию всесоюзного рынка, поможет конфедерации достичь уровня развитых стран. Со временем отпадет необходимость в требованиях политической независимости у каждого из этих государств, ибо все они в равной мере будут представлять собой правовые, экономически сильные образования. Вот тогда-то — когда возникнет единое политическое пространство — и можно будет ставить вопрос об образовании федерации.

Мне кажется, что рано или поздно Россия станет инициатором и ядром будущего Союза свободных суверенных государств. Но это произойдет, если наша республика будет привлекать другие не своими природными ресурсами — лесом, нефтью, газом, которые (будем открытвенны!) сейчас безжалостно выкачиваются отнюдь не только для российских нужд, но прежде всего своими передовыми технологиями. Думаю, что России это под силу. Если, разумеется, конституционные гарантии нашего суверенитета будут реализованы.

Кстати, проект новой Конституции Российской Федерации, подготовленный нашей Конституционной комиссией, предусматривает такие гарантии суверенитета, как приоритет республиканских законов над союзными; возможность проводить са-

мостоятельную внешнюю политику, избирать президента республики как главу государства, иметь собственную национальную гвардию на профессиональной основе.

Что же касается социально-экономического и политического устройства Российской Федерации, то на этот счет мнения разделились. Одни — например, депутат Бабурин — считают, что Конституция должна закрепить уже принятые законы, отразившие процессы, происшедшие в обществе. Из этого делается вывод: дескать, с принятием новой Конституции торопиться не надо. Я придерживаюсь другого мнения. На мой взгляд, новая Конституция как раз и предоставит правовую базу для преобразований в самых различных областях — аграрной, военной, земельной. Необходимы реформы органов государственной, особенно исполнительной власти, народного образования, местного самоуправления. Подготовленный нами проект содержит отсылку к 36 законам, которые еще необходимо принять. Таким образом, имеется четкий план законодательской деятельности для Верховного Совета России.

В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ были аналоги и тому, что предлагает Бабурин, и тому, за что ратуем мы. В 1879—1880 годах комиссией, возглавляемой Лорис-Меликовым, были подготовлены проекты законов. Проекты эти закрепляли итоги реформ двух последних десятилетий. А вот «Свод основных законов» (1906 г.), который последовал за принятием Николаем II «высочайшего манифеста», наоборот, только начинал реформу. Последующие столыпинские преобразования опирались на этот документ.

Но мне все-таки кажется, что сейчас мы намного ближе к ситуации 1906 года, чем к ситуации 1880-го. Дело в том, что первая русская конституция родилась в условиях общественного кризиса, «смуты». Ее принятие требовала оппозиция, понимали необходимость этого шага и дальновидные представители правящих кругов. Тогдашняя конституция была представлена как документ национального согласия. Мы сейчас тоже переживаем время смуты, и новая Конституция может стать основой для возрождения национального согласия. В ней должна быть заложена стратегия будущих перемен.

Порой приходится слышать, что члены комиссии использовали, в ос-

новном, конституционный опыт США. Дескать, взяли и переписали американскую конституцию. В действительности же, кроме упомянутых отечественных документов, было рассмотрено и проанализировано множество других: конституционные поправки князя Дмитрия Голицына в 1730 году; проекты Сперанского (1803—1809 гг.); Конституция Королевства Польского 1815 года; основные законы таких государств, как ФРГ, Франция, Испания, Бразилия, Нигерия. И, конечно, США. Но американскому опыту не было отдано абсолютного предпочтения. Когда среди членов Конституционной комиссии разделились мнения относительно функций президента и роли исполнительной власти (одни склонялись больше к американскому варианту, другие — к французскому), то было решено опубликовать для обсуждения оба эти проекта.

Сейчас трудно сказать, какой из них будет предпочтительнее для нашей республики. Если президент возглавит исполнительную власть, то тогда он каждый раз будет нести прямую ответственность за ошибочные действия, скажем, Кабинета министров. А таких ошибок в переходный период может быть много. Или, если правительство будет формироваться парламентским большинством, а президент — избираться народом, то не получится ли такая ситуация, как во Франции, где мы наблюдали противостояние между Миттераном и Шираком (которые принадлежат к разным партиям)?

Учтите к тому же, что в наших условиях конфликты неизбежно приобретают извращенно-гипертрофированные формы. «Там» могут спокойно обсуждать, скажем, как улучшить эффективность сельского хозяйства. У нас — даже это сопровождается клятвами в верности «социалистическому выбору», блеском в глазах, песней «Каховка» в воспаленном уме...

И когда я слышу разговоры о том, что, дескать, авторитарные формы правления необходимы для того, чтобы сложился рынок, что, мол, многие страны прошли такой путь и т.д., то я проецирую все эти конструкции на конкретную ситуацию. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предвидеть, к чему приведет наш доморощенный авторитаризм, какие извращенные формы он примет. Если уж начали с нападения вооруженных омовцев на подразделение кооператива Артема Тарасова в Шереметьево-2, с то-

го, что КГБ был наделен полномочиями обыскивать людей, контролировать предпринимательскую деятельность, то чего можно ожидать от такого авторитарного режима в будущем? Какое гражданское общество он может создать?

А ВЕДЬ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — это прежде всего общество собственников. Но авторитарное правление (как и эгалитарное сознание) будет подавлять предприимчивых, сообразительных, творчески мыслящих людей.

Нам, составителям проекта новой Конституции, очень бы хотелось как можно быстрее приступить к работе по созданию основ гражданского общества, формированию благоприятных условий для «класса» собственников — опоры будущих преобразований. Но для этого обществу надо иметь первоначальный капитал, а его не будет до тех пор, пока мы не национализируем собственность номенклатуры КПСС, репрессивных органов. Если для выполнения этой задачи нужна будет «шоковая терапия» — что ж, значит, необходимо будет пойти на такой шаг. Иначе номенклатура создаст первоначальный капитал за счет ограбления трудящихся (что, кстати, подтверждают некоторые решения союзного правительства и президентские указы). Мы же, наоборот, стремимся к тому, чтобы каждому гражданину России безвозмездно или на льготных условиях передать часть государственного имущества, которая ему причитается. Да, каждый должен стать собственником, но невозможно им быть, если получаешь в месяц 200 рублей. Совсем другое дело, когда человек обладает земельным участком или акциями и сам волен ими распоряжаться. Без соблюдения этих условий все рассуждения марксистских ортодоксов о «коллективном самоуправлении» на предприятиях, «воспитании чувства хозяина» и т.д. не стоят ломаного гроша.

Но, видимо, коммунистическое большинство Верховного Совета России решило продолжить затянувшийся эксперимент над собственным народом. Оно очнулось от спячки и убедилось, что демократы составляют все-таки меньшинство в республиканском парламенте, а уж тем более в местных органах управления РСФСР. Под контролем коммунистов находится исполнительная власть

фактически всех уровней — вплоть до сельсоветов.

СЕЙЧАС ОЧЕВИДНО: тот, кто думал, что демократы выиграли выборы в местные органы власти РСФСР, ошибался. Увы, мы их проиграли. Да, демократы смогли одержать победу в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Рязани и еще на нескольких «островках». На всей же остальной российской территории старая власть оказалась практически нетронутой. Она делала все возможное, чтобы прошли «нужные» кандидаты, — вплоть до отказа в регистрации демократов...

И вот сложилась парадоксальная ситуация: меньшинству, которое проиграло на выборах, в российском парламенте удалось взять инициативу в свои руки и на первых порах — благодаря напористости, компетентности, способности привлечь интеллектуальный потенциал общества — решить некоторые важные задачи. В частности, добиться избрания Б.Н. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР и формирования относительно прогрессивного Президиума ВС России, принятия Декларации о государственном суверенитете республики и ряда законов.

Но чем дальше развивались события, тем большим диссонансом звучали речи представителей этого меньшинства по отношению к голосам многих, «традиционно» настроенных депутатов. И вот большинство, наконец, решило дать бой на внеочередном Съезде народных депутатов

РСФСР. Оно вынудило принять крайне неудачную (с точки зрения здравого смысла, конечно), компромиссную, формулировку по закону о частной собственности на землю. А осмелевшие местные чиновники стали тормозить реализацию даже этого половинчатого закона.

Недавно я вернулся с Дальнего Востока, где узнал об одном вопиющем случае, который мог произойти только в нашей стране. Австралийский фермер русского происхождения, Родионов, поверил в перестройку и приехал в Приморье, чтобы попробовать здесь свои предпринимательские способности. Он заплатил 100 тысяч рублей за обещанные ему 150 гектаров земли, но не получил ни надела, ни денег обратно. Человека просто обобрали!

...ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО может, конечно, и далее предлагать свои идеи, с трудом пробивать какие-то законы, но сейчас мы не в состоянии эти реформаторские идеи претворить в жизнь. Ибо реальная власть в обществе, повторяю, принадлежит не нам. Да и само наше общество, к сожалению, не обладает необходимой степенью просвещенности, культуры, инициативности, поэтому оно не всегда может адекватно воспринимать то, что предлагает демократическое меньшинство. Кроме того, общество видит, что демократы предлагают одно, а на деле получается другое.

Нам не дают реализовывать ни конституционные, ни экономические реформы. Возможно, и саму демократическую Конституцию в этом году не удастся принять. Давление «правых», недееспособность «левых», состояние апатии среди избирателей — все это может привести к тому, что произойдет отлив демократической волны. Не исключено, что утверждающееся сейчас авторитарное правление затянется до 1995 года и только новые демократические выборы, замена союзного и российского парламентов, совсем иная психологическая атмосфера в «повзрослевшем» на пять лет обществе позволят во второй половине 90-х годов провести необходимые преобразования. Сейчас, похоже, их осуществление откладывается. Но ненадолго.

Противники перемен радуются слишком рано. Как говорится, цыплят по осени считают.

Записал Александр МЕШКОВ

Рис. А. Казачкова

ВОТ ПОДПИШЕМ ДОГОВОР, ДРУГОЙ БУДЕТ РАЗГОВОР

По решению Верховного Совета СССР 17 марта должен состояться общесоюзный референдум (с подведением итогов отдельно по каждой республике) по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик как «обновленной федерации». Мы заинтересовались мнением лидеров некоторых демократических партий и движений об этом референдуме и о Союзном договоре вообще.

Глеб ЯКУНИН, сопредседатель Координационного совета движения «Демократическая Россия».

— Какую, по вашему мнению, пользу принесет республикам предложенный президентом Союзный договор?

— По идее, конечно, он должен быть выгоден всем республикам, которые на добровольной основе хотят его заключить. Но в предложенной формулировке он выгоден только президенту и его команде.

Ну что это за постановка вопроса: готовы ли вы к «обновленной федерации», готовы ли вы к Союзу, в котором будут соблюдаться свободы, права человека? Извините, но это чистейшая демагогия. Допустим, мне, священнику, зададут вопрос: хотел бы я жить при коммунизме? Конечно, хотел бы, все бы хотели, потому что коммунизм — это трансформированная идея Царства Божия на земле. Но это чисто демагогический прием, достойный и Геббельса, и нашего Суслова.

— Утвердительный ответ похож на подпись под чистым листом бумаги. Что они потом на нем напишут, как расшифруют выражение «обновленная федерация», неизвестно.

— Да. Кроме того, все сделано в спешке, до 17 марта остается ничтожно мало времени. Горбачев, безусловно, предусмотрел такой ко-

роткий срок для того, чтобы парламенты, в частности российский, не успели разработать правильные вопросы и на демократической основе провести свой референдум. Задав такой сжатый срок, он нас припер к стене, причем, по-видимому, спровоцировала этот шаг Центра как раз активность Ельцина, который пошел путем создания подлинно демократического Союзного договора, но совершенно иным путем — снизу.

Здесь можно провести аналогию с партийной жизнью. Когда какая-нибудь партия создается группой широко известных людей, то такая партия, как правило, не удовлетворяет всех, становится недемократической и быстро раскалывается. А образ создания действительно сильной партии мы видим в демократических странах Запада: партия создается снизу, начиная с ячейки — на предприятии, потом в городе, в округе. В каждом городе, селе, на предприятии все друг друга знают в лицо, и никакой проходимец, корыстный человек не сможет получить власть. Поэтому партия, созданная снизу, тверда и действительно демократична. То же самое и с союзом государств. Договоры, заключенные Россией с Украиной, с Белоруссией и Казахстаном, — это основа подлинного союза суверенных государств. Дом тогда будет стоять прочно, если его складывают аккуратно, начиная с фундамента, а не с крыши.

Кто хочет войти в дом — тот входит, кто не хочет — не входит... Между государствами это могут быть федеративные отношения, могут быть конфедеративные. А могут быть экономические ассоциации с более ослабленными политическими связями.

Я думаю, что эта акция Горбачева, которую он в такой спешке предпринял, как раз вызвана тем, что если пройдет вариант демократический, ельцинский, то верхний этаж власти окажется абсолютно ненужной, искусственной надстройкой. Естественно, что сейчас он начинает так усиленно сопротивляться.

Валерий ХМЕЛЬКО, сопредседатель партии Демократического возрождения Украины.

— Кому нужен этот Союзный договор?

— В том виде, в котором он был предложен, прежде всего военно-промышленному комплексу и номенклатуре КПСС.

— Поможет ли Союзный договор сохранить Союз?

— Если вы имеете в виду ту структуру Союза, которая существует сегодня, то я убежден, что не поможет. Потому что реальность, макропроцессы в обществе ведут к упразднению унитарных структур, сложившихся в предыдущие десятилетия. Пришли в движение миллионы людей — их сознание, их воля, их чувства. И представлять себе, что все это можно изменить по воле начальства, — некоторый идеализм в понимании истории.

— Как вы думаете, что произойдет в республиках, которые после референдума откажутся подписать Союзный договор?

— Думаю, в республиках Прибалтики может быть гражданское неповиновение. А в республиках Закавказья — нечто худшее, чем просто мирное гражданское неповиновение. Что касается Украины... Вряд ли у нас дело дойдет до массовых форм гражданского неповиновения, хотя такой вариант тоже нельзя полностью сбрасывать со счетов. Возможно и забастовочное движение, особенно в шахтерских краях. Демократическим силам придется перегруппироваться и ни в коем случае не поддаваться на соблазн насилия.

— Вы — вице-президент Социологической ассоциации Украины. Можете привести какие-нибудь цифры, свидетельствующие об отношении населения к предполагаемому референдуму? Проводились ли какие-то опросы?

— В целом по республике опросы не проводились. По отдельным регионам — были. Там ситуация такая: за подписание Союзного договора примерно 55 процентов, против —

около 20 процентов. Но если поставить вопрос по-другому — «Вы за сохранение СССР как единого государства или за преобразование СССР в содружество суверенных государств», то за сохранение СССР чуть больше 10 процентов, а за преобразование СССР в содружество суверенных государств — больше 60 процентов.

Анатолий ЖИВОТНЮК, сопредседатель Объединенной демократической партии Белоруссии.

— Поможет ли Союзный договор сохранить Союз?

— Империя уже начала разваливаться, и даже столь иезуитски поставленный вопрос ее не спасет. В лучшем случае лишь отсрочит распад. Динн выпущен из бутылки, стремление к независимости очень сильно проявляется в Прибалтике, на Украине, в Закавказье, и едва ли какой-то договор даст этому процессу обратный ход.

— Значит, Горбачев должен «отпустить» прибалтийские республики?

— Естественно. Но дело не столько в том, что должен сделать Горбачев, сколько в том, что вообще Центр не нужен. Нам необходимо то содружество суверенных государств, о котором говорили участники состоявшегося в Харькове конгресса демократических партий и организаций разных республик. И я не уверен, что от этого содружества Литва, Латвия и Эстония будут отталкиваться руками и ногами, как они отталкиваются сейчас от Союза. Ведь экономические связи между нами всеми

настолько крепки и глубоки, что заменить их просто нечем.

Началом содружества должно стать экономическое соглашение. Тут мы все будем едины, все «за». Начинать надо всегда с того, что объединяет.

— А как быть с обороной?

— Стратегически, прежде всего ядерные силы, конечно, должны быть под каким-то общим командованием, их дробить нельзя. Необходим военно-политический союз.

— Вы готовитесь к референдуму?

— Конечно. Я считаю, что у нас в Белоруссии единственно возможный вариант — аргументированно агитировать людей за то, чтобы они говорили «нет». Конечно, это не лучший вариант. Но российский и украинский варианты — свой референдум, свои вопросы — при нашем партократическом парламенте пройти не могут.

— Если итог референдума будет положительным, каково будет отношение к этому Верховного Совета и народа республики?

— Верховный Совет с радостью воспримет сохранение СССР. А народ наш очень апатичный и страшно терпеливый.

Араз АЛИЗАДЕ, председатель Социал-демократической партии Азербайджана.

— Что даст принятие предложенного Союзного договора?

— Только то, что еще 5—10 лет эта страна в таком виде продолжит свое существование. Значит, 5—10 лет будет литься кровь.

— Многие считают, что Союзный договор затеян не столько для того, чтобы сохранить Союз, сколько для того, чтобы сохранить союзные посты...

— Если бы Горбачев хотел просто сохранить союзные посты, то выбрал бы другой путь — пойти на конфедерацию. Европарламент ведь тоже имеет председателя. Почему же он не идет на это? Потому что ему нужна реальная власть.

— Вы считаете, что такой «Союзный договор» дает власть партаппарату?

— Союзный договор на какой-то срок даст ему возможность властвовать хотя бы ценой крови. Насколько для нас привычно пить воду, настолько для этого режима привычно проливать кровь. Так что моральных затруднений у них не будет. И я вас уверяю, что после каждого кровопролития они будут делать круглые глазки, выражать соболезнования и говорить о высоких целях, оправдывающих кровь.

— Закавказские республики могут отказаться подписать договор?

— Вы видите, как поставлен вопрос референдума. Армения, Азербайджан, Грузия могут сказать «нет», но две или три области России скажут «да!» — и будет «да». Незаконна сама постановка вопроса. Должно быть так: если Азербайджан скажет «нет», то он выходит из Союза.

— Вы будете агитировать за «нет»?

— Безусловно. Самое интересное, что до сих пор в республиках не разработан механизм референдума. И нет гарантий того, что результаты не будут подтасованы. Поэтому мы не призываем к бойкоту этого референдума. Каждый раз, когда демократические силы призывают к бойкоту, это заканчивается их полным поражением. Потому что лишние бюллетени заполняются в пользу тех решений, которые поддерживает партократия.

Например, когда в Азербайджане избирались народные депутаты СССР, мы тоже призывали к бойкоту. В округе, в котором баллотировался первый секретарь Бакинского горкома Муслим Мамедов, было 9 тысяч бюллетеней. Мы собрали и не опустили 3 тысячи бюллетеней. Но Мамедов каким-то образом набрал 80 с чем-то процентов голосов, а нам сказали, что мы эти 3 тысячи бюллетеней сами отпечатали.

В 8-м округе Баку я баллотировался с ректором пединститута, коммунистом. В выборах участвовало 3300

Фото В. Семина

человек, что подтвердили три независимые организации, которые вели учет. Итоги: я получил 2000 голосов, 600 голосов — второй конкурент. 6800 получил ректор.

Поэтому — как решит Компартия Азербайджана, такие и будут итоги референдума.

— А как она решит?

— Скорее всего, решит — «да». Хотя президент нашей республики часто говорит, что он за конфедерацию, а не за федерацию.

Поэтому демократы Азербайджана решили: самое активное участие в референдуме и — массовое «нет». И, конечно, массовое участие в комиссиях. Мы уже сейчас отправили своих наблюдателей в эти комиссии, хотя по опыту выборов я знаю, что мало кого из них включают в списки.

Конечно, у нас в Азербайджане контролировать ход референдума будет очень трудно, если сохранится чрезвычайное положение, присутствие войск. Во время республиканских выборов наблюдателей — депутатов Моссовета — брали под руки, вталкивали в самолет и отправляли в Москву.

— Кто этим руководил?

— Комендант Баку.

— Вы не проводили опрос населения по отношению к референдуму?

— У нас есть итоги опроса, который мы проводили в апреле. Тогда 88 процентов населения было за выход из СССР.

Дело идет к диктатуре, к полному отказу от демократии. И в этом у властей будет еще такая поддержка, как мнимое «волеизъявление народа». Как говорит Лукьянов, «только народ решит, будет Союз или не будет». Можно подумать, что для него есть лишь одна общность: «новая общность — советский народ».

Николай ТРАВКИН, председатель правления Демократической партии России.

— Кому нужен Союзный договор?

— Он нужен всем. Какой Союзный договор вы имеете в виду?

— Тот, который предлагается.

— Этот нужен только кучке представителей Центра, чтобы сохранить тот объем власти, который они имеют.

— А почему вы сказали, что вообще Союзный договор нужен всем?

— Потому что я убежден, что экономике без ущерба для отдельно взятого человека нам не разорвать. Из чисто политических соображений

рвать, рубить, сделать полностью не связанной с другими республиками Литву, Молдову, Россию можно только за счет налогоплательщика.

— А вы считаете, что республики собираются рубить экономические связи? Западный рынок для всех нас закрыт, поэтому в любом случае придется торговать друг с другом.

— Это когда каждый на своей шкуре поймет, что на западном рынке его не ждут. К тому времени, пока придет это понимание, пострадают люди.

Поэтому я и говорю, что Союзный договор необходим для того, чтобы выстроить на экономическом пространстве нынешнего СССР нормальный рынок. А суверенитет должен быть политическим.

— Почему предлагаемый Союзный договор, на ваш взгляд, не отвечает этим целям?

— Он исходит из понимания СССР как унитарного государства: есть Центр, который задает правила игры, контролирует, как по этим правилам

Фото Б.Кавашкина

играют, кого-то карает, кого-то поощряет. Такой была задумка. Но она не пройдет. Сегодня ясно, что каждая республика будет отстаивать свой суверенитет. И если бы Центр понимал это, тогда бы он шел навстречу процессу, который неизбежен. Горбачев и Центр предлагают пари: ладно, мол, мы поделимся с вами, с республиками, властью. Республики ставят вопрос по-другому: нет, это МЫ поделимся властью, МЫ найдем президента, дадим ему ряд функций, дадим под обеспечение этих функций определенное количество денег и будем еще контролировать, как он их станет тратить. Это два диаметрально противоположных подхода.

Разумные политики понимают, что нужно создавать качественно новый Центр. Из этого понимания и родилось заключение четырехстороннего экономического договора Белоруссии, Украины, Казахстана и России. Если это экономическое соглашение дополнить политическим, тогда можно подумать и о новом Центре.

— Каким он должен быть, этот новый Центр?

— Это решат республики. Я думаю, ему будет поручено шесть — восемь функций, которые выгоднее выполнять сообща — не из политических соображений, а из чисто житейских. Например, оборонная функция. Если каждый будет обороняться отдельно, то только протяженность одной границы нужно умножить минимум на 15 — вот тебе количество людей, вооружений, обмундирования и т.д. Выгодно вместе обороняться? Выгодно. Воздух можем мы разделить? Не можем. Значит, экологические программы тоже выгодно и необходимо выполнять вместе. Энергетика — надо подумать, можем ли мы сегодня разбить ее на куски. Вряд ли. Транспортная сеть — сможем мы ее разбить или выгоднее вместе? Значит, все это просто заставит нас объединить усилия.

Так мы и определим количество функций, которые можно поручить Центру... Посчитали, сколько надо, скинулись и наняли этот самый Центр.

— Каким, по вашему мнению, будет итог референдума в такой сложной, многонациональной республике, как Россия?

— Редакция вопроса, вынесенного на референдум, неудачная, конечно. Вероятно, так было задумано... Большая часть населения проголосует за Союз. Большая. Сработает психологическая заикленность, что ли... Ну

как проголосовать против? Я вот насчет родителей прикидываю — будут они за Союз или нет? Не задумываясь скажут: «за Союз». И не только люди старшего поколения. Вообще, у разумного человека заложено потенциальное стремление к интеграции. Худо, плохо, но все-таки вместе. А как отдельно? Неизвестность пугает.

— Так что все-таки будет, когда после референдума встанет вопрос о подписании Союзного договора?

— Ну и что — референдум? Подписывать-то должны конкретные люди. Чтобы конкретные люди подписывали, они должны иметь решение своего парламента. Вряд ли Верховный Совет России просто так поручит Ельцину подписывать Союзный договор. Будет рассматривать.

Так что референдум — это политическое упражнение. Сам по себе он ничего не дает.

Интервью взял
Дмитрий СЕМЕНИК

Фото В.Филонова

УШЕЛ ЛИ ПОЕЗД?

ОБ ИТОГАХ КРЫМСКОГО РЕФЕРЕНДУМА

По воле обстоятельств название нашего полуострова несколько дней мелькало в прессе рядом с такими раздражающими, тревожными и даже опасными словами, как **Прибалтика** и **Персидский залив**. Судя по активности пропагандистского аппарата компартии, к референдуму о будущем статусе Крыма готовились так, будто он, этот референдум, и есть тот самый «последний и решительный бой». На такой же лад настраивали и висевшие повсюду плакаты. Правда, невольно они выполняли и другое назначение: подобно фиговым листкам прикрывали абсолютную наготу витрин.

В воскресенье, 20 января, крымчанам предстояло ответить на вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?»

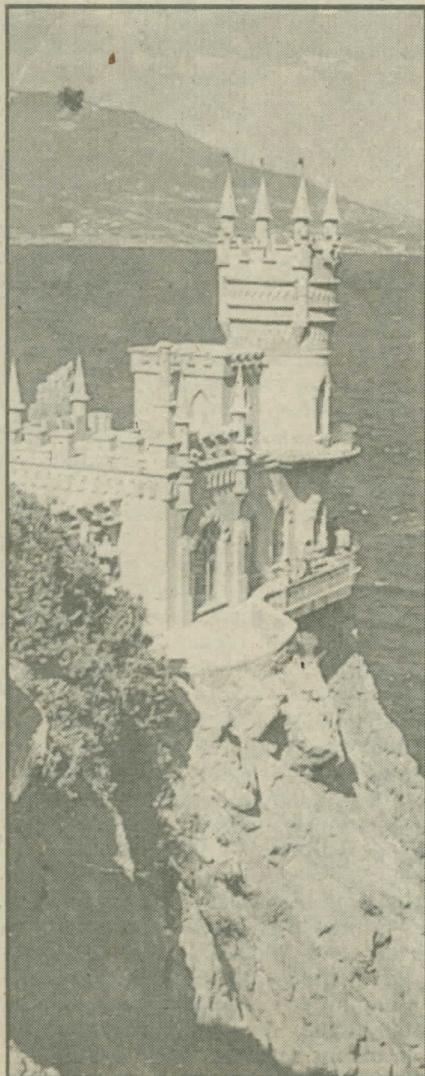
Да или нет?

Несмотря на замысловатость вопроса (тут был свой резон), сомнений, что подавляющее большинство нынешнего населения Крыма скажет «да», не было. Беспокойство инициаторов референдума вызывало другое: придет ли на избирательные участки достаточное количество людей? В ходе прошлых выборов в Советы абсентеизм, который прежде считался явлением сугубо «ихним», западным, капиталистическим, стал и у нас фактором, которым нельзя пренебрегать.

Это беспокойство несомненно подогрелось заявлением Р.И.Хасбулатова во время одной из телепередач «Кто есть кто» по Центральному телевидению. Отвечая на вопросы, он выразился в том смысле, что в ходе переговоров России с Украиной речь о крымской автономии заходила и споров между сторонами не вызвала: автономию надо восстановить. Таким образом как бы подтверждались и подкреплялись слова председателя украинского парламента Л.М.Кравчука на внеочередной сессии нашего областного Сове-

та о готовности предоставить Крыму государственность без излишних дорогостоящих процедур, каким является референдум. У нас к этим словам отнеслись скептически и, думается, — зря.

Почему? Потому что договариваться, находить согласие — лучше, продуктивнее, чем перетягивать канат.

Однако поезд, как говорится, ушел. Референдум состоялся, и утром 21 января члены Центральной избирательной комиссии в Симферополе могли вздохнуть с облегчением: из 1770841 зарегистрированного избирателя 1343855, или 76 процентов, сказали «да». По отношению к тем, кто принял участие в голосовании, этот процент оказывается еще выше — более девятая трети.

Воздержусь от комментирования итогов и хода голосования. К тому времени, когда эти слова будут напечатаны, уже состоится сессия областного Совета, на которой результаты референдума наверняка вызовут аплодисменты. Победителей можно понять. Дай Бог им — и всем нам, крымчанам, — увеличить крымский бюджет с 740 млн рублей до 1,3 миллиарда, поднять потребление продуктов питания и, в частности, мяса, уменьшить очереди, стабилизировать цены, взять в свою собственность все государственные предприятия, за исключением оборонных, и разумно всем этим распорядиться. Именно такой видится цель референдума, судя по выступлениям местной партийной печати.

Достижима ли она? Нас зовут: будем бороться! Победив на референдуме, будем бороться с утроенной силой. Зубами будем рвать каждый свой кусок. Благо, пример в этом подает город-герой Севастополь, который одновременно проводил еще один, параллельный референдум о собственном статусе. Он хочет быть и в Крымской АССР и в то же время оставаться закрытым городом, получать свою колбасу непосредственно из Киева, а еще лучше — из Москвы, чтобы не делиться ею ни с кем. Такие вот дела.

(Я все думаю: не провести ли нам референдум в Ялте об исключительном праве пользования местными пляжами? А еще лучше — в Массандре: о собственности на здешние вина...)

Тут все ясно, не правда ли? Непонятно только, куда девались в этом

Владислав ЯНКУЛИН

ПРИЗРАК КОБЫ и КАМО

(письма о приватизации)

раскладе с бюджетом и колбасой еще недавно провозглашавшиеся высокие нравственные принципы, рассуждения о праве всех людей и народов говорить на родном языке, жить на родной земле, развивать свою культуру. Где-то в стороне никому не нужными оказались татары, из-за которых ведь изначально разгорелся весь сыр-бор, чей язык — татарский — был наряду с русским государственным языком прежней Крымской АССР.

Это ведь у них, татар, было когда-то здесь свое государство со столицей в Бахчисарае; в горных и предгорных районах (Алуштинском, Судакском, Бахчисарайском, Ялтинском, Севастопольском) они уже при Советской власти составляли более половины населения, а в целом по Крыму — более четверти; главным образом благодаря наличию татар (скажем так) Крым стал автономной республикой в составе РСФСР; выслали татар — ликвидировали республику. А теперь что же — можно ее восстановить и без них?

Наличие победителей предполагает побежденных. Неужели ими опять оказались татары?

Были ли они хотя бы зарегистрированы, внесены в избирательные списки? Как голосовали? Голосовали ли вообще? Ведь большинство народа находится все еще за пределами Крыма...

В ходе подготовки к референдуму тема восстановления справедливости по отношению к репрессированным народам звучала все глуше. А потом и вовсе заглохла. Выходит, поезд в самом деле ушел?

***

Читаю в законе о Союзном бюджете: выделить целевым назначением двести миллионов рублей специально на осуществление первоочередных мер, связанных с возвращением крымских татар на родину. Слава Богу!

Слушаю первое после референдума интервью, которое дал программе «Время» председатель облсовета и первый секретарь обкома партии Н.В.Багров: ни слова о восстановлении прав крымскотатарского народа.

Случайность? Хочется надеяться.

Станислав СЛАВИЧ,
Ялта

Когда выйдет этот номер «Столицы», страсти, связанные с первым ударом денежной реформы, надеюсь, поутихнут. Люди наши в очередной раз продемонстрировали свою терпимость, которая побеждает любые амбиции, межнациональные распри, сословные и иные предрассудки. В очереди к кассе выстроились депутаты мятежных парламентов Прибалтики и члены интерфронтов, кооператоры и милиционеры, члены РКП и «Демократической России». Конечно, это были разные кассы. Однако все мы, точно по команде, выполнили предначертание президента и Кабинета министров, ропща, волнуясь, но делая то, что велит власть. И лишь очень немногие призывали опомниться: ведь мы ведем сейчас линию на приватизацию, на частную собственность, как же можно говорить о приватизации домов и магазинов, когда нарушают приватизацию вашего кошелька?

Почему мы никак не можем избавиться от кафкианских ситуаций, от неумолимой правды Оруэлла? Почему человек может поменять только одну зарплату? Почему она должна быть не больше тысячи рублей? Почему он должен объяснять, откуда у него деньги, если он не грабитель? Почему, если ограничения сформулированы столь жестко, обмен надо производить только три дня? И что делать бабке в деревне, у которой за образами тысяча на похороны, а до сберкассы 20 верст по бездорожью?

Да, государство могло и раньше залезть в наш карман, не очень нас о том спрашивая, — повысив цены, заморозив выплату займов, введя дополнительные налоги. Но здесь было свое приличие — все-таки нам оставляли право решать, как изменить свои потребности в будущем, как соизмерить свои возможности с «вновь возникшими обстоятельствами». Здесь же наши кровные «возможности» попросту изымались. И хотя клич

«кошелек или жизнь?», казалось бы, из другой пьесы, люди — к счастью, немногие — расставались с жизнью, не успев расстаться с кошельком. Иногда прямо в очереди к окошечку. Из газетных сообщений в памяти сохранилась пожилая женщина в Томске, которая, придя на почтамт, чтобы обменять 10 тысяч, узнала, что меняют только 200 руб. Еще одна старушка умерла в очереди в Люблинском районе Москвы, на следующий день столичная «Скорая» зафиксировала еще несколько смертных случаев в тех же очередях.

В Шереметьево «отъезжающие навсегда» вечерними рейсами готовы были утром 23 января внести последний долг стране — плату за свой багаж. И тут выясняется, что деньги (у многих оплата по 3—4 тысячи рублей) не принимают — не те купюры. И поменять им уже негде — нет ни места работы, ни паспорта, чтобы пойти в исполком. Что делать в такой ситуации — все бросить или никуда не уезжать? Очевидцы рассказывают, что смотреть на это было страшно: и стекла били, и ОМОН вызывали. Чем кончилось в тот день — не знаю, но на следующий оплату багажа принесли и 50- и 100-рублевыми.

Мини-ходьнки вокруг банков по всей стране, наверное, требуют собрать эту печальную статистику, чтобы доказать правительству не только глупость проделанной акции, но и ее бессмысленную жестокость. Ведь если жертвы Тбилиси, Вильнюса и Риги известны поименно и проблема состоит в том, чтобы назвать виновников, то здесь ситуация обратная: мы не знаем имен жертв, зато хорошо знаем автора акции. «По неожиданности и темпу проведения реформа больше напоминает если не хорошо продуманный грабеж, то по крайней мере боевую операцию, где в роли противника выступает население страны», — писал «Коммерсант».

Сегодня, спустя 40 дней, не только

помянем покойных, но и постараемся понять, ради чего они были принесены в жертву. Прокрутим для этого заново хронику происшедших событий.

Перед Новым годом прошел слух об изъятии из оборота сто- и пятидесятирублевых купюр. Он был многократно опровергнут официальными лицами по телевидению и в газетах. Больше того, при утверждении в январе Валентина Павлова премьером народные депутаты СССР задавали ему вопросы о денежной реформе. И в ответ он подтвердил свое отношение к подобным акциям: реформу можно проводить только в стабилизированной экономике или когда она находится на подъеме. Валентин Сергеевич повторил это как-то устало: ну до каких пор он должен заниматься ликбезом, сколько можно объяснять простые экономические истины... Говорил, что реформу надо готовить как минимум три года, что для этого потребуются огромные средства, в том числе и инвалютные, верьте мне, это не так просто. Чувствуя продолжающееся недоверие зала, министр, которому очень хотелось стать премьер-министром, предложил отрубить ему руку, если реформа произойдет.

В четвертом январском номере «Правительственного вестника» появляется статья — «Минфин СССР предупреждает: денежная реформа опасна для нашей экономики». Понятно, что когда этот номер подписывался в печать — газета еженедельная, а обмен денег объявлен 22 января, — фельдьегера уже неслись со срочными депешами лукавого премьера.

Ну а что было потом, историки будут изучать по газетам. Здесь и трехчасовая лихорадка накануне: диктор ЦТ объявил указ в 21.00, а вступал он в действие ровно в полночь. Люди бросились разменивать крупные купюры в метро, на железнодорожные вокзалы, в аэропорты и рестораны. Здесь, правда, удача постигла немногих. В метро и на электричках кассиры чаще всего предлагали проехать бесплатно, но билеты не продавали и деньги не разменивали. В ресторанах официанты брали, автоматически накручивая чаевые, но с улицы «за так» это не удалось никому. Таксисты также быстро сориентировались, и если брали означенные купюры, то сдачи уже не давали. Более находчивыми оказались кооператоры, которые быстро открывали свои магазины и лавочки, и, пожалуй, впервые товар в них шел так ходко, и никто не жа-

ловался на цены. Говорят, торговля шла всю ночь.

На следующий день пошел второй виток катаклизма: очереди в сбербанках выстроились задолго до рассвета, все учреждения и предприятия прекратили работу, занимаясь только одним: как поменять свои кровные. Проблема состояла в том, что банкам было дано указание менять деньги от организаций и принимать выручку только в течение трех часов 23 января. Условие было неральным и, естественно, оно не было выполнено.

Говорили, что на рынках и вокзалах меняют сторублевки на четвертаки и десятки: один к одному. Причем колебания курса «зеленых» и «коричневых» купюр по интенсивности напоминали биржевую лихорадку в Лондоне или Нью-Йорке. Юмора было мало, и шутка «меняю «100» на 2 по «50» всем быстро надоела. Впрочем, более трезвые наблюдатели свидетельствуют, что даже в этой нервной обстановке готовых купить пошатнувшуюся валюту (естественно, за 70 или 50 процентов номинала) было больше. Здесь, как говорят криминологи, были разные варианты, один из них состоял в том, что собратья менялы отбирали за углом даже ту, уполовиненную, сумму.

Оправившись от шока первой ночи, газеты стали манипулировать словами «обмен» и «обман», президенты и совмины некоторых республик продлили сроки обмена на своей территории, в ответ Госбанк СССР издал «разъяснение», согласно которому эти решения признаны незаконными и подтвердил, что сверх трехдневного срока указанные купюры обмени-

ваться не будут. Все уже с замиранием сердца ждали, неужто вот она — банковская война с непредсказуемыми последствиями?! Но нет, некоторое благоразумие сохранилось у всех, и Кабинет министров продлил для пенсионеров срок обмена еще на два дня.

Примитивное по сути решение, принятое на столь высоком уровне, осложнило жизнь многим тысячам, привело к печальным результатам. Известно, что в Якутске громили Главпочтамт, в Москве на Центральном телеграфе это удалось предотвратить с помощью ОМОНа (люди вечером пытались отослать деньги телеграфом), в Биробиджане почему-то перестали работать телефоны, и везде — от Москвы до Владивостока — в банках не хватало денег для обмена. Обходились долговыми расписками...

Предпринятая акция вообще продемонстрировала слабое представление премьера-финансиста о том, как распределяется денежная масса, чего она стоит, к чему может привести подобный провокационный прием. Бухгалтер бытового объединения, в котором состоят швейцары и гардеробщики — люди пожилые, в основном пенсионеры, рассказала мне, что происходило у них. В обычное время эти люди, по ее словам, замечали недоплату рубля в зарплату. А тут — обмен, и почти каждый приносит по 3—5 тысяч. И это ведь не в купюрах, которыми дают чаевые.

Надо сказать, что выпуск этих купюр — сама по себе акция разумная, ибо именно их люди складывали как удобный и надежный капитал, и именно их тратили только при крайней не-

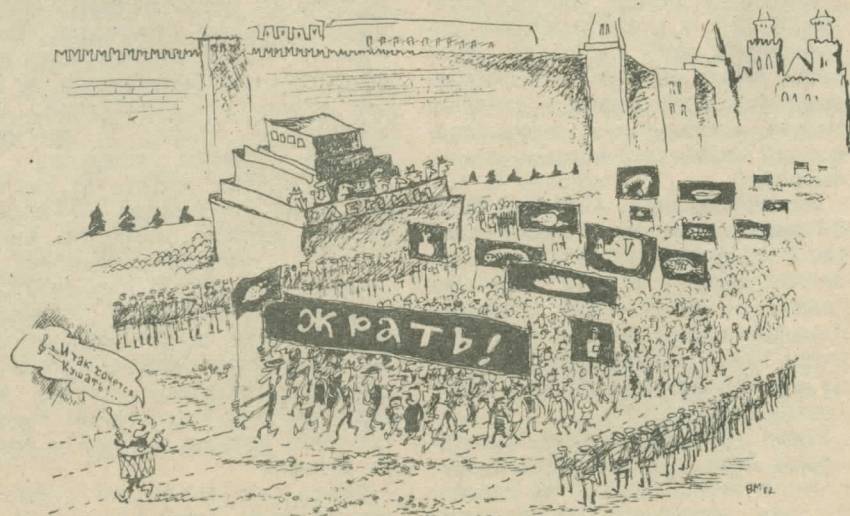

Рис. В. Мирошина

обходимости. И всколыхнуть эту денежную массу было непростительной ошибкой финансиста Павлова.

Конечно, нам уже не привыкать к лукавству премьеров, но очень трудно смириться с их ограниченностью. Даже если рассчитываешь экспроприировать у среднего слоя значительные суммы, даже если решил залезть в карманы кооперативов, а теперь, выясняется, и госпредприятий, неужели не ясно, что придется выискивать, и притом срочно, компенсацию — и отчаявшимся людям, и разорившимся предприятиям?

Удар по теневикум, даже спланированный, имел массу изъянов. Во-первых, эти деньги, как уже сказано, не надо было будоражить, лежали бы себе в кубышках, кстати, не только у теневикум. Во-вторых, теневикум подавляющую часть капитала пускают в оборот, а то, что оставляют себе, стремятся превратить в более надежную субстанцию. В-третьих, по уже проверенным данным, теневой капитал был предупрежден о готовящемся обмене и от основной массы купюр избавился заранее. В-четвертых, теневая экономика в наших условиях — это ведь хоть какая-то экономика. Теневикум производят товары, осуществляют их циркуляцию, заполняют потребительские бреши, где государство давно признало свою беспомощность. Акция Павлова надолго, думаю, загубила какую-либо надежду на нормальное развитие предпринимательства в России.

Единственное, что, наверное, все-таки удалось, так это инсценировка рынка: деньги впервые «стоили» не столько, сколько на них обозначено.

Попробуем, однако, еще раз прослушать пленку с выступлениями организаторов акции в канун ее проведения. Может быть, мы в горячке забыли про справедливые и разумные мотивы, которыми они руководствовались? Ну, не получилось, с кем не бывает.

Вот председатель Госбанка СССР В.Герашенко говорит, что обмен связан с улучшением внешнего вида советских денег, с борьбой против их подделки. Эстетические воззрения финансиста допустимы, но, увы, непонятны. Что он, против портрета Ленина или кремлевских зубцов по краю? Думаю, лукавил.

Голос главного организатора реформы В.Павлова преисполнен важности и плохо скрываемой радости охотника, заставшего добычу врасплох. Ни слова не сказав о своих пре-

дыдущих клятвах, премьер высказал все те же банальные утверждения, что обмен денег призван оздоровить денежное обращение в стране, что направлен против мафиозных кланов, сосредоточивших в своих руках «горячую» денежную массу, которая не позволяет стабилизировать потребительский рынок. Кроме того, по его словам, за рубежом в означенных купюрах оказалось 7—8 миллиардов рублей, которые также надо дезавуировать как угрозу советской экономике.

Увы, результаты обмена с неопровержимостью констатируют — нет и не было таких денег за границей. Правда, по некоторым сведениям, уверяет КГБ, их по каким-то тайным каналам успели перебросить за 3 дня в СССР и обменять, но тот же В.Герашенко опроверг это как «несерьезные слухи».

В последний момент, когда, казалось, уже все было сказано, премьер сделал еще одно «сенсационное» заявление: оказывается, в некоторых странах банки все-таки скупали советские деньги в больших количествах, чтобы, внезапно выбросив их внутри СССР, создать гиперинфляцию и подорвать существующий в стране режим.

Валентин Сергеевич, вы же умный человек, разве можно использовать столь потертое клише? Об «охоте на ведьм» мы ведь уже давно говорим не со страхом, с иронией. И также смешно утверждать, что инфляция может опрокинуть в нашей стране существующий режим. Надеюсь, себя вы под режимом не подразумеваете.

В ОБЩЕМ, как ни старайся, даже мотивов, оправдавших бы эту акцию, не было. Не случайно отнюдь не самый радикальный в последнее время член ЦК КПСС и член-корреспондент АН СССР Павел Бунин назвал эту затею «сомнительной реформой». Его соображения просты и доступны каждому. Следует подсчитать со знаком «минус»: затраты на печатание денег; орграсходы на обмен, включая зарплату банковских, милицейских и кагебешных служащих за сверхурочные; потери трех дней деморализации народного хозяйства по всей стране; смерти и болезни людей, для которых ситуация с обменом оказалась стрессовой; наконец, потеря престижа и авторитета правительства, которое его еще не успело занять.

Теперь, что могла эта реформа дать со знаком «плюс»: выключить из оборота те 7—8 миллиардов рублей,

которые якобы находятся за рубежом; нанести удар по теневикам; последнее и самое сомнительное приобретение — отбор денег у среднеобеспеченного слоя населения.

Ну а почему мы все о правительстве да о премьере? Обмену ведь предшествовал Указ президента. Его, увы, можно винить только в доверчивости. Все уже знают — засвидетельствовано специалистами — полную беспомощность президента в экономических вопросах. (Раньше была надежда на помощников и советников. Но вот беда — все нормальные и профессиональные почему-то уходят. И как тут не уйти: каждый глупый указ, получается, исходит от них.) Премьеров здесь множество. Только что были повышены процентные ставки на вклады в Сбербанке — людей вроде бы приглашали деньги вкладывать и не стремиться быстро их забирать. И тут же, не дождавшись даже пока все мыши заберутся в мышеловки, — указ, по сути, замораживающий вклады и резко отпугивающий от Сбербанка. Или ведутся уже разговоры о приватизации, чего только не делают, чтобы завлечь иностранный капитал. Наконец, издаем указ о гарантии иностранных инвестиций и тут же — указ, разрешающий вскрывать сейфы совместных и иных предприятий даже без санкции прокурора.

А уж сколько слов президент сказал о правовом государстве! И тут вот, бах, изымают денюжки, как когда-то на революцию. Что ж, и Коба, и Камо из нашей истории еще не вымараны. Но почему нас заставляют лицезреть их опыты?

Сегодня всем ясно, что проведенная реформа — амбициозная, она лишь средство продемонстрировать свою власть. Наряду с бэтэзерами, запретами на Центральном телевидении, угрозами журналистам. И здесь президенту трудно будет уйти от своей ответственности.

ВПРОЧЕМ, как заметил бывший министр финансов РСФСР Борис Федоров, польза от проведенной Павловым реформы все же есть: он что-то сделал, принял какое-то решение, хоть что-то поменял!

И может быть, в этом действительно содержится польза. Горбачев так долго отказывался менять правительство, а новый премьер так быстро решился на обмен денег, что скрепление этих двух опытов позволяет на что-то надеяться. Чего лукавить, народ прекрасно понимает, что поменять правительство легче, чем поменять деньги.

Мы воспринимаем нашу жизнь безрадостно. Это неправильно. Превращать свое существование в постоянную скорбь из-за того, что одного нет, другого — занятие непродуктивное. И на грубость продавщицы обижаться — сколько можно? Но вполне может статься, что историки будущего станут по крупицам собирать факты из нашей жизни...

Дорогие читатели! Давайте поработаем на историю, донесем до будущего приметы советского быта девяностых годов? У нас в журнале есть рубрика «Оттуда» — про то, что «они» про нас думают и какая жизнь «там», «у них». А то, что происходит с нами — здесь и сейчас, — мы будем публиковать под рубрикой «Отсюда». Два письма на эту тему у нас уже есть. Это два коротких рассказа о событиях конца прошлого года. Ждем ваших сообщений о жизни в году наступившем.

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

Надвигался год Овцы, и я поняла: пора заняться головой. Очередь в парикмахерскую оказалась небольшой, и вскоре я уже сидела в кресле мастера Анны Семеновны, женщины вполне приятной. Решено было делать «химию».

Тут я должна сообщить о себе некоторые интимные подробности. Дело в том, что волосы у меня очень мягкие и совсем-совсем тонкие. И потому все химические манипуляции с ними надо производить весьма деликатно, чтобы не вогнать их в состояние крутого штопора. Анна Семеновна была с этим согласна. «Под раствором мы с вами посидим совсем недолго» — так она это сформулировала.

Когда моя голова находилась в стадии смачивания, в парикмахерской поднялся переполох. Вбежала девушка и произнесла загадочную фразу: «В винном очередища, а нас не информируют!»

Состоялось бурное обсуждение, из которого я уяснила следующее. Парикмахерские работники договорились с продавцами соседнего винного магазина, что те продадут им к Новому году по две бутылки водки. За что парикмахеры, в свою очередь, пообещали виноторговцам сделать их к празднику максимально красивыми. Нормальная бартерная сделка. Но! Судя по клубящейся очереди, магазин уже всю торговлю нужным напиком, а парикмахерам об этом не сообщил. Когда обсуждение достигло накала несанкционированного митинга, в магазин решено было направить представителя общественности — мастера Наташу. Вернувшись, Наташа сначала успокоила

персонал: «Они сказали, это пока не водка, это — бормотуха», а потом совершенно озадачила: «Но водку могут завезти в любой момент, и в обмен на нее каждый должен сдать две пустые бутылки». Задача осложнялась тем, что нужны были не пустые бутылки вообще, а лишь посуда из-под водки.

Моя Анна Семеновна, принимавшая самое горячее участие в обсуждении, к тому времени уснастила мои волосы химическими реактивами и нахлобучила на них клеенчатый колпак. «Теперь немножко посидим...» — начала она, но вдруг с криком «я знаю, знаю где их найти!» куда-то умчалась.

Минуты длились. Бедные мои волосы впитывали химию в экологически вредных масштабах. Анна Семеновна не появлялась. С просьбой освободить меня от химического капкана я попробовала обратиться к другим парикмахерам, но мне было резко отвечено, что они неправомочны вмешиваться в действия моего мастера.

Анна Семеновна наконец вернулась, бутылку она нашла лишь одну, но зато успела позвонить племяннице, которая скоро должна подъехать с посудой, и обо всем этом она мне общала, освобождая мою голову из-под колпака, производя над волосами другие необходимые действия, но я уже достигла состояния полного спокойствия, и мне стало решительно безразлично, что у меня с головой.

А Новый год я встретила прекрасно, даже с шампанским. Его давали у нас на работе. В обмен на бутылку из-под шампанского же.

Н.В.ЛЕВЫКИНА

Когда было принято решение о продаже сигарет по талонам, а талоны напечатаны не были, Моссовет объявил, что табачные изделия можно купить на сахарные талоны за декабрь. Талоны же на декабрьский сахар потом напечатали новые. И тогда же, в начале осени, Моссовет сказал, что, если кто не хочет курить по декабрьским талонам, может использовать их в конце года для покупки праздничных наборов. Наша семья этому поверила. Мы не стали переводить в дым драгоценные бумажки с надписью «декабрь», а решили дожидаться конца года и праздничных заказов. И дождались!

В нашем продуктовом на декабрьские талоны на сахар (которые — на табак) давали: пачку риса, пачку геркулеса, две пачки маргарина и грузинский чай (скверный, но это неважно). Я двигался к прилавку с ценными бумагами, зажатый в кулаке, и гордился. Гордился своей семьей: вот мы какие — не извели талоны по пустякам. Гордился родным нашим демократическим Моссоветом: пообещал праздничное питание по табачным талонам — и слово сдержал.

И вдруг — полный обвал!

Когда я добрался до прилавка и уже потянулся к геркулесу, выяснилось, что талоны — не те! Те, которые табачные, были другого цвета, а мы все спутали и в начале декабря купили на них элементарнейший, пошлый, примитивный сахар. И сейчас у меня — талоны сахарные, сахарные в чистом виде, без права покупки «набора праздничного».

Но советского человека так просто не сломить! Пошел в булочную. Девушке, отпускающей рафинад, объяснил ситуацию. Попросил ее посмотреть, не покупал ли кто сахар по табачному талону. Чуткий человек, она перерыла груды талончиков и один-таки нашла. Мы с ней поменялись.

Оставались еще два талона. Дошел до универсама, и там продавщица бакален вежливо, с улыбкой поменяла их на нужные.

Теперь у нас в доме есть: три пачки геркулеса, шесть пачек маргарина, три пачки грузинского чая (скверного, но это неважно). И пачка риса (пачка я занимался талонобменом, рис кончился).

А через ваш журнал я прошу передать благодарность чутким продавцам. Девушке, которая обменяла мне талон в булочной, зовут Майя. Продавца бакалейного отдела универсама — Лидия Андреевна (фамилии они не назвали). Есть же и в торговле добрые люди!

Олег ФЕДОТОВ, студент

Марк ЗАХАРОВ:

«Я НЕ ЛУЧШИЙ ДЕПУТАТ НА СВЕТЕ»

Если когда-нибудь вам повстречается среднего роста мужчина с грустными глазами, чуть ироничной улыбкой и зачесанными, как у Александра I, седоватыми висками, можете смело подходить за автографом. Это Марк Анатольевич ЗАХАРОВ. Худрук «Ленкома», режиссер, лауреат, депутат. Как дошел до жизни такой? С детства увлекся театром. После десятилетки поступал в школу-студию МХАТ. Неудачно. Затем одновременно в МИСИ, где была перспектива попасть на факультет водоснабжения и канализации, и в ГИТИС, куда и был зачислен. По окончании, не сумев устроиться в столице, отправился на периферию. Потом снова Москва. Актерская работа в театре им. Гоголя, Театре миниатюр, студенческая самодеятельность. В 1965 году был замечен и приглашен на профессиональную работу Валентином Плучеком. В сущности, с этого все и началось.

Сегодняшнюю беседу с Марком Захаровым ведет корреспондент «Столицы» Петр Фадеев.

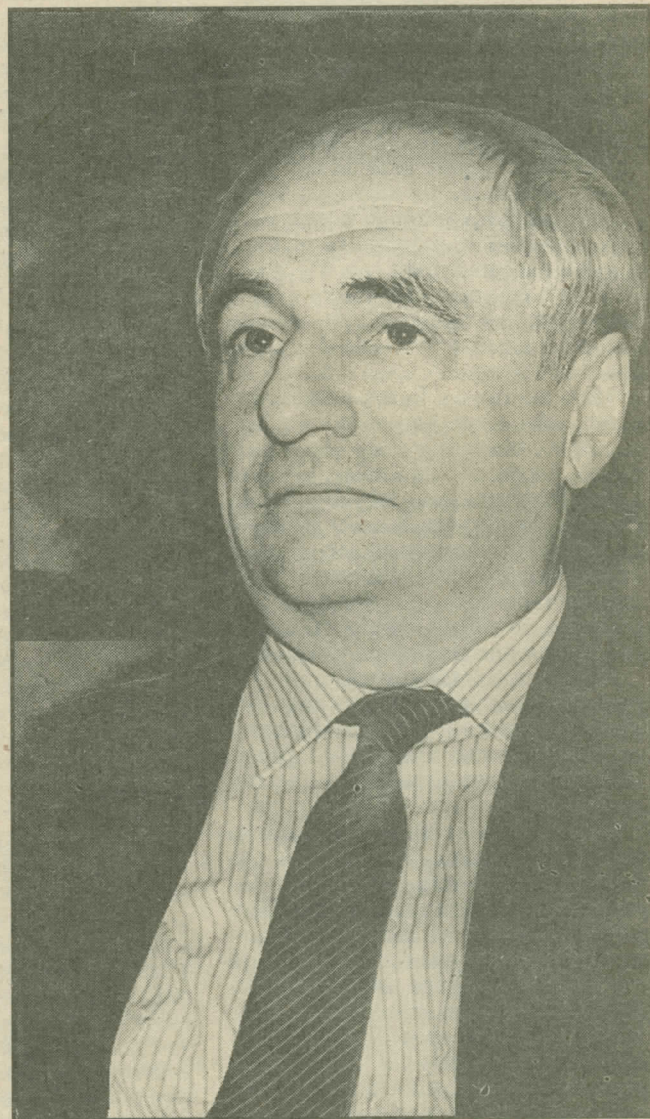

Фото Б.Кремера

Мне будто кто-то помог в том, что я уехал на периферию, чтобы приобрести там какую-то особую энергетику, несвойственную москвичу. Посмотрите на наших руководителей с

самого партийного верха и правительства! Среди них почти не встречаются москвичи. Это все люди с периферии. Там приобретается особая энергия дерзания и жажда столичного завоевания. Крайне субъективное

суждение: если бы В.И. Ленин окончил Петербургский, а не Казанский университет, он бы никогда не возглавил наше государство. Впрочем, это тема, требующая отдельной диссертации или монографии, которой,

может быть, я когда-нибудь займусь.

— Было бы замечательно. Но у вас, по-моему, и сейчас забот хватает. Не так давно новый спектакль поставили...

— «Школа для эмигрантов». Автор — Дмитрий Липскеров. Неприлично молод: 26 лет. Новая генерация советских литераторов. Не все принимаю в его творчестве, но мучит, влечет крайнее любопытство, и потом — В.И.Немирович-Данченко завещал нам обязательно ставить пьесы современных драматургов. Без современной драматургии театр быстро умирает. Хочется умереть медленно и не сразу.

Я очень люблю эту пьесу, в какой-то степени она про меня. Про мои игры, добрые и злые, про дьявольские порывы и божественные мечты. Изощренная фантазмагорическая психологическая трагикомедия. Потребовала много душевных сил и экономических ресурсов. Современный спектакль должен стоить дорого во всех отношениях. Поэтому, увы, премьеры в современном уважающем себя театре случаются редко.

— Грустно. Но все же, хотя это и не в духе времени, попробуйте сформулировать тот позитив в театре, благодаря которому не все еще уехали.

— В нашем театральном созидании произошли радикальные изменения. Ликвидирована цензура. В это не верится, но это факт. С 1987 года, по крайней мере в нашем театре, она отсутствует. Вся моя режиссерская жизнь до этого момента протекала в сложных взаимоотношениях с цензурным аппаратом, со всевозможными комиссиями главков, министерств, райкомов, горкомов и т.д. Теперь многое изменилось. Зрители, критики и местные власти осознали: режиссер — штучная профессия. Театральные шедевры и самобытные режиссеры рождаются редко. Руководитель театра, назначенный партийной инстанцией по законам номенклатуры, стоит недорого. Чаще всего он обречен на мгновенную и естественную гибель.

— А по-моему, даже сейчас, с отсутствием бывшего цензурного фильтра, многие режиссеры, в том числе и вы, получаете удовольствие, зашифровывая некоторые мысли.

— Может быть, и так, хотя я этого не замечаю. Наоборот. В «Мудреце» я все открыл уже настолько, что показал, хотя и в отдалении, часть голого мужского торса, за что получил много критических замечаний: «Ну

как же это можно в Островском такое показывать?..» Хотя я считаю, что Островский — великий драматург и счастье, если он будет идти на всех сценах по-разному и его будут ставить разные режиссеры.

— Кстати, об эротических сценах. И в «старые добрые» времена «Ленком» не страдал от их отсутствия. Взять хотя бы «Жестокие игры» А.Арбузова.

— Да, но они все-таки носили очень невинный по сегодняшним временам характер. Сейчас бы, конечно, вернуться по этой линии, но уже поздно: хлынуло в эротическое русло такое количество кинофильмов и разного рода театров-студий, что это уже как бы дурной тон. Раздевать актрис на сцене? В последнем спектакле пришлось встать на горло собственной песне, дабы не быть похожими на среднестатистический театр или среднестатистический фильм, сделанный хозрасчетным способом.

— Что и говорить, ленкомовскую планку держать не просто. Поэтому, Марк Анатольевич, вопрос ребром. Чем порадуете? И когда?

— Нам хотелось бы разработать несколько иную методологию, новые энергетические и даже гипнотические аспекты современного психологического театра, переходящего в фантазмагорию. На это уходит много сил, быстро и часто спектакли в нашем театре теперь выпускать не удается. Спектакль должен быть зрелищем и праздником, и обязательно событием; он может не поправиться, но он не может и не должен быть скучным и традиционным, поэтому каких-то громадных, объемных репертуарных планов нет. Хотим для детей играть «Бременских музыкантов», основываясь на замечательной музыке Геннадия Гладкова, — это идея Петра Штейна. А я хожу кругами вокруг одной загадочной и прекрасной пьесы, которая никогда не получалась в русском и мировом театре: «Снегурочка» А.Н.Островского. Возможно, у нас она будет называться «Космическая фантазия А.Н.Островского», потому что слова «снегурочка» и «дед мороз» у артистов вызывают неприятные ассоциации, связанные с первыми мучительными заработками.

— А кто будет играть Снегурочку?

— Сейчас репетирует Саша Захарова — это моя дочь, она уже восемь лет в театре, но я лично на серьезные роли ее не пробовал.

— Это вызывает уважение у сплетников.

— Она очень помогла мне в том смысле, что хорошо снялась в фильме, к которому я не имею никакого отношения, и на киностудии, на которой я ни с кем не знаком. Это «Криминальный талант» Одесской киностудии, имевший успех у нашего телевизионного зрителя. Поэтому тяжесть, которая на меня давила, исчезла. Дочь помимо меня доказала, что она талантливый человек и имеет право на серьезную работу.

— Мы начали говорить о театре, а ведь отечественный кинематограф, которым мы так долго гордились, медленно «накрывается», что-то с ним неладное творится. Вам так не кажется?

— Пожалуй. Я бы объяснил это тем, что, во-первых, мы почти полностью сняли железный занавес. Наши драматурги не сразу поняли всю опасность этого обстоятельства. Они вступили в конкуренцию не только со всей мировой литературой, но и со всей русской зарубежной литературой. Каждый теперь соревнуется не только с Аристофаном, Олби или Шекспиром, но и с Набоковым, Аксеновым, Солженицыным. В кинематографе происходит похожий процесс, поскольку нас сметает мощь американской киноиндустрии. И я думаю, что пора выработать какие-то ограничительные, защитные нормы, чтобы хоть в скромных размерах сохранить свое киноискусство, как это делают в Европе.

Во-вторых, не надо забывать о всплеске «чернухи» и голой публицистики. И то и другое уже приелось. Мне кажется, что очень скоро все войдет в более спокойное русло и мы будем во многом исповедовать общечеловеческие ценности лучших лент мирового кинематографа.

— Тут я позволю себе выразить личное мнение по поводу двух замечательных фильмов, стоящих как бы отдельно от остальных ваших картин. Я говорю об «Обыкновенном чуде» и о «Том самом Мюнхгаузене». Мне кажется, что они требуют завершения в романтическую трилогию. Вы об этом не думали?

— Спасибо, что так высоко оцениваете эти фильмы. Я их тоже недавно посмотрел. Они остались приятными и живыми. Единственное, чего боюсь, — точно повторить через многие лета те приемы и позиции, которые были выработаны когда-то. Но вообще сделать мюзикл, не претендующий на решение острых политических и производственных проблем, я бы все-таки хотел. Однако сейчас

в данный момент, положение в советском театре такое напряженное и артисты подвергаются такому давлению и соблазнам, что я не имею права надолго уходить из театра. Я отказался от ряда интересных зарубежных предложений, от которых бы не отказался раньше. Сейчас, когда я призываю к ленокмовскому патриотизму, а человека приглашают в сомнительное кинопроизводство, оплачивают часть гонорара в валюте, очень трудно сказать ему: «Брось, плюнь на это дело и занимайся театром». Поэтому отвлекаться на съемки большого фильма пока опасаясь.

— Но не испугались же вы пойти в депутаты. А это вряд ли требует меньшего времени, чем съемки фильма.

— Во-первых, я — депутат «второго сорта». От общественных организаций. Меня выдвинул Союз театральных деятелей, и в обстановке перестроечной эйфории я не сумел отказаться от доверия моих коллег. Хорошо понимаю, что люди, прошедшие в избирательных округах горнило жестокой предвыборной борьбы, — депутаты иного рода... Я — не лучший депутат на свете, хотя мне кое-что удалось сделать и по линии СТД СССР, и в деле улучшения жилищных условий некоторых артистов... А вообще я — за профессиональный парламент. На одной из встреч с президентом я честно заявил, что парламентарий — это профессия, а не просто хороший музыкант, способный режиссер, добрый доктор или умный академик... Полагаю, сегодняшний Съезд народных депутатов СССР — это младенческая, переходная форма в движении к новому демократическому, правовому государству.

— Раньше во время заседаний съезда вас часто показывали по ТВ, сейчас реже — наверное, операторам запретили: с трибуны «судьбоносные» речи, а у Захарова такое выражение лица, что хоть стреляй.

— Да, IV съезд наших депутатов был, конечно, переломным и нес в себе много негативных эмоций. Я быстро догадался, что мы переходим в какую-то другую фазу отечественной истории, не вызывающую оптимистических прогнозов. Возможно, поэтому на моем лице проглядывала некоторая нескрываемая грусть.

— Не собираетесь ли вы реализовать эту грусть, подав в отставку как депутат? Прецеденты такие имеются.

— Мне уже немало лет. Не хочется делать судорожных, резких движе-

ний. Хочется нести ответственность перед совестью и Богом за то, что совершил в жизни. Уважаю тех, кто мужественно и смело ушел в отставку или всенародно объявил о своем отрешении. Но у каждого свой путь.

Симпатий и убеждений я не менял. Прежнее партийное руководство терпел, на Красной площади никого публично не клеймил. За оккупацию Чехо-Словакии в 1968 году демонстративно не голосовал (вышел из зала), но и громкогласно ее не осуждал... За мной всегда был коллектив, поэтому я не чувствовал себя абсолютно свободным. Временами, вероятно, проявлял осторожность, хотя и не декларировал ее. Подстраиваться целиком и полностью к позициям А.Сахарова, Г.Якунина, В.Буковского, А.Солженицына не имел и не имею морального права. Преклоняюсь, молюсь на этих людей, но себя с ними и некоторыми другими отважными сынами Отечества не отождествляю.

Раз однажды согласился быть депутатом — буду им еще некоторое время, хотя понимаю, что не являюсь украшением депутатского корпуса.

— Ну а «пост» ведущего «Киносерпантина»? Его вы как будто тоже не собираетесь покидать. И даже остались в явном меньшинстве на собрании кинематографистов, где было решено объявить бойкот ЦТ и не участвовать в его передачах.

— Я не остался в меньшинстве. Я просто вместе с некоторыми другими кинематографистами воздержался при голосовании, ибо отношусь к телевидению как к искусству. Нельзя бойкотировать живопись, музыку, театр, кинематограф. А телевидение многие решили бойкотировать. Я этого в толк взять не могу.

Понимаю, что можно призывать к дерзкой и всеобщей забастовке на ЦТ, например, отключить вещание на час или два в самое «смотрибельное» время, есть на то, возможно, основания. Но призывать кинорежиссеров, работающих в творческом объединении «Экран», бросить съемку запущенных в производство картин на неопределенное время — вот этого я не понимаю! Мы еще не построили правовое государство, и поэтому у меня как у автора телевизионных фильмов нет осязаемых прав на их эксплуатацию или неэксплуатацию в эфире. Отсюда — очень много сложных и неразрешимых вопросов.

Я не понимаю, как можно актерам запретить дубляж и съемки в телепроизводстве, если это их единственное

ремесло в жизни. Я не могу понять, за что бойкотировать детские радио- и телепередачи, почему должны страдать дети и почему, тем не менее, Э.Климов имеет моральное право выступать после объявленного бойкота в развлекательной передаче «До и после полуночи»?.. Допустим, он говорил хорошо и правильно. Значит, можно делать исключения? Для кого и в каких передачах?.. Составлять списки?.. Мой близкий друг Гр.Горин, подписавший призыв к бойкоту, сделал с А.Габриловичем замечательный фильм об А.Миронове. Из зала раздались сочувственные голоса о том, что про Миронова фильм по ЦТ показать можно и нужно. Интересно, можно ли про Урбанского, Плятта, Вахтангова?.. Неужели придется составлять списки: кому как демократу можно показываться на ЦТ, кому — нельзя и кто, показавшись, окажется антидемократом.

Приблизительно этими словами и сомнениями я поделился на собрании московских кинематографистов.

Повторю еще раз: я могу понять резкие и даже экстремистские шаги в области бойкота, но если этот бойкот обращен в сторону искусства и отдельно взятого художника — меня мучат сомнения.

Я — целиком и полностью за немедленную организацию российского независимого телевизионного канала, но призывать своих телевизионных коллег немедленно прекратить работу на ЦТ — не считаю для себя возможным.

— И последний вопрос: что вы как руководитель «Ленкома» думаете о перспективах названия театра?

— Первое, что мы сделали, — сократили свое название, чтобы труднее было разделиться. Теперь многие делаются пополам: Ермоловский, МХАТ. «Имени Ленинского Комсомола» — опасное название. Можно поделиться на «Ленинского» и «Комсомола». А «Ленком» — простое слово, без пафоса. Вообще при всем очень, как бы вам сказать помягче, сложном отношении к вождю мирового пролетариата я считаю, что все равно — это наша история, как Сталинград. Не я придумал этот театр, и не я его создал. Он имеет свою историю, большую и сложную. Здесь работали Судакон, Берсенев, Эфрос. Сделать вид, что такого театра нет и не было, назваться как-то иначе, — было бы на мой взгляд, несправедливо. Раз так суждено — надо нести свой крест...

Вячеслав БАСКОВ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — ПЕШЕХОДА

Фото В.Шишова

Нет ничего проще, чем сломать в Москве ногу. Или ключицу. Пройдет дождик, чуть подморозит — и москвичи выйдут на улицу словно бы специально для того, чтобы падать и калечиться. В Москве теперь есть много предусмотрительных людей, в основном пожилых, которые с осени уже из дома не выходят и воздухом дышат через форточку. А те, которые ходят, не знают, вернутся ли домой или их увезут в больницу. У пешехода на улице нет никаких прав. Никто не отвечает за его здоровье, не несет ответственности даже за самое элементарное — чтобы он передвигался быстро и беспрепятственно...

Возле станции метро «Смоленская» вдруг закрыли подземный переход. Выплывают люди из метро, подъезжают к самому подземному переходу один за другим троллейбусы — а подземный переход, который ведет на ту сторону, представьте, заколочен досками.

Надо сказать, что на этой стороне Садового кольца находится станция метро «Смоленская» и на той стороне Садового кольца — станция метро «Смоленская». Из обеих вытекают ничего не подозревающие люди. И стоят по обеим сторонам Садового кольца и смотрят друг на друга в недоумении издали. Дело в том, что станции эти между собой не сообщаются. Для того чтобы пассажирам попасть на ту сторону, нужно снова войти в метро «Смоленская», доехать до станции «Киевская», там сделать пересадку на другую станцию «Киевская» и проехать назад одну остановку до станции «Смоленская». Только таким путем вы окажетесь на той стороне Садового кольца.

Рядом с закрытым подземным переходом на палку прибили объявление: дескать, граждане, если вы действительно хотите перейти на ту сторону, то вам нужно пройти назад двести метров или вперед двести метров. Вперед — страшно посмотреть: на горизонте, эдак на горке, высится балкон над подземной эстакадой — кусок

проспекта Калинина, — до которого неведомые доброжелатели предлагают вам сперва пойти, потом пройти по нему на ту сторону Садового кольца, а затем вернуться к исходной точке вашего смятения — только с противоположной стороны. Получается, что для того, чтобы элементарно перейти на другую сторону улицы, вам нужно пройти уже не двести метров, а полкилометра. Но в объявлении написано двести.

На бумаге двести метров или пятьсот метров выглядят вроде бы несколько не пугающе. Нас приучили к крупным цифрам, так что мы просто уже и не понимаем, что они значат. Между тем в реальной жизни, на реальном Садовом кольце пройти даже двадцать метров — целая проблема и трудная работа. По Садовому неудержимым потоком мчатся грузовики, такси — в пять рядов в каждом направлении. Грохот стоит неумолчный. По дороге к эстакаде пешеходы вынуждены идти не по благоустроенному чистенькому тротуару, а по самодельному деревянному тоннелю, пристроенному к чертовски грязному забору, который заслоняет поистине бесконечно дрящущуюся стройку. Лет двадцать пять назад забор на этом самом месте, вдоль эстакады, уже стоял, помнится. На языке строителей тоннель вдоль такого забора называется почему-то красивым иностранным словом галерея. В той «галерее», вплотную к которой мчатся сумасшедшие машины, от дождей, снега и грязи сгнили доски, «галерея» узка для прохода пешеходов в обе стороны, поэтому пешеходы бегут прямо по мостовой, рядом с «галереей». В дождь или снег пешеходов обдают грязью, но они все равно бегут... Словом, предлагать пройти двести метров вперед — это хорошо продуманное издевательство.

Пойдешь назад — тоже в горку. Нужно пойти до здания Министерства иностранных дел. Вроде бы тоже метров двести, но минуешь Смоленский гастроном, возле которого толпы людей — нужно протиснуться сквозь них, а потом сквозь толпы на Арбате...

НАДО СКАЗАТЬ, что московский пешеход еще не ко всему привык, хотя он самый замученный в мире. Раз уж нас имеют пешеходами, то спокойно ходить бы дали! Так ведь не дают. А за что нас не любят? Еще ни один пешеход в мире не задавил машину, это, наоборот, машины нашего брата передавили и давят тысячами, сотнями тысяч. На дорогах

идет настоящая война — победу в ней всегда одерживает одна сторона...

Среди пешеходов, в отчаянии остающихся перед закрытым подземным переходом, не знаящих, куда теперь деваться, и в сочных выражениях проклинающих власть, почти каждое утро оказывается Александр Сергеевич Аручев. Он мне лично говорил, что закрытие подземного перехода «ударил» по нему не меньше, чем по другим. Потому что учреждение, в котором работает пешеход Александр Сергеевич, находится на той стороне Садового кольца, прямо напротив той станции метро «Смоленская». По подземному переходу до нее идти ровно две минуты — в обход, если идти вперед, не меньше получаса, назад — минут двадцать пять...

Многие пешеходы, мечущиеся по эту сторону Садового, хотели бы рискнуть самым дорогим, что у них есть, — жизнью, и перебежать «туда» поверху, прорваться сквозь десять рядов мчащихся с ревом убийц. Многие, только не Александр Сергеевич. Нет никаких сомнений, что Александр Сергеевич — наиболее дисциплинированный пешеход: как бы ни спешил, он, уверен, ни за что не решился бы нарушить порядок, который на данном участке Садового олицетворяет милиционер, специально поставленный в том месте мостовой, где у пешеходов возникает непреодолимое влечение на ту сторону. Милиционер с жезлом стоит не в отдалении, а как раз рядом с жерлом забытого подземного перехода, вблизи от объявления о каких-то двухстах метрах до ближайшей возможности перейти улицу:

Но не только природная добросовестность удерживает Александра Сергеевича от рискованной пробежки по перпендикуляру. Главным образом то, что это он сам и забил подземный переход с обеих сторон, повергнув толпы людей в полное и безысходное отчаяние. Как оказаться на той стороне старушке? Мамаше с коляской? Инвалиду? В расцвете лет, но уставшему человеку? Впрочем, разве всех, переходящих с одной стороны Садового на другую, переназовешь? Проще сказать «пе-ше-хо-ды».

Александр Сергеевич Аручев работает главным инженером Дирекции единого заказчика Мосжилинжа. Именно это учреждение и выступило заказчиком по ремонту обветшавшего подземного перехода. А подрядчиком согласилось стать СУ-36 треста набережных и мостов другого под-

разделения исполкома Моссовета — Мосинжстроя. Согласилось при одном-единственном условии, чтобы подземный переход перекрыли весь. Союз Мосжилинжа с Мосинжстроем зарегистрировало третье юридическое лицо — ГАИ. ГАИ дало согласие на перекрытие подземного перехода.

ГАИ — учреждение, которому до пешеходов нет никакого дела. В круг его интересов входят автомобили. Ему ничего не стоит дать разрешение на закрытие перехода. Лишь бы только хорошо было машинам. В ГАИ есть специальный отдел, который так и называется: организации дорожного движения. Дорожного, не пешеходного. Нет защитника у пешехода во всей Москве!

Александр Сергеевич описал, как в первые дни, когда подземный переход забили досками, нахальный народ подлезал под них — пер в тоннель, как он выразился, на карачках. Тогда offensichtlich культурные доски завалили чем-то железным и ржавым. И все стало в полном порядке. Можно стало приступать к ремонту.

Старший инженер отдела организации дорожного движения ГАИ Анатолий Никифорович Конопленко ничего не описывал. Он говорил вообще односложно: «Почему?» Как же вы, спрашиваю, дали согласие на закрытие перехода — ведь ущемлены права пешехода!

— Почему?

Да ведь очень далеко ходить до других мест перехода!

— Почему?

Так и поговорили. Знаете, в русском языке, когда кому не хватает слов, тот в ход пускает интонации: «почему?» означает не «почему?» а «нет!» Не далеко — а близко, не неудобно — а удобно... Диалог из разряда «сам дурак»...

Пешеходам пора узнать, что в их уличных мучениях повинны не столько строители, сколько ГАИ. Когда вдруг закрывается переход или внезапно тротуар перерезается строительным забором, а для людей выстраивают нечто дощатое и с навесом, который протекает и где доски под ногами за неделю начинают «играть», ходить ходуном, так что люди там только калечатся, а вовсе не спасаются от летящего мимо железа на колесах, — во всех этих уличных неудобствах главную роль играют милиционеры. Оказывается, без согласования с ГАИ на улице не может появиться ни один строительный забор.

Но самое, пожалуй, удивительное

в том, что когда такой забор появляется возле здания, которое ремонтируют или строят иностранцы, то «галереи» бывают вполне надежны и просторны. Два встречных потока пешеходов в любое время года, в любую час дня и в любую погоду движутся там, как по открытому тротуару. Иностранцы строители, возводя на улице забор, как бы извиняются перед пешеходами за ограничение их прав. Ходить по «галереям» вдоль строящегося цирка на Цветном бульваре, мимо гостиницы «Метрополь» или Пассажа было одно удовольствие, тамшние навесы спасали от дождя. В самый час «пик» люди шли там, друг друга почти не задевая. И не глядя под ноги — с потолка свисала града лампочек...

ОДНА НАША «галерея» всасывает ни о чем плохом не подозревающую толпу возле сгоревшего дома № 16 на Тверской улице — где размещалось ВТО. Всосала — и держит в своем черном чреве целых сто пять метров! На «полу» там оставили асфальт. Поэтому под ногами жижга, растоптанная лужи. Ширина галереи всего 150 сантиметров, а в одном месте — 135. Уже к четырем часам дня в проходе, именуемом «галереей», густая тьма. Через эту дощатую трубу в день снует к Елисеевскому и от Елисеевского магазина мильон ног. Стройки не обойти — забор поглотил подземный переход, так что все идущие по Тверской просто вынуждены ступать под своды «галереи».

Мужчины и женщины лезут друг на друга — два встречных потока — эдак боком. Ширина груди обычного мужчины, одетого в пальто, около метра. Наши изящные женщины со своими сумками в узкой галерее кажутся чрезмерно крупными. Но дело даже не в ходьбе боком и не в стычках плечами, а в том, что где-то на полпути вас охватывает страх. Представьте, с просторной улицы вы попадаете в узкий тоннель, конца которому не видно (тоннель заворачивает за угол дома). Вечером, в полной мгле это действительно страшно. Такое впечатление, что из тоннеля нет выхода. Пешеходы не видят ничего — сбоку сделан высокий барьер, за которым мчатся машины, надрывно взвизгивая перед светофором.

- Мама, куда мы идем?
- Иди, иди.
- Страшно!

Молодая женщина быстро берет маленького мальчика на руки, прижимает к себе, остановиться нельзя — молчаливый поток неизвестных

людей идет навстречу, толкает в спину. Люди теряют ориентир — куда, в самом деле, выведет тоннель? К темным тоннелям нам не привыкать, но к такому длинному мы не привыкли... Кто же сбил этот забор, наводящий на пешеходов ужас?

Выяснилось, что это сделали очень хорошие люди, отличные ребята из ремстройтреста Свердловского района. Это они ремонтируют погорелый ВТО, это они, раздвинув «галерею» до 150 сантиметров, проявили невиданную щедрость. Согласно ГОСТу 23407—78, «панель тротуара должна обеспечивать проход для пешеходов шириной не менее 1,2 м». Но то — тротуар, а то — дощатая «галерея», закрытая со всех сторон. Оказывается, «галерея» — это «временный тротуар», и к ней ловко приспособили статью указанного ГОСТа. А про устройство «галерей», несмотря на то, что Москва ими «устроена» в великом количестве, ГОСТа не придумали.

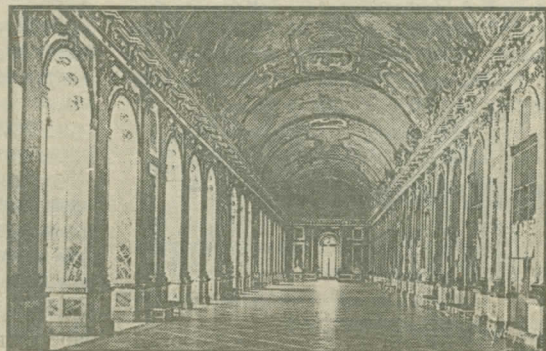
Главный инженер ремстройтреста Валерий Аркадьевич Ширококов, обаятельный молодой человек, развернул передо мной на столе гигантскую карту, на которой без труда нашел и порушенное пламенем здание ВТО, и подъемный кран, и забор, и «галерею»... Точно так же, как главный инженер Александр Сергеевич Аручев, Валерий Аркадьевич темперментно убеждал меня, что «галерея» — неизбежность, другого, более удачного инженерного решения нельзя и придумать. Разве? Там, где «галерея» заворачивает за угол, стоит светофор. Отнесите светофор к началу «галереи», а на углу сделайте временный наземный переход на ту сторону Тверской, к магазинам «Армения» и к «Кондитерскому». Идти по «галерее» не будет страшно, она сократится вдвое, люди не потеряют в ней ориентацию, будут видеть, куда она ведет!.. Но главный довод Валерия Аркадьевича против этого и всех других решений — согласие на сантиметровую закрытую «галерею» ГАИ. Только если на перекрытие подземного перехода на Смоленке давал устное «добро» старший инженер отдела организации дорожного движения ГАИ, то на постройку «галереи» вокруг ВТО дал письменное разрешение начальник старшего инженера —

сам начальник отдела Григорий Адамович Паламарчук.

Григорий Адамович и Валерий Аркадьевич были очень удивлены, что к вечеру в Москве темнеет. Григорий Адамович обещал съездить «на место» и лично проверить, как там темно и вообще темно ли...

НАВЕРНОЕ, ни в одной стране нет такого количества героев труда, как в нашей. Работают они самоотверженно и самозабвенно. Некоторых из них прославили газеты и ТВ, другие трудятся пока не замеченные журналистом, который тоже самоотверженно и самозабвенно ищет в жизни место для подвига. Александр Сергеевич с Валерием Аркадьевичем и Григорий Адамович с Анатолием Никифоровичем — несомненно, скромные герои труда. Они прекрасно знают дело, которому служат. Они жизнь кладут на ремонт московских подземных переходов и сгоревших домов. Они читают сложнейшие схемы, как я — рукописи. Под их мудрым руководством будут замечательно отремонтированы подземный переход и одно из красивейших московских зданий. Ими может гордиться столица. Но эти прекрасные инженеры и милиционеры совершенно не думают о пешеходах. То есть думают, но в том смысле, что пешеходы вечно мешают свершению героического деяния. Именно для того, чтобы они, эти массы, перестали, наконец, ходить по улицам, где идет напряженка будней, для них строят непроходимые проходы, которые назвали красивым иностранным словом «галерея», означаящим совсем не то и строящимся совсем не так. Или просто посылают куда подальше — в обход, чтоб они там калечились на здорье...

Москва — не самый старый город на планете. Во многих городах мира идут стройки и перестройки. Но нигде горожанам не дают понять так откровенно, что у себя дома они — лишние.

СВЯТО МЕСТО МОКРО НЕ БЫВАЕТ?

Не знаю, будет ли цел Большой театр, когда появится эта статья...

По прогнозу Г.М.Погребецкого, его колоннада рухнет в течение года. Затем провалится под землю Малый театр, а в 1993 году исчезнет гостиница «Метрополь».

— Папа, если мы все утонем,
это будет утопия?

(откуда-то из Воннегута)

«НОСКИ БЫ ВЯЗАЛИ!» — в сердцах сказал Г.М.Погребецкому заместитель директора Малого театра, когда тот изложил ему свои опасения. В Фонде культуры были сговорчивее: «Рухнет, говорите? Что ж, больше не пойдем в столовую Большого театра...»

В прошлом году Георгий Маркович Погребецкий вышел из партии, верным сыном которой был 44 года. Причина: равнодушие КПСС к Театральной площади.

Площадь «плывет», и Георгий Маркович третий год пытается унять веселое равнодушие ведомств. 14 января его подняли на смех в Комиссии по чрезвычайным ситуациям при Совете Министров СССР: как так? Большой? рухнет? помилуйте! это же чушь! дикость! Оно, конечно, так...

— Но ведь рухнули в Киеве колонны почтамта! — негодует Георгий Маркович, — по тем же причинам! Придавлив 14 человек...

Он не паникер. В его статьях сквозит рефреном: «Докажите мне обратное, и я успокоюсь. Отстану». Но нет доказательств. А ему не верят и обзывают «нейстовым пенсионером».

Итак, выслушаем Георгия Марковича; с чего все началось?

ИКРА ЗАМОРСКАЯ, КАБАЧКОВАЯ!

Появился давеча в Москве один немец и говорит:

— Слышал я, «Метрополь»-гостиница у вас «поплыла»?

— Нешто? — удивились москвичи, но, поразмыслив, сокрушенно согласились. — А оно и возможно. У нас, почитай, все «плывет»...

— Так могу по-братски помочь, — немец молвит, — сваи цементогрунтовые сварганить...

Обрадовались москвичи, в ладоши захлопали, а немец на калькуляторе почикал и бормочет:

— Золота возьму... мешков десять...

— Двадцать бери! — москвичи визжат.

Тут вдруг германец себя по лбу хлопает:

— Только под «Метрополь»-гостиницей — глина-с! А технология моя на глину, извините, не рассчитана...

— Да господь с ней! — москвичи кричат, — нешто она не наша земля, не советская? Технология заморская — вот что главное!

Сделал немец свое дело — пошел «Метрополь» трещинами. Штукатурка посыпалась тож. Приходит он тогда снова:

— Слышал я, Малый театр у вас качается?

— Качается, батюшка, спасу нет!

— Могу воспomoществование оказать. Сваи цементогрунтовые соорудить...

Видит немец, посветлели лица московские, оркестр туш репетирует — высморкался он и говорит так задумчиво:

— Только тогда Неглинка-река на рога встанет...

— Да нешто не слышали вы нашего принципа наиглавнейшего? — москвичи удивляются. — Течет вода любой реки, куда велят большевики!

...Кто-то жевал магнитофонную пленку, так что не ручаюсь за дословную точность, но суть дела в том, что

в октябре 1986 года западногерманская фирма «Бауэр» начала работы по укреплению фундаментов гостиницы «Метрополь» — а уже через пару месяцев на фасадах появились первые трещины...

ОТЕЛЬ НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

Георгий Маркович показывает мне рекламный проспект метода «Джет Граутинг», который использовала фирма: кривая прочности ползет вверх к гальке, цепляясь за цифру 300 кг/кв.см. Но что это? На глинистых грунтах прочность в десять раз меньше — всего 30 кг/кв.см!

А вот второй документ, академические труды Метростроя, где черным по белому писано, что в 1707 году Петр I, ожидая «в гости» Карла, короля шведского, возвел пред Китайгородом новые фортеции, засыпав старый ров в 17 метров шириной — глиной! (Эту глину обнаружили в 1934 году строители метро...)

Что мешало сопоставить эти два документа, заключая контракт на 15 млн. долларов?

А дальше было вот что. Метод «Джет Граутинг» предусматривает нагнетание цементного раствора под мощным давлением — в 420 атмосфер. Глина элементарно разрушается, по трещинам разбегается вода, объем, соответственно, увеличивается, глина вспучивается — и «Метрополь» боками чует, что его опора в интересном положении.

(Откуда вода, что «разбегается по трещинам»? Это те самые подземные грунтовые воды, что текли с Лубянки в речку Неглинку, размывая — как соображает тот же фоллиант — всегда (!) китайгородскую стену. Для чего на этом участке стены и были сделаны сохранившиеся по сю пору контрфорсы...)

Присовокупите сюда вибрацию метро, которое проходит слишком близко к поверхности — всего-то в 15 метрах, — итог будет ясен и грустен.

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Все знают, что под улицей Неглинной течет река Неглинка. Только это не так.

Истинно говорю: речка Неглинка была в конце осмнадцатого столетия засыпана. И пущена в новое русло — что на 13 метров к востоку. И только после французса это самое новое русло было запрятано в коллектор — а над ним и получилась улица Неглинная. (Заблуждался на сей счет даже «дядя Гиляй», полоша Москву репортажами про то, как спускался в «самое» Неглинку!)

Итак, точнехонько под Малым театром старое русло реки. Служи же о ее смерти, как выяснилось, сильно преувеличены. Смешно думать, что, разливавшаяся когда-то до Петровки, река вот так запросто отойдет к праотцам! Вообще реки не умирают. Но ладно б просто водичка!..

Под Малым театром — плывун! Агрессивная компания из воды и песка, мощная, сдвигающая камни — она принесла немало бед метростроителям; вспомните страшную аварию на строительстве станции «Охотный ряд»... Поэтому Г.М.Погребецкий сильно сомневается, что цементогрунтовые сваи фирмы «Бауэр» — благодаря козням плывуна — вообще существуют...

(Кстати, в истории города уже имела место грустная история с домом Минфина на углу Неглинной и Рахмановского. Построенный без досконального изучения грунта — на старом русле Неглинки, — он быстро осел и едва не рухнул.)

Также и этот — уже восьмимиллионный контракт (в долларах натурально!) — был заключен... до утверждения технической документации.

А Георгий Маркович предупреждал! Но Ю.А.Шилобреев, тогдашний зампред исполкома Моссовета, собрал 2 ноября 1988 года военный совет, где и заклеил Г.М.Погребецкого в «недостаточной компетенции» и «дезинформации читателей». И в декабре «Бауэр» начал вгонять те же самые сваи под Малый театр.

Как известно, пока гром не грянет — мужик не перекрестится. Но гром грянул: стена Малого театра отошла на полметра. Сегодня она держится лишь за счет «тяжей» — металлических стержней в полтора сантиметра. Трещины — с ладонь. Инженеры пронизаны железяками, точно скелет в анатомическом театре. В сен-

тябре прошлого года отвалился кусок стены — слава Богу, ночью...

... Любят наши газетчики подтрунивать над Александром Островским — сидит, мол, пригорюнился... А он, знаете ли, наперед все видел — «Доходное место» помните? Вот и мучается, что накаркал. И сидит сам на доходнейшем месте. Только как бы теперь не «поплыл» с театром вместе — под дьявольскую улыбку непотопляемого Карла напротив...

ПОКА НЕ ТРЕБОВАЛ ЗАМ-ПРЕДА К СВЯЩЕННОЙ ЖЕРТВЕ АПОЛЛОН, зампред (Ю.А.Шилобреев) упрятал последнего (Аполлона) вместе со знаменитой квадратной — в «конюшню»! Зачем?

Место это, даже когда еще и площадью Свердлова не называлось, гнилым считалось. Кроме Неглинки, плодородящей, было тут шесть прудов (правда, со стерлядью), ручейки, роднички там всякие — короче, изрядное болото. Привычно стекавшее в Неглинку, оно, после свайных работ под Малым, — «забудилось». И, не находя выхода, стало подниматься кверху. И — достигло кладки колоннады Большого театра.

А теперь маленький урок химии. Пункт первый. Кладка — из бутового камня. Бутовый камень — из известняка. Известняк по сути своей — кальций. Запомнили? Тогда — пункт второй.

В старину окружали эту местность четыре приходские церкви: Анастасии Узорешительницы против Богородного собрания, Спаса в Копье, Воскресения да Иоакима и Анны. При церквях — кладбища. Дальше Г.М.Погребецкий строит свою гипотезу так: разложение органических веществ дает сероводород. Грунтовые воды им сытно обедают — получают сульфаты.

Отсюда школьный вывод: кальций плюс сульфаты — получается ангидрит. Ангидрит постепенно обращается в гипс, ну а прочность последнего нам известна не понаслышке.

Немудрено, что уже через три месяца после начала работ под Малым театром колоннаду Большого окружили таблички «Опасная зона!» Потом появились леса без настилов — на которых, естественно, не появилось ни одного рабочего. В декабре 89-го соорудили «конюшню». «Состарились лошадки, — лукавит администрация театра, — 200 лет никак стояли!» (Это сооруженные-то в 1856 году! — заметим в скобках...) Хороши же декорации у Большого театра: и внутри, и снаружи!

Впрочем, причина беспокойства понятна: узнай истину англичане — консорциум лопнет... да-да, как мыльный пузырь.

ДАЮ КОЗЫРЬ СЛАВЯНОФИЛАМ!

В декабре 1941 года немецкий «юнкерс» неожиданно выскочил из-за туч и сбросил на Большой театр фугас. Бомба, правда, пролетела между колонн и лишь сорвала камуфляж — но чем не параллель с деяниями западногерманской фирмы «Бауэр»?

Такого рода статей полно: французы, мол, Москву жгли, а теперь проект реконструкции составляют; финны против воевали — а нынче «Метрополь» чинят; турки тоже, Суворова обижали, а вон же — Петровский пассаж латают!

Нет, я понимаю — обидно, потом — «хоть дерьмовая, а все же валюта»... Но ведь пока своих-то мастеров вырастим — вся Москва в ба-а-альной такой Коллизей превратится — Рим сдохнет от зависти! Потому как у них Пизанская башня вон сколько лет падает, а все никак. А нам — а что нам стоит дом угробить? Только вырыть котлован!

...21 марта должен открыться Малый театр. В эти же дни собирается принять первых постояльцев «Метрополь». И вот что мне интересно... нет, я понимаю, что в «метрополях» нам с вами не жилось, но вот пойдём ли мы после всего этого в Малый театр?

Николай МАЛИНИН

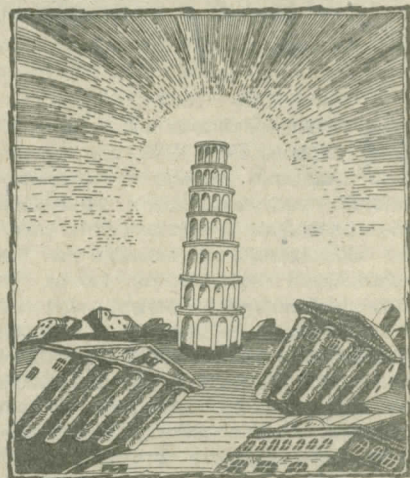
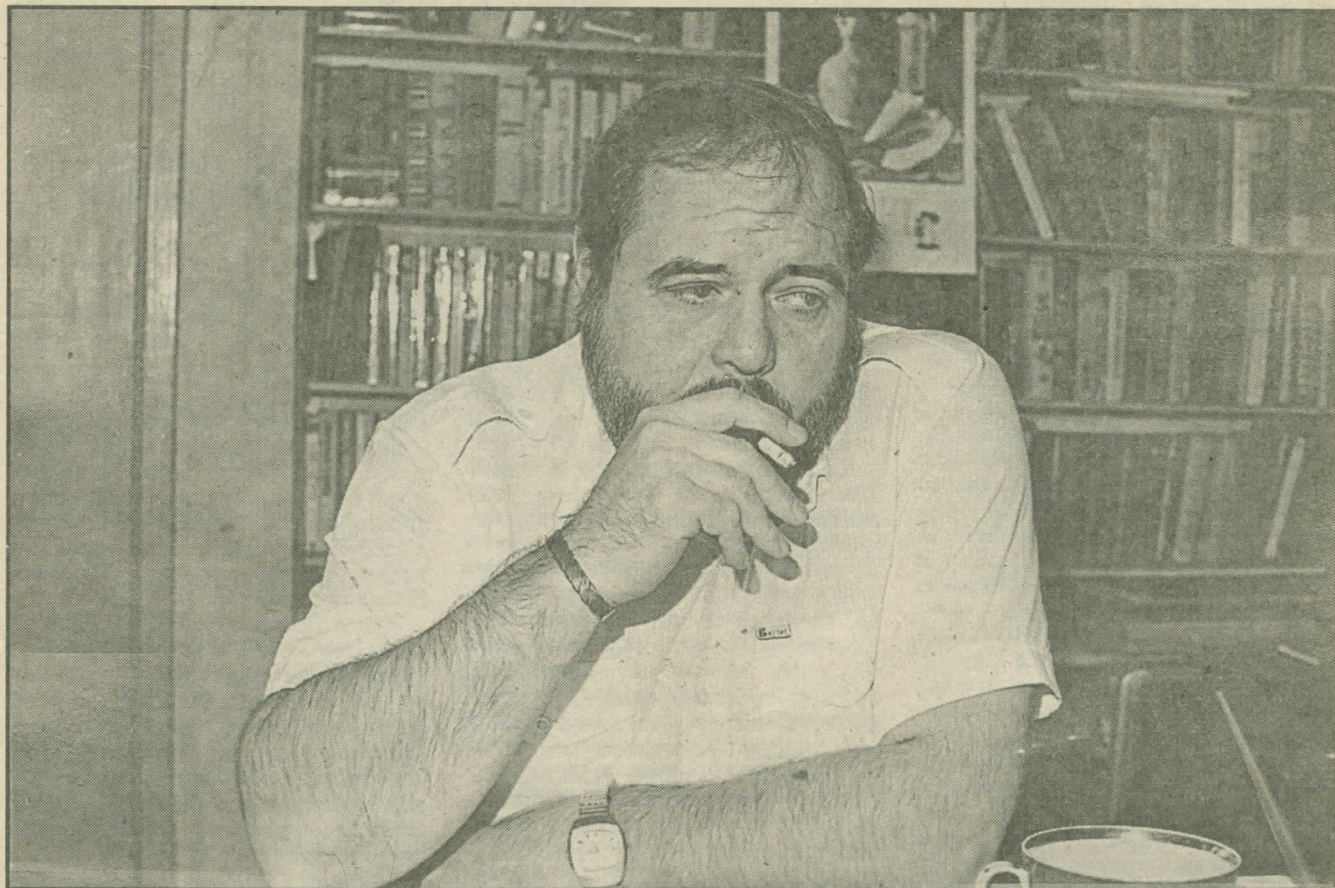

Рис. А. Меринова

Валентин КОРОЛЕВ

Фото Д.Азарова

Израильская линия

В течение многих лет (с перерывом на 1978-1983 годы, посвященные борьбе с организованной преступностью) я занимался контрразведкой в составе 2-й службы Московского управления на так называемой израильской линии, то есть выявлением, предупреждением и пресечением в столице и области подрывной деятельности агентуры спецслужб Израиля и его союзников из числа, как это стыдливо принято говорить, «лиц еврейской национальности»; в последние четыре года перед уходом на пенсию возглавлял эту линию.

Формально нас не интересовали

как таковые националистическая и диссидентская стороны жизни этих людей, если при этом не имелось данных о сборе ими секретной информации, подготовке к совершению диверсий, о вредительской деятельности. Однако эффективность работы КГБ зависит от единства действий всех его подразделений. Это означает, что мы должны были брать от агентуры любую информацию в рамках компетенции КГБ для отправки ее в соответствующие подразделения. Я не знаю случая, чтобы наше подразделение «кормило» 5-ю линию (идеологическую контрразведку) первичными сообщениями о том, что

кто-то читал Солженицына или Авторханова, но имевшиеся возможности позволяли нам оперативно информировать 5-ю службу о планах и конкретных действиях объектов ее заинтересованности.

Испытывал ли я угрызения совести? Нет. До последнего дня работы в органах считал, что эти люди являются антисоветчиками, подрывающими устои государства и единство народа. Упал на сильную руку, в частности — на Андропова. Это была позиция чиновника тоталитарного государства, сформировавшаяся в условиях всеобщего информационного голода, которого я

не ощущал, питаясь из идеологической кагальницы, под которую меня положили еще в детстве, а я этого так и не заметил.

С первых дней работы в КГБ принимал как должное формы и методы чекистской деятельности, в том числе антигуманные, подрывающие здоровье не только «объектов разработки», но и их окружения. Даже не задумывался об этом. Как и многие другие, готов был отдать жизнь в борьбе с теми, кто был признан государством его врагом — внешним и внутренним. Я боролся с бездельниками, бюрократизмом, стукачеством, местничеством, показухой. Будучи пропагандистом, открыто заявлял о мифотворчестве брежневской клики, доказывал отсутствие хотя бы намек на «развитый социализм», находя поддержку у большинства слушателей политеминара. Вместе с другими коллегами выражал недовольство существовавшим режимом секретности, позволявшим отказывать в выезде за границу людям, которые, например, 15-20 лет назад проходили студенческую практику на режимных заводах или чей выезд сокращал численность механизаторов Казахстана и других земель, где жили выходцы из немецкого Поволжья. Безуспешно пытался создать на линии хотя бы подобие системы контрразведывательных мер, которые исключали бы распыление сил и средств, работу против евреев как таковых и позволяли бы эффективно противодействовать иностранным спецслужбам.

Процветающее в КГБ местничество так и не позволило нам хоть как-то координировать эту работу с Центром. Впрочем, всерьез она не была нужна никому из руководства, хотя израильская разведка — едва ли не самая лучшая разведка мира. И не только потому, что во всем мире проживают евреи, частью разделяющие известную идею о двойном гражданстве, а в значительной степени в силу неординарности форм и методов агентурной деятельности.

В основном мы занимались никому не нужным бумаготворчеством. Например, едва ли не еженедельно составляли списки отказников, которых в Москве насчитывалось несколько тысяч. Из 2-го Главка, который оперативно курирует 2-ю службу, постоянно поступали указания о недопущении нами евреев в посольства США и других стран, хотя многие сотни их имели официальные приглашения, а мы не располагали никакими

полномочиями на задержание. Сотрудники зачастую не имели времени заниматься своими прямыми контрразведывательными обязанностями. Если что-то полезное и делалось, то только в условиях перенапряжения физических и моральных сил, постоянного давления начальства, требований неуклонного увеличения количества вербовок и заводимых оперативных дел.

В ОТЛИЧИЕ от других линий вербовка и поиск материалов для оперативных проверок на нашем участке были затруднены. Процент соглашавшихся на негласное сотрудничество евреев всегда был ниже, чем того хотелось руководству. В связи с этим периодически по указанию начальства организовывались кампании по налаживанию контактов с еврейскими отказниками, численность которых в Москве в 1985 году превышала 3000 человек. В то же время отсутствие в СССР посольства Израиля, а значит, и легальной разведывательной резидентуры, затрудняло целенаправленную работу по выявлению израильских агентов.

Спрашивается: почему руководство препятствовало мероприятиям по повышению эффективности контрразведывательной деятельности, которые предлагала наша группа? Кое-кто задумывался о возможности причастности к израильской агентуре некоторых руководителей КГБ, членов Политбюро ЦК КПСС. На мой взгляд, дело было проще. Как и во всех других сферах жизнедеятельности нашего общества, в КГБ процветали показуха и очковничество. Руководство Комитета стремилось докладывать в Политбюро и лично Брежневу только то, что тем хотелось слышать, в частности, что в СССР якобы нет организованных диссидентских и националистических групп, в том числе еврейских, народ сплоченно противостоит проидам империализма и вражеских разведок, случаи вербовок западными спецслужбами советских граждан единичны, мощь и компетентность контрразведки не позволяют Западу и Израилю эффективно вести подрывную деятельность на территории СССР.

Поэтому, несмотря на то, что в центральной аппарате и у нас имелись некоторые данные о работе в нашей стране израильских разведчиков, эта информация не являлась достаточным основанием для проведения соответствующих контрразведывательных мероприятий. Более того,

это свидетельствовало о бездействии и некомпетентности руководства всех уровней. Признать ряд конкретных фактов означало бы для руководителей расписаться в собственной несостоятельности.

ПОСКОЛЬКУ, проработав на одном участке более трех лет, невозможно не узнать истинного положения дел, то, как правило, большинство оперработников через три года переводится руководством на новые линии. Так случилось и с нами. После осуждения за шпионаж Анатолия Щаранского наша группа была реформирована, и линия бездействовала в течение пяти лет.

Арест Щаранского был санкционирован Политбюро ЦК КПСС. Причем несколько раз он откладывался в связи с тем, что Политбюро заседало только по четвергам, а встречи Щаранского с контрактным агентом РУМО США проходили в предшествовавшие дни. Полагаю, что настойчивость Андропова в получении такого разрешения была вызвана застоем в работе контрразведки и, возможно, какими-то конкретными политическими соображениями. Интересно то, что ранее нам запрещали его задерживать, хотя у Щаранского хранились списки сотен режимных предприятий с указанием выпускаемой продукции, смежников, сведений о руководителях и т.д. Имелось заключение специалистов о том, что эти сведения не составляли ни государственной, ни военной тайны. И вдруг было разрешено арестовать его лишь за то, что он намеревался передать американскому корреспонденту записи, состоящие из нескольких заметок, сделанных им во время беседы с одним ученым-секретноносителем. Специалисты и суд признали их документом, содержащим государственную тайну.

Я не участвовал в задержании Щаранского и не присутствовал на суде, так как был в командировке. Впоследствии слышал, что благодаря 5-й службе в нарушение существовавших правил, с единственной целью максимально напакостить, Щаранский содержался в заключении вместе с общеуголовниками-рецидивистами. О том, что это означает, подробно рассказал в «Огоньке» бывший агент КГБ и МВД в статье «Исповедь стукача». Щаранский не был нашим объектом. Им занималась 5-я служба. Наша группа была подключена для организации и проведения мероприятий по его задержанию как лица, причастного к шпионской деятельности.

Более того, нам даже не показали материалы, которыми располагали на него идеологические контрразведчики.

Щаранский был единственным человеком, задержанным нашим отделом за все время моей работы в нем. Правда, пока я занимался борьбой с бандитизмом, отдел «посадил» за «шпионаж» трех рабочих. Те в поисках денег на водку пытались найти какого-нибудь иностранца, чтобы «толкнуть» ему кусок металлического сплава, вынесенного с режимного завода, где они прозябали от выпивки до выпивки.

ПРИЧИНОЙ низкой эффективности контрразведки, помимо вышеупомянутых, является заидеологизированность всех сфер жизнедеятельности КГБ. Это выражается в наличии внутриведомственных нормативных актов, запрещающих (без разрешения председателя КГБ) оперативную проверку «элиты» общества, а именно: работников аппарата КПСС, ВЛКСМ, Совета Министров, исполкомов, руководящих профсоюзных работников, депутатов, генералов и маршалов Министерства обороны, сотрудников органов госбезопасности. (При получении любого материала на этих лиц оперработник обязан немедленно его уничтожить.) Поэтому контрразведка занимается только «безродными» интеллигентами, рабочими и крестьянами.

Сотрудники, которые нарушают основополагающие принципы работы органов КГБ, строго наказываются. Стоило старшему оперуполномоченному Николаю С. подать руководству управления рапорт, содержащий достоверные сведения о злоупотреблении начальниками его отделения и отдела служебным положением в корыстных целях, как он был немедленно отправлен на диспансеризацию, в ходе которой психиатры, выполняя поручение руководства Московского управления, признали «наличие» у него психического заболевания. Только начало перестройки и намерение тогдашнего председателя КГБ Чебрикова демократизировать «органы» позволило уже уволенному из них С. восстановиться на работе. Ради этого ему пришлось провести три месяца на стационарном обследовании в Институте им. Сербского. Впоследствии более года ему не давали сколько-нибудь серьезных материалов, все это время он был обладателем пустого сейфа и ждал, что его переведут то ли в Магадан, то ли на Камчатку, то ли на Сахалин. Но там

его не принимали. «Звонковая система» работает бесперебойно, и никому не нужен человек, имеющий привычку писать рапорты на своих руководителей. Так продолжалось до моего ухода на пенсию. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. (Вина начальников была доказана. Однако руководитель отделения был отправлен на пенсию по возрасту и полной выслуге лет. Начальник отдела был переведен в другой отдел на должность начальника.)

КСТАТИ, обвинять в антисемитизме сотрудников, которые работали на 5-й линии и в других подразделениях, принимавших участие в работе по так называемым «еврейским националистам» и диссидентам, было бы ошибочно. Многие руководители КГБ женаты на еврейках. Немало евреев среди сотрудников КГБ. Все они одинаково непредвзято работали в отношении евреев, русских, татар и т.д. Дело не в национальности, а в Системе. Она делает то, что ей выгодно в конкретной ситуации. Вчера ей было выгодно скрывать, что в стране существуют националистические движения. Сегодня ей выгодно сваливать вину за кризис на международный сионизм. Что она делает завтра, если нам не удастся ее сломать?

«МЫ БЫЛИ ПАУКАМИ В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ»

Интервью с Валентином КОРОЛЕВЫМ

— Почему вы в свое время решили пойти работать в КГБ? — спросила я бывшего контрразведчика, подполковника запаса, выступившего с критикой в адрес могущественного ве-

домства в журнале «Огонек» и в программе «Взгляд».

— Если бы двадцать с лишним лет назад я знал все то, что знаю ныне, о моей работе в КГБ не могло бы быть и речи. А пошел я туда исключительно по идейным соображениям. Я воспитывался в семье, которой не коснулись репрессии. Отец был морским офицером. Я верил книжкам, восхищался разведчиками и мечтал стать таким же. И однажды вслед за приятелем Васей Мецержковым написал заявление в Высшую школу КГБ имени любимого тогда мною Феликса Дзержинского. А Васю не приняли — была у него во Франции тетка, о существовании которой он и не подозревал. Откуда мог он знать, что оперативные учеты на совграждан, имевших хотя бы один письменный контакт с иностранцем, хранятся и жалят вечное?

— Как складывалась ваша карьера?

— После 3-го и 4-го курса я дважды был на практике в Московском управлении, во Второй службе. Туда я пришел после окончания «вышки» младшим опером. Шел 1974 год. Через год я стал опером — первый из всего выпуска, а еще через год — старшим опером. Карьера складывалась. Меня собирались сделать заместителем начальника отделения — было такое мнение, — но помешал назначению один факт. Дело в том, что я был в плохих отношениях с заместителем начальника отделения С. Мне не хотелось бы называть его фамилию, поскольку мой выступления в средствах массовой информации продиктованы только лишь стремлением добиться перемен в КГБ, а не мелким желанием свести счеты.

— Что послужило причиной этого конфликта?

— Через две недели после моего прихода на работу с отцом ночью случился инфаркт. Поэтому на следующий день я опоздал на работу на 10 минут. Тот начальник меня вызвал: «В чем дело?» — «Заболел отец», — сказал я. — «Нет, ты врешь! — взорвался он. — Ты пил вчера с такими-то и поэтому опоздал. Они мне уже все рассказали. И ты рассказывай, что там у вас происходит». В общем, попытался сделать меня стукачом, а я отказался. С этого момента начались мои неприятности. Потом я активно участвовал в розыске преступника Попова, который пытался угнать самолет. Меня вычеркнули из списков на поощрение. Этот человек держал меня в своей «черной тетради», куда

он вносил разные сведения о сотрудниках. Я там занимался как «скрытый алкоголик», который пьет по ночам, чтобы никто не видел, и вечно ходит с красными глазами. У меня действительно было покраснение глаз, но это объяснялось не приверженностью к спиртному, а последствиями моей прежней работы — я был водолазом. Кстати говоря, в КГБ тогда пили сильно.

— Возникали у вас сомнения в тех или иных акциях, в которых вы принимали участие, в методах работы?

— Сомнений не было вплоть до увольнения. Были стереотипы: «надо» и «разрешено». Неприятие органов в их нынешнем виде, где главное — интриги, стукачество, бумаготворчество, где нельзя проявлять инициативу, нельзя анализировать, чтобы не выходить за рамки конкретного дела, — появилось после ухода.

— Получается, что вы почти двадцать лет жили с завязанными глазами?

— Мы были пауками в консервной банке, которые не имели связи с внешним миром в силу элитарности, корпоративности и страха. Да простят меня чекисты за такое сравнение, но я не вижу более адекватного образа. Сверху льется мощный луч искусственного света идеологии, сыплются железные звезды на погоны. Выползти наружу не позволяет инстинкт самосохранения, продиктованный все тем же страхом потерять не очень богатую, но и не слишком скудную кормушку.

Сотрудники общаются с внешним миром в основном через членов семей и агентуру, которая зачастую знает, что хочет услышать оперработник. Дружить с нормальными, гражданскими людьми чекисты, как правило, избегают: а вдруг кто-нибудь из них попадет в поле зрения нашей же «конторы»? Полетит карьера. Мало, ущербно и поверхностно они общаются и между собой в силу едва ли не повсеместного стукачества друг на друга и постоянных интриг в борьбе за должности и награды.

Все они люди, не чуждые нормальным человеческим устремлениям, но вынужденные в условиях Системы слишком часто скрывать свои мысли, чувства, поступки, то есть говорить и делать одно, а думать другое, что ведет к раздвоенности восприятия, мышления и поведения, а следовательно, и к раздвоению личности.

Это чревато полным разложением личности, как было со многими чеки-

стами в годы массовых репрессий. Одни просто деградируют как индивидуальности, другие пытаются бороться с Системой и погибают, либо изгоняются, третьи на все плюют и превращаются в безразличных роботов: прикажут — сделаю, не прикажут — отдохну. Кроме того, гипертрофированный режим секретности пагубно влияет на работу мозга человека, поскольку мозг, как известно, является открытой биологической системой, которая в условиях информационной блокады однозначно выходит из строя.

— Что послужило причиной вашего ухода из КГБ?

— В начале 1986 года пришел новый начальник управления, который показал себя демократом. Он поручил всем руководителям, начиная от заместителей начальников отделений, разработать и подать письменные предложения по повышению эффективности работы. Конечно, мы писали такие предложения и раньше, но обычно это сводилось к простой формальности. Я не уверен, что все они прочитывались. Я отнесся к делу серьезно, написал подробную справку и отдал начальнику отдела. Тишина. Тогда я отнес ее заместителю начальника службы. «Нет, я не буду докладывать», — сказал он. А начальник управления, заступив на должность, объявил, что каждый сотрудник, хоть младший опер, имеет право прийти к нему на прием, просто позвонив по телефону, без разрешения своего начальства. И я воспользовался этим. Суть моих предложе-

ний сводилась к тому, чтобы не заниматься евреями как таковыми, а заниматься противодействием израильской разведке. Я конкретно писал, что надо сделать. Это высвободило людей, сэкономило средства.

— Какова была реакция генерала?

— Самая положительная. Мы долго с ним говорили, предложения показались ему нужными. Меня хвалили, заставили проводить чекистскую учебу. Но каждый день меня вызывал начальник отдела и говорил примерно следующее: «Ты ничего не понимаешь ни в разведке, ни в шпионаже, ни в контрразведке, ни в сионизме и вообще — прекрати выступать с инициативами. Я запрещаю тебе и твоим подчиненным читать книги на эту тему, анализировать материалы на линии — для этого есть генералы, они за это деньги получают». Начались придирки к моим подчиненным. Атмосфера стала невыносимой. Я понял, что все мои попытки что-либо изменить натываются на непробиваемую стену, и 2 февраля 1987 года подал рапорт об увольнении с должности заместителя начальника отделения отдела по борьбе со шпионажем Второй службы УКГБ СССР по Москве и Московской области. После увольнения крестился в православной церкви, подал заявление о выходе из КПСС, сдал партбилет. Мне 43 года, и у меня нет ни одного светлого воспоминания о долгих годах чекистской службы.

Беседу вела Елена СВЕТЛОВА

В ЧЕРНЫХ СПИСКАХ:

ЖУРНАЛИСТЫ

КОНТРАБАНДИСТЫ

ВАЛЮТЧИКИ

На вопросы «Столицы» отвечает первый заместитель начальника
Консульского управления МИД СССР И.В. ХАЛЕВИНСКИЙ

— Игорь Васильевич, кто отправляется за границу через ваше управление? Кто к вам обращается при въезде в СССР?

— Мы занимаемся оформлением служебных поездок Министерства иностранных дел. А консульские загранучреждения занимаются визами всех иностранцев, в том числе и вопросами въезда советских граждан, постоянно проживающих за рубежом, и соотечественников. Надо сказать, что сейчас существенно упрощаются все бюрократические процедуры, устраняются прежние стереотипы в отношении этих людей.

— И все-таки нам нужно получить куда больше отметок в паспорте, чтобы выехать за рубеж, чем жителям других стран...

— Что касается отмены разрешительной записи на въезд в общегражданских паспортах, то это связано с принятием Верховным Советом СССР Закона о порядке выезда из СССР. Сейчас уже разработан новый макет паспорта. Для этого мы изучили паспорта стран Северной Европы и США. Теперь и у нас будет машиносчитываемый паспорт с подписью владельца. А в принципе если будет решен вопрос об отмене прописки, то этот макет паспорта может быть использован и как внутренний. Мы поднимаем звание нашего паспорта: советский паспорт? — пожалуйста! Исчезнет стереотип какой-то второстепенности.

— С чем связано то, что у многих есть проблемы с въездом в СССР? Даже у советских граждан, постоянно живущих за границей? Андрею Сиявскому с женой, к примеру, удалось добиться разрешения на въезд в страну уже в Шереметьево: сначала им упорно отказывали, ссылаясь на ка-

кие-то списки лиц, «нежелательных для въезда в СССР». И только когда они потребовали оплатить обратный проезд во Францию в твердой валюте, законность была соблюдена. Странные проблемы со въездом существуют и у сотрудников радиостанции «Свобода», несмотря на то, что в Москве, возможно, откроется бюро этой станции...

— Вопросы журналистов у нас решает Управление информации МИД СССР. А так, конечно, есть списки лиц, нежелательных для въезда. Это люди, уличенные в каких-то контрабандистских или валютных операциях и так далее.

— Но те же сотрудники «Свободы» (не говоря уж о Сиявском) точно ни в чем таком не уличены...

— Повторяю: вопросами виз для журналистов у нас занимается Управление информации.

— Но многие хотят приехать не как журналисты, а как частные лица, как бывшие граждане СССР. Кто все-таки им отказывает?

— Компетентная организация.

— Какая?

— Компетентная организация.

— Комитет государственной безопасности?

— Компетентная организация. Есть такая формула.

— То есть существуют какие-то списки людей, нежелательных для въезда (забудем о контрабандистах и других преступниках).

— Ну, наверняка, конечно.

— Будут ли эти списки отменены?

— В январе 1989 года мы подписали Венские итоговые документы, одним из положений которых является свободное перемещение людей. Раз мы поставили свою подпись, мы обязаны это выполнять и в течение года после

подписания должны были привести внутренние нормы в соответствие с международными стандартами. Мне лично ближе Закон о въезде и выезде, и я могу сказать, что на практике советские граждане пользуются правом свободного выезда. ОВИР решает вопросы, исходя из интересов граждан, здравого смысла, хотя у них (ОВИР) существуют проблемы инфраструктуры, нехватки людей и т.д. Поэтому мы можем доложить, что на практике вопросы въезда и выезда у нас решаются в соответствии с международными стандартами.

К сожалению, есть еще всякие положения и инструкции, которые в ряде конкретных случаев дают сбой. Но в принципе процесс идет. Вот недавно принят Закон о занятости, где сказано о праве граждан на профессиональную деятельность за границей. А как его осуществить, если нет права выезда? То есть, практически Закон о въезде и выезде будет формализуемым.

— И так, у нас есть ОВИР, который занимается частными поездками, ваше Управление и компетентная организация. Как они взаимодействуют? Кто имеет приоритет? Если вы, например, за въезд человека, а компетентная организация — против?

— Мы передаточная инстанция.

— То есть решают они?

— Ну, естественно, это во всем мире так. Въезде консульские учреждения передают решения компетентных организаций.

— Они вас ставят в известность о причинах того или иного ответа?

— Не обязательно. Собственно, и международная практика не требует этого. Все наши консульские договоры, конвенции и даже Венская конвенция о консульских отношениях не обязывают сопровождать мотивировками право выдавать, не выдавать, выдворять и так далее.

— Но человек же имеет право знать, почему принято то или иное решение...

— Я думаю, в будущем это будет тоже отрегулировано, однако вряд ли это будет относиться к контрабандистам и валютчикам...

— Естественно, я о них и не говорю.

— Все эти проблемы, думаю, вообще будут сняты в конечном счете с развитием демократии и плюрализма. Да и сейчас это уже небольшие, редкие, досадные, конечно, исключения. А так в принципе мы готовимся к Московской конференции по человеческому измерению, которая должна состояться в сентябре. Уж

там-то мы должны развернуть всю палитру своей демократии и прав граждан. У нас очень много уже сделано — законы об общественных организациях, о свободе совести, о печати, о занятости... Процесс идет неуклонно. Такую махину сложно так сразу сдвинуть. Но я думаю, международное сообщество воспринимает это с удовлетворением и даже заинтересованно.

— Не повлияют ли последние события в нашей стране, породившие небезосновательный страх, что все может вернуться назад или затормозиться, на либерализацию въезда и выезда? Второй год никак не принимается соответствующий Закон.

— Я бы не связывал вопросы въезда и выезда с политическими условиями. В общем-то въезд и выезд на нынешнем этапе стал чисто техническим вопросом. Практически он есть. И от этого мы имеем пользу: ускорились контакты, деловые прежде всего. Въезд и выезд — это, в общем, традиции цивилизованного сообщества, свободный обмен идеями; наука при таких контактах превращается в достояние всего человечества. А когда мы все сидим по национальным квартирам, то все эти процессы резко сокращаются.

— Насколько мне известно, сотрудники ЦК КПСС пользуются зелеными — дипломатическими — паспортами. Так ли это? И почему?

— Разрабатывается положение о паспорте с учетом нового закона, и в него вводятся международные принципы и стандарты, что дипломатические паспорта, как и во многих странах, имеют дипломаты — сотрудники МИДа, депутаты парламента и члены правительства — Кабинета министров.

— То есть сейчас у сотрудников ЦК КПСС все-таки зеленые паспорта?

— Ну, знаете, такая практика... И, в общем, уже идет линия на то, что паспорта имеют дипломаты, депутаты и высокие правительственные представители.

— Но интересно, как решение выдать всем сотрудникам ЦК диплома-порта мотивировалось, был ли на это приказ сверху?

— Ну, видимо, была какая-то инструкция, но сейчас эта инструкция, сами понимаете...

— То есть у них еще остаются старые, но им уже не выдают новые диплома-порта?

— Я думаю, да...

Беседу вел Виталий ЕРЕНКОВ

СИДИТ ЛИЦЕИСТ БЕЗ КОМПЬЮТЕРА...

Я учусь в обыкновенном московском лицее. К этому слову мы еще не привыкли. Не забылись гонения на спецшколы с иностранными языками: против них были выдвинуты обвинения в предвзятости при наборе учеников. Чтобы решить проблему, многие школы просто закрыли.

Но это в прошлом. Теперь лицеев, гимназий у нас много — языковые, математические, гуманитарные. Выбери, пока бесплатно. Да действительно, бесплатно, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Спонсоров найти трудно. Наши предприниматели еще не научились с пользой для себя вкладывать деньги в образование. Лингвистический университет, при котором наш лицей числится, тоже не может помочь — нет денег. Он и так сделал для нас, что мог — нашел хороших преподавателей, а это сейчас редкость, все уходит в кооперативы. На государственный бюджет рассчитывать не приходится. Обычная школа еще может существовать на такие средства, но не лицей, с его повышенными требованиями к качеству обучения.

Что же я предлагаю? Ввести в лицей плату за обучение. Это даст возможность подобрать самые квалифицированные кадры, купить учебное оборудование, создать хорошие компьютерные классы. Сами ученики будут заинтересованы в посещении лицей. Уменьшится количество прогулов, конфликтов, опозданий.

Я уже слышу возмущенные голоса: «Нельзя лишать детей права на бесплатное образование!» Но должно быть и право выбора. Если уж решили создать лицей — в порядке эксперимента, — то почему бы, тоже как эксперимент, не ввести в нем платное обучение? Иначе он постепенно превратится в обычную советскую школу. А что это такое, хорошо известно.

Эдуард ДОРОЖКИН, 14 лет,
Москва

ДЕМОКРАТИЯ ПОД ОБСТРЕЛОМ

Вас, москвичей, душат экономической блокадой. Для провинции же установили блокаду информационную. Посылаю вам материалы нашей областной партийной конференции. Думаю, они дадут самое лучшее представление о том, какая обстановка сложилась на Алтае.

Итак, выступления алтайских коммунистов (газета «Звезда Алтая»).

«Прорвавшиеся в парламенты слои интеллигенции, оттеснив рабочих и крестьян от власти, нарушили общественный союз, на котором может стабильно держаться наша общественная система».

«То, что Сталин сделал для партии, для государства, для народа, мы не должны забывать, мы должны поклониться Сталину».

«Кратко о газете «Звезда Алтая»... Она начинает изменять коммунистам и коммунизму... Предлагаю из членов обкома КПСС, как учредителя газеты, назначить расширенную редакцию, чтобы наши идеи не осквернялись тем плюрализмом, который надоел людям, подорвал общество и партию».

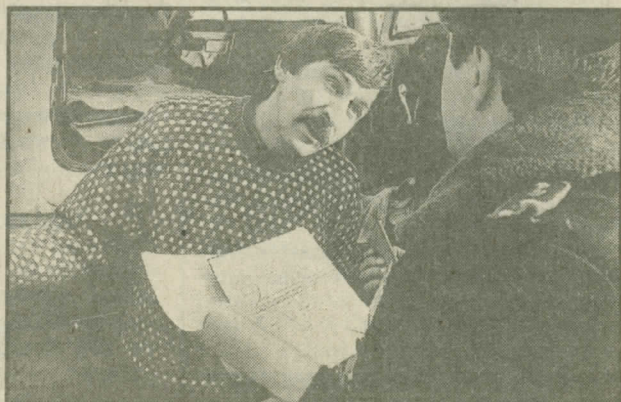
Вы видите, как давят на нашу местную прессу. Что же касается центральных изданий, то во время подписной кампании каталоги поступили с большим опозданием. Новых демократических изданий в них вообще не было.

О существовании еженедельника «Столица» я узнал случайно. С боем (в каталоге его нет) выписал со второго квартала. Нет ли у вас на примете какого-нибудь кооператива, который взялся бы пересылать журнал в нашу область?

В. ШУМАЕВ,
с. Черга, Горноалтайская а.о.

«ИЗ СТОЛИЦЫ ДА БЕЗ ГОСТИНЧИКА?!»

Мера эта, понятно, как и все у нас — вынужденная. Но насколько эффективная? Нам захотелось своими глазами увидеть фонтан избытка, открытый постановлением. Самый интенсивный участок товарооборота — московские автострады. Туда мы и отправились в сопровождении временно исполняющего обязанности начальника по пикетам ГАИ Владимира Ильича Половинчука.

Волгоградское шоссе. Два часа дня.

Инспектора ГАИ тормозят один за другим «ВАЗы», «ГАЗы», «КамАЗы»... И все — без толку.

То есть кое-какой дефицит наблюдается. Но и с накладными — порядок. Вывозятся в близлежащие пункты за кольцевой дорогой города.

Меняем дислокацию. Южные форпосты столицы. Каширка, Варшавка, Калужка... Та же картина. Листаем журналы регистрации за предыдущие сутки... Ну

нет же его, дефицита! Сгинул! Провалился сквозь землю!

Примерно то же ощущение и у майора Половинчука. Первые дни ГАИ еще кое-что «перепало». Теперь же «дефицитчики» затаились. Наверно, прикопали товар в столице и выжидают.

Материальное и техническое оснащение ГАИ — предмет особого разговора. Отметим лишь, что в борьбе с «контрабандистами» дорожная милиция сталкивается практически с теми же проблемами, что и в своей основной деятельности по обеспечению безопасности движения. Отсутствие современных средств преследования, записывающей видеотехники, хрупкие, простреливаемые не только ветрами стекляшки стационарных постов, или «аквариумов», как нарек их сам милицейский люд... Всего не перечислишь, достаточно взглянуть на их обувь образца народного ополчения 1812 года. В такой не только не забраться, если надо, на борт

вызывающего сомнения грузовика — преследовать спешившегося нарушителя и то тяжело. Недавно один лихой малый, нагоняя тикающего в лес преступника, скинул валеночки — и босиком по снегу! Героические все же ребята работают в наших органах!

И бескорыстные. За возвращенные на столичные прилавки товары они не получают ни копейки. Так что стоит хорошенько подумать, прежде чем очередным взмахом жезла инициировать многочасовое задержание, составление протокола, вызов представителей ОБХСС. Особенно, если дело касается полутора килограммов масла. Проще относиться к постановлению как к общественной нагрузке.

И еще один, пожалуй, немаловажный нюанс. 18 пикетов прикрывают основные автотрассы. Но какой же профессионал захочет встречи с ГАИ здесь, когда на номерное шоссе можно вырулить, минуя пост? Остаются дилетанты, не знающие этих объездов.

Ближе к вечеру инспектор Володя Шумилов тормознул на Калужке курский «КамАЗ». Внешне ничем не примечательный, каких тысячи ездят невно навешают столпу. В кузове — дырки от бубликов, путевой лист — в норме, рядом с водителем сладко посапывает пьяненький в легком дымок мужичок.

— Не спи, друг! Груз проспится!

— Не-а...

— Сам-то чай будешь? Документики!

— Ик... — встрепенулся мужичок, — инспектор я... Ик-спедитор абикнавенный...

— А ну дыхни, «икспедитор абикнавенный»!.. А это что у вас, ребята, под сиденьем?..

Под сиденьем у ребят БЫЛО. Несколько батончиков колбасы и килограммов пять сосисок. «Тетка на дорожку положила. Из столицы да без гостинчика?!..»

И смех и грех. И столпу этим не накормишь, и у бедолаг последнее отберешь...

Не знаем уж, чем там у них с инспектором дело кончилось, а только сдается нам, что опять ищем мы совсем не там, где потеряли...

Похоже, что с нами согласна столичная прокуратура, опротестовавшая решение № 152.

Александр ИВЕНСКИЙ,
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

ОПРАВДЫВАЛСЯ

злостный нарушитель решения № 152 Мосгорисполкома, расставаясь с праведно нажитой колбасой и сосисками. С 1 февраля Москва объявлена зоной, пораженной вирусом острого товародефицита. Из нее запрещен вывоз ширпотреба и еды, введен строжайший таможенный режим с правом досмотра личного имущества граждан.

РУТИННЫЕ МЕТОДЫ

Нас не любит правительство, посадившее всех на строгую диету. От наших недугов шарахается здравоохранение. Несознательные элементы так и норовят прилепнуть из-за угла. Вот и греет одна только перспектива вечного блаженства в конце пути...

Но и она, оказывается, сомнительна. Недалек тот день, когда некому будет достойно проводить нас в мир иной, выдав соответствующую справку о причине, по которой душа рассталась с телом. Специальность «судбно-медицинский эксперт» надежно застряла в списке непрестижных. В России некомплект — 25 процентов. В Московской области вакантно каждое второе место.

Я спросила выпускника медвуза образца начала 80-х: в чем дело? Почему студенты не жалуют судебную медицину? Не интересно?

Он сказал: «Что ты, очень интересно, но там требуется столько лишних знаний: из чего, как, куда стреляют, чем режут и что из всего этого выходит, — многие просто пасуют перед дополнительными трудностями».

Похоже, к началу 90-х спасовала вся медицинская педагогика. Спецкурс «ужали» до 60 часов, сделав его почти факультивным.

Некого учить — уходят преподаватели. Разваливаются morgi. И никому нет дела: дескать, сейчас (а это «сейчас» было всегда) не до мертвых, сейчас и живым несладко.

Стареют эксперты-асы — вечные паясынки советской медицины. А преступники молодеют.

Начинающий эксперт обречен вкалывать, не различая времени суток, за 150 в месяц плюс 35 «за вредность». Юный ловец удачи покрутит пальцем у виска — он в день имеет больше.

В Уссурийске в прошлом году 2 (два) сотрудника на целый необъятный край вскрыли 850 трупов. Если учесть, что в 7 из 10 случаев констатируется насильственная смерть и каждый такой случай требует повышенного внимания, двух-трехдневного исследования, ясно, откуда нарекания на качество экспертиз.

45 процентов повторных экспертиз — это недопустимо, это страшно, это нонсенс. Но это — факт. Брак в работе, ведущий к затянутым срокам расследования, нераскрытым преступлениям, осуждению невиновных.

Состоялись две коллегии двух Минздравов, союзного и российского. Союз ограничился общим разговором, а им нужна

конкретика. Эйфория по поводу того, что на них наконец-то обратили внимание, стала проходить.

У России просили денег. 100 тысяч ивальных рублей. Министр посоветовал распространять рутинные методы. А у них очередь в лабораторию геной дактилоскопии только по поводу установления отцовства больше 1000 человек, рутинные же методы «дают ответ» через полтора месяца. В Англии — через неделю. Но «валютными» методами.

С зарплатой выкручиваются кое-как за счет платных ритуальных услуг. Хотя положила руку на сердце — не дело это для высококвалифицированных специалистов — обрывать покойников. Но спасибо им и за это, без них вообще некому выполнить эту печальную необходимость.

Они ждали принятия целой концепции их существования, где и материальная база, и оплата, и обучение, а получили выговор за неправильно составленные документы, не на то имя написанные.

Может, писать на имя президента? Но президенту некогда, он борется с преступностью, и, значит, деньги ему нужны, чтобы делать танки и бронетранспортеры.

Елена АНАТОЛЬЕВА

Фото Э. Кудрявникова

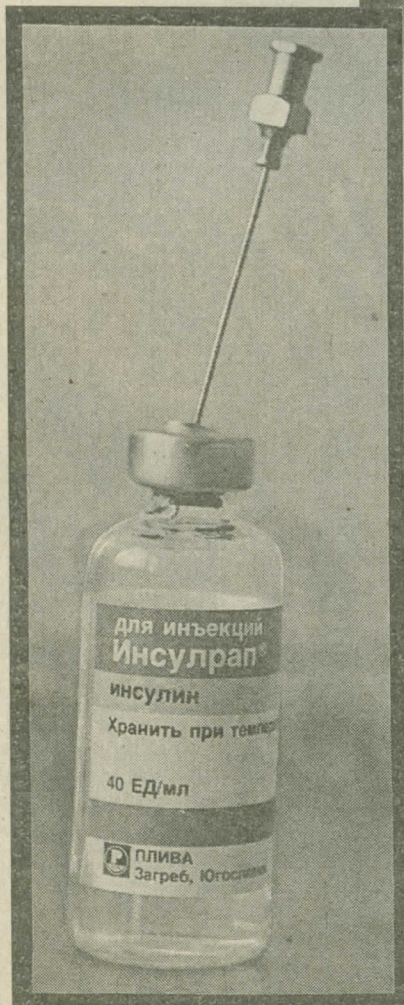

ДВОЙНОЕ ЗЛО ДИАБЕТА

То, о чем
пойдет
здесь

речь, вовсе не
история лично-
сти, потому что
личности нет. А
есть заурядный
человек, вове-
ря понявший си-
стему продви-
жения вверх и до-
статочно после-
довательно ею
пользовавшийся.

Можно было бы
посетовать на
неумирающую
номенклатуру,

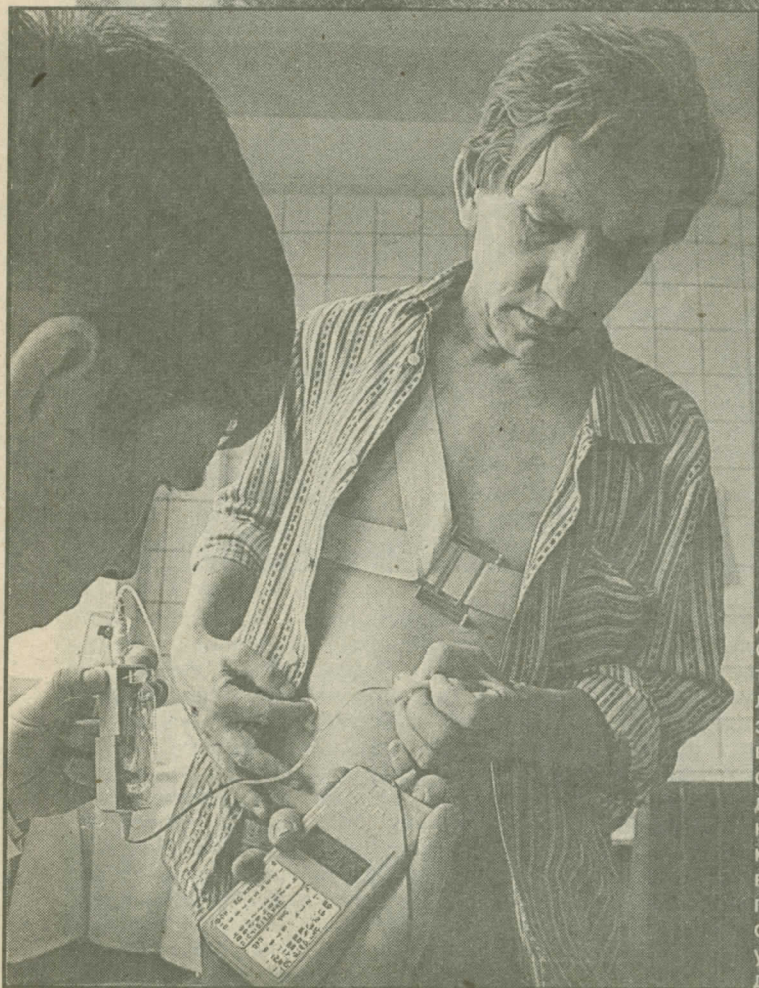

Фоторепортаж Ю.Штукина

на нетленность партийных связей, на то, что слова только сотрясают воздух. Но ограничиться этим нельзя, ибо «герой» — врач, в руках которого благодаря централизованной системе советского здравоохранения судьбы многих миллионов больных.

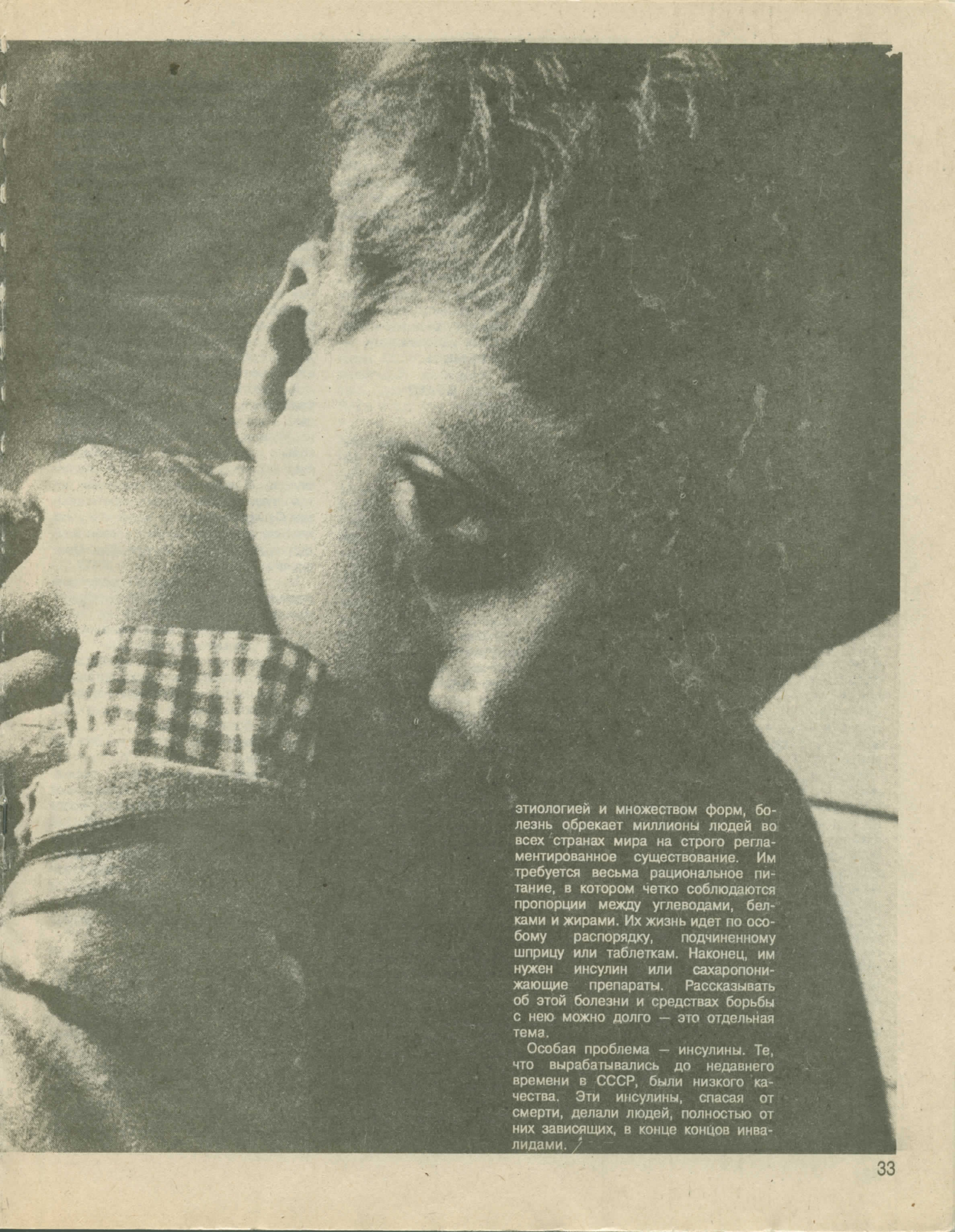
Итак, Дедов Иван Иванович, 1941 года рождения, выпускник Воронежского мединститута. По специальности — гистолог. Столичную карьеру начал в Онкоцентре Академии медицинских наук СССР. По отзыву бывшего, а ныне почетного директора этого учреждения академика АМН

СССР Н.Н.Блохина, как научный сотрудник ничем особенным не выделялся. Педагогическая карьера: в 82-м стал завкурсом, затем заведующим кафедрой эндокринологии 1-го Московского медицинского института. Автор трех монографий, естественно, в соавторстве, а также прочих печатных работ. Ныне директор Всесоюзного эндокринологического центра. При выборах в числе основных принципов своей программы указал «коллегальность», «решительную поддержку всего талантливого, творчески активного...».

ПРОБЛЕМА

Сахарный диабет — одна из самых распространенных болезней цивилизации. Она не так внезапна, как сердечная недостаточность, не так фатальна, как рак, но по коварству и распространенности ни в чем им не уступает. Обладая различной

этиологией и множеством форм, болезнь обрекает миллионы людей во всех странах мира на строго регламентированное существование. Им требуется весьма рациональное питание, в котором четко соблюдаются пропорции между углеводами, белками и жирами. Их жизнь идет по особому распорядку, подчиненному шприцу или таблеткам. Наконец, им нужен инсулин или сахаропонижающие препараты. Рассказывать об этой болезни и средствах борьбы с ней можно долго — это отдельная тема.

Особая проблема — инсулины. Те, что вырабатывались до недавнего времени в СССР, были низкого качества. Эти инсулины, спасая от смерти, делали людей, полностью от них зависящих, в конце концов инвалидами.

В общем, пусть будет счастлив в своем неведении тот, кто ни разу в жизни не слышал о сахарном диабете. Но нельзя забывать и о 4,5 миллиона наших сограждан, до конца жизни привязанных к инсулиновому шприцу и таблеткам. Еще о 10—15 миллионах людей, уже проявивших предрасположенность к «болезни цивилизации». Наконец, о неслыханных миллионах пока ни о чем не подозревающих, но уже отмеченных неумолимой природой.

Известно, что этим людям необходимо. Что же они имеют?

По данным на начало года в Москве, где медицина «исторически» развивалась лучше, чем где бы то ни было в стране, из 196 поликлиник для взрослых в 37 вообще нет эндокринолога. В 26 из них врачи этого профиля работают на пол- и четверть ставки при средней нагрузке на поликлинику 800 больных диабетом плюс другие эндокринологические заболевания. В 16 районах столицы (вдумайтесь, это — половина города!) нет ни о д н о г о детского эндокринолога.

Обеспеченность эндокринологическими койками в московских стационарах едва переваливает за 40 процентов от норматива. Что дают эти койки в многоместных палатах, при острой нехватке врачей, лекарств и оборудования, описывать нет смысла.

Средств самоконтроля, позволяю-

щих быстро определить при необходимости уровень сахара в крови, у нас просто не существует. Ну а что касается одноразовых шприцев — об этом знают все.

Преследуемые одной бедой и общими проблемами, больные диабетом во всем мире создают свои общества. В этом нет ничего удивительного. Как заметил Эренбург, даже рыжие объединяются, если цвет волос станет объектом преследований. Общая идея таких обществ — создать систему взаимовыручки, моральной, психологической поддержки, наконец, научить тем нехитрым манипуляциям, без которых заболевшему человеку уже не обойтись.

УЧЕНЫЙ? ВРАЧ? ОРГАНИЗАТОР?

Центр образовался из академического НИИ экспериментальной эндокринологии и химии гормонов. Институт как бы распался на две части, каждая из которых стала отдельным институтом (одна — экспериментальной, другая — клинической эндокринологии). К ним в составе центра, ввиду важности проблемы, добавился третий — Институт диабета.

Решение о таком преобразовании, правда, не объясняло, как в здании, где находился один институт, теперь будут располагаться три. Впрочем, уровень падения эндокринологии, видимо, достиг столь критической отметки, что зашевелились даже «люди с портфелями», среди которых, заметим, многие знакомы с диабетом не понаслышке.

Борьба с сахарным диабетом была признана, в ряду других, приоритетным государственным направлением. Тогда же было решено дополнительно ежегодно финансировать эту программу в размере 2,5 миллиона рублей. Конечно, это капля в море, но, как говорят ушлые капиталисты, не так важно, сколько у тебя денег, важно, как ты ими распорядишься.

У нас начали с организации Центра. А любой Центр начинается с назначения директора. В компетентных медицинских кругах назывались в качестве наиболее приемлемых кандидатов академики АМН СССР Ю.Панков и А.Ефимов, а также профессор А.Аметов. Окончательно все решить должно было тайное голосование на альтернативной основе.

Пока уважаемые профессора и академики обсуждали свои предложения, открылась дверь, и в институт энергично вошел невысокий ко-

ренастый человек с твердым взглядом и бархатным голосом. «Я — директор Центра, — сказал человек. — Завтра мне нужна машина, а послезавтра освободите директорский кабинет».

Отдадим должное искушенной научной общественности — «немая сцена» не затянулась. И был бурный Ученый совет, где коллектив института высказал вотум недоверия мало кому известному претенденту, и репортаж в «Московской правде».

А через неделю приехал тогдашний министр Чазов и объяснил тем, кто еще не понял: профессор Дедов будет директором Центра и точка. Хотите выборы? Будут вам выборы. Хоть свободные, хоть тайные, хоть альтернативные.

И действительно, выборы были — свободные, тайные и альтернативные. Только выбирал вместо прежнего Ученого совета — новый, значительно расширенный. Дедовым за счет его подчиненных из 1-го медицинского института. И люди тайком пожимали потом руки провалившимся претендентам Панкову и Аметову за то, что у них хватило мужества не снять свои кандидатуры, несмотря на прессинг Минздрава и Академии.

Мы провели мини-опрос среди сотрудииков Центра. Ответы выглядели примерно так:

— Какой он врач, я не знаю, но то, что не ученый — точно...

— Врач он весьма посредственный, но, говорят, неплохой организатор. На него возлагалась надежда, что он пробьет новое здание для Центра. Уж больно тесно...

— Деятельность бурная, но без результатов...

Признаемся, мы привели «усредненные» высказывания. Более положительные ответы грешили неопределенностью, отрицательные — излишней жестокостью. Более полное представление о новом директоре может, наверное, дать объективный «срез» его практических дел.

«КАДРОВЫЕ ВОПРОСЫ БУДУ РЕШАТЬ Я»

Сразу после утверждения директора Центра начались выборы директоров институтов.

Московское диабетическое общество обратилось к Ученому совету с ходатайством об избрании профессора А.Мазовецкого директором Института диабета. «Профессор Мазовецкий, — написали больные, — зарекомендовал себя как человек, заинтересованный в действенной по-

мощи пациентам, сострадающий им... Отличный клиницист, хороший организатор, он является одним из ведущих специалистов по сахарному диабету». Но, как рассказала Р.Гофман, тогдашний председатель Московского общества больных, выборы были обставлены крайне некорректно. Дедов «давил» на собравшихся, то и дело напоминая, что потом будет обсуждаться их собственная судьба. Часто повторял: «Кадровые вопросы буду решать я».

И оказался прав. В должности директора Института диабета утвердили, по его настоянию, М.Балаболкина, шесть лет назад снятого с поста главного редактора издательства «Медицина» за «нарушение установленного порядка выпуска заказной литературы, издание фальсифицированной книги о лечении детей грудного возраста и злоупотребление служебным положением». Естественным продолжением дедовского решения стали увольнения. Например, одним из первых лишился работы руководитель детского отделения профессор Жуковский, который в качестве эксперта Комиссии партконтроля при ЦК КПСС как раз и давал отзыв о той злополучной книге.

Сейчас сотрудники Центра уходят сами, не выдержав бесконечной демагогии, откровенного хамства патрона, интриг, стравливания людей, непрекращающейся кадровой чехарды. Уходят носители того творческого потенциала, который как раз и составляет главную ценность подобного учреждения. Но для Дедова главное — стены, в которых он полновластный хозяин, подбострастные подчиненные, униженные больные и их родственники, терпеливо сидящие в его приемной, чтобы добиться госпитализации.

Что же делает Иван Иванович для больных? Не тех единиц, что сидят в его приемной, а миллионов, которые ждут помощи по всей стране?

— Я дал всем больным хорошие инсулины, — говорит он.

Чтобы не было иллюзий, заметим, речь идет о том, что вся валюта, отпущенная на эндокринологию, была брошена на закупку инсулинов. Но ведь смешно говорить о постоянном импорте лекарства, необходимого миллионам больных, как воздух. Порочна установка — все покупать за рубежом.

У нас разработаны хорошие инсулины, проблема же научно-организационная: внедрить в промышленность то, что получено в лаборатории. Диагностику мы также

можем проводить сами. Купить надо целиком только завод по производству генноинженерного инсулина. Да и вообще — надо закупать либо технологии — «ноу-хау», либо заводы «под ключ». Тогда через год-два острота проблемы будет снята, а лет через пять наши больные перестанут зависеть от того, сумели или не сумели выключить валюту руководители Минздрава.

Оптимальные решения рождаются в столкновении мнений. Ивану Ивановичу Дедову не повезло: не с кем ему сталкиваться — потому что все ключевые посты в эндокринологии заняты им самим. Он и главный эндокринолог СССР, и директор Центра, и заведующий кафедрой, и председатель экспертных советов в АМН и ВАКе и т.д. Мы насчитали семь должностей Дедова, но Иван Иванович засмеялся и сказал, что, наверно, их все семнадцать.

Не слишком ли много: и за науку, и за шприцы, и за лекарства — он один в ответе? Беда в том, что кроме как с Ивана Ивановича спросить-то больше, действительно, не с кого.

МОНОПОЛИЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Наверное, можно было бы попытаться объяснить, что Иван Иванович не так прост, как кажется, да и природной хитростью не обделен. Можно, например, привести факты (взял в аспирантуру дочек двух бывших уже теперь министров и одного нынешнего члена Политбюро) или слухи (утверждают о его близких отношениях с нынешним министром здравоохранения). Но они, в сущности, ничего не объясняют. Нас ведь интересует не конкретно Иван Иванович, а явление единоначалия, не подкрепленного авторитетом. Как такое в принципе могло произойти в цивилизованной стране?

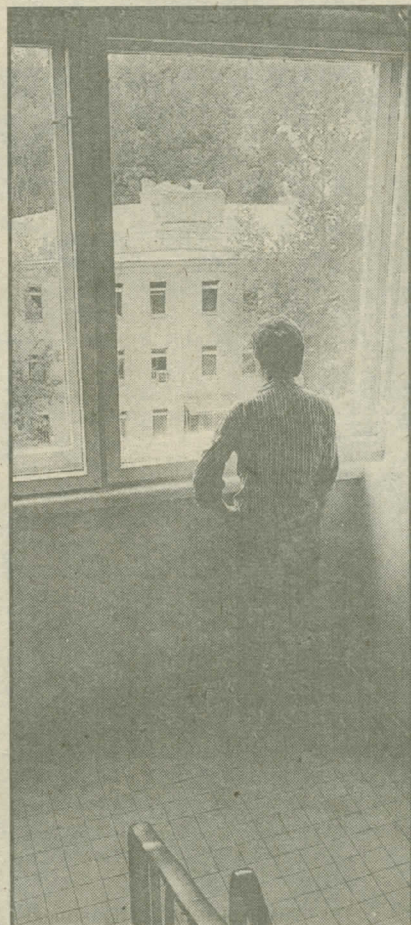
Во-первых, надо понять, что начальник и классный специалист в медицине (и не только в ней) — не одно и то же. Совпадает и то и другое крайне редко. Но начальник должен дорожить специалистами и преклоняться перед ними, ибо на их знаниях и умениях покоится благополучие начальника.

Специалисту же важно, чтобы начальник не докучал, не мешал работать. Начальник должен зависеть от специалиста, а не наоборот. Так должно быть. Но в системе нашего здравоохранения не так много здравого смысла. И здесь начальник — главное. У него в руках здания, аппа-

ратура, реактивы, лекарства, право «класть» и «не класть» — все у него. А врачи, то есть специалисты, — рабы, у которых нет ничего, кроме их мозгов и рук. И они вынуждены, если не хотят потерять профессию, исполнять волю начальника.

А еще большой начальник сделал так, что приличному специалисту, кроме Центра, и вовсе негде работать. Было бы в Москве с десяток хорошо оборудованных стационаров, да все бы уж давно забыли про Дедова! А пока о себе забыть не дает он сам.

ВПРОЧЕМ, есть у нас серьезная претензия и к специалистам. Почему вы все всполошились лишь тогда, когда Дедов оказался выше всех и стал недосягаем? Не вы ли ежегодно пропускаете через свои кафедры и советы десятки ничемных диссертаций, не вы ли сплавляете «на повышение» нерадивого сотрудника, лишь бы не мешал? И почему вы не начали бить тревогу, когда кафедру в крупнейшей медицинской школе страны стал возглавлять человек, на униженные эпитеты которому сегодня вы столь щедры?

Диета для сирот

Фото
Э. КУДРЯВИЦКОГО

В наше непростое времечко каждую хозяйку распирают одни и те же проблемы — как заполнить пустые холодильники и чем порадовать родных и близких в смысле еды. Некоторые женщины «берут» своих домочадцев качеством, другие — количеством пищи. А третьи — и тем и другим. К последним и относятся неустанные труженики детского дома № 1, что расположился на московских задворках в Перовском районе.

Подошел к концу тяжелый трудовой день сотрудников пищеблока. Веселая мысль, греющая желудок, блуждала у них в голове: «Сироты накормлены и отправлены спать. Операция по изъятию излишков питания прошла успешно!»

— Пора, — скомандовала шеф-повар Тишина и вместе со своей подругой Макаровой вышла на легкий морозец. К ним присоединилась воспитательница Аббасова. Троица двинулась прочь от детского дома.

Но внезапно приятная прогулка

была прервана молодыми людьми весьма сурового вида.

— ОБХСС, — представились они и потребовали показать сумки. С такими баулами на работу обычно не ходят, с такими баулами обычно выходят после плодотворной работы.

«Излишки» детского питания составили приличную горку: икра зернистая (3 банки), мясо, лимоны, яблоки, сахар, рыбное филе. У воспитательницы «ненужных» детям продуктов не нашлось. Зато у нее отыскались «ненужные» детям — спортивный костюм, импортные игрушки, замшевые рукавички.

Ушлые ребята из ОБХСС рассудили, что все похищенное имеет к сиротам самое прямое отношение, поэтому продукты и вещи изъяли и возбудили уголовное дело.

Икра и все остальное, конечно, вернулось детям, а вот домашний стол у Тишиной, Макаровой и Аббасовой оказался безнадежно испорченным.

Михаил МАСЛОВ

Процесс о секретной гостинице

— Сергей Николаевич, — сказал в перерыве один из свидетелей адвокату, — это ваш первый политический процесс. Здесь ведут борьбу Партия и Советы.

Партия и Советы боролись друг с другом в довольно неприглядной обстановке. В здании народного суда Фрунзенского района шел ремонт. Лестница была устлана грязной, изодранной в клочья множеством ног бумагой. По коридорам гуляли маляры. В комнате, где проходило заседание, иногда вздрагивали стекла — за окном рабочие выгружали доски, и они гулко ударялись о промерзшую землю, придавая речи судьи дополнительный мрачный ритм.

Нынешний судебный процесс был продолжением истории, к которой наш журнал уже обращался в статье «Новоселье по-советски» (№ 6 за 1990 год). Напомним, с чего все началось.

Партия, то есть Управление делами ЦК КПСС, выписала сама себе ордер на прекрасную трехкомнатную квартиру в центре Москвы (что незаконно — ордера, выписанные на организацию, недействительны) и стала использовать ее фактически как гостиницу для иностранцев (что незаконно вдвойне).

Советская власть (то есть исполком Фрунзенского райсовета) выдала ордер на эту же квартиру очереднику, физику, доктору наук М.Ю.Хлопову. В РЭУ Максиму Юрьевичу отказались выдать ключи. Он вселился, взломав дверь, и обнаружил комнаты, заставленные гостиничной мебелью и заваленные импортными вещами. Вскоре появился их обладатель — греческий бизнесмен, проживавший в квартире (естественно, без ордера и прописки).

Греку пришлось уехать. Хлопов остался. Уд ЦК КПСС подало в суд и на него, и на Управление учета и распределения жилой площади исполкома Фрунзенского райсовета.

На суде Максим Юрьевич выглядел измотанным и уставшим. В самом деле — за последние полгода жизнь физика была полна приключений. После его скандального вселения в квартире был установлен круглосуточный милицкий пост. Здесь же обосновались ребята из Управления делами, вооруженные ножами и газовыми пистолетами, к бурному восторгу хлоповских детей. Одновременно шел процесс переселения большой семьи — перетаскивались узлы, чемоданы. Одновременно в квартире несли дежурство несколько народных депутатов. И когда на вопрос: «А ночью все они тоже оставались в квартире?» — Максим Юрьевич отвечал: «Конечно!» — чувствовалось, что от нормальной жизни он уже отвык.

Сейчас он ожидал решения суда. Управление делами ЦК КПСС потребовало выданный ему ордер признать недействительным, а его самого выселить «без предоставления другого жилого помещения». То есть с женой и тремя детьми выбросить на улицу. Друзья пытались утешить его, объясняя, что нынешняя нервотрепка даст ему большой жизненный опыт. На это он вежливо отвечал, что в принципе без такого опыта мог бы обойтись.

Интереснее всего на процессе было, пожалуй, поведение представителя истца, Николая Васильевича Фадеева. Например, на вопрос о статусе спорной квартиры он на двух судебных заседаниях ухитрился дать семь разных ответов:

— Площадь не служебная, но под служебные цели.

— Специальная жилплощадь, на специальные цели.

— Это не специальная жилплощадь.

— Это филиал гостиницы «Октябрьская».

— Использовалась как гостиница.

— Это не гостиница.

— Я склоняюсь, что это ведомственная жилая площадь.

Адвокат: На каком основании вы

селили в квартиру греческого бизнесмена? Ведь он не ответственный работник ЦК КПСС?

Николай Васильевич: Грек, конечно, не работник ЦК КПСС. Но его можно таковым считать. Если трактовать это понятие широко.

Вопрос: Как Управление делами относится к тому, что Моссовет признал недействительными ордера, выданные на организации?

Ответ (с улыбкой): Сомнительна правомочность президиума Моссовета под руководством Попова и Станкевича принимать подобные решения. Что же касается райсовета, то ведь многие депутаты поступают так: «Что нам подходит из закона, то мы применим». Разве нет?

Затем истец перешел к личности сидящего здесь же Максима Юрьевича. «Нуждаемость ответчика» в улучшении жилищных условий «была создана искусственно». Информацию о жизненном пути физика Управление делами каким-то образом собрало огромную. Создавалось впечатление, что все предыдущее его существование — работа, вступление в брак, отцовство — было лишь ступенями преступного плана: поселиться в хорошей квартире. Хлопов с женой и двумя, а затем тремя детьми четыре года жил в коммуналке, в комнате, непригодной для жилья, с психически ненормальным соседом. Эти факты Фадеев прокомментировал следующим образом: «Вы видите, созданы идеальные условия для постановки на учет!»

К этому истец добавил, что в аппарате ЦК КПСС тоже есть люди, нуждающиеся в квартирах, — участники войны, многодетные семьи, инвалиды. От ответа на вопрос, почему же в таком случае в квартире поселили не инвалида, а уважаемого гражданина Греции, Николая Васильевича уклонился. Но прибавил, что, когда Управление делами получит квартиру обратно, будет рассматриваться вопрос о вселении туда нуждающихся из аппарата ЦК.

Жаль, но этой возможности его организации, как видно, не представится. Народный суд Фрунзенского района иск отклонил. Пока квартира остается за Хлоповым.

Кстати, депутат райсовета Галина Хованская заявила, что таких неучтенных квартир в одном лишь Фрунзенском районе — десятки. Значит ли это, что впереди еще десятки судебных процессов?

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

«Вспоминайте иногда своего студента...» И вспоминают: когда приходит время наполнять избирательные урны. Альтернативная основа выборов учит ценить голоса избирателей (но не самих избирателей), и политики всех рангов и уровней обязательно заявляют сегодня о своей готовности «оказать всяческое» и брату-студенту (в числе прочих). А дальше — то ли дела посудьбоноснее появляются, то ли склероз... Впрочем, перманентно бесправному школяру — без разницы. Не до митингов ему и даже не до учебы — выжить бы самому, да семью прокормить...

Хотите анекдот?

Говорят, что семейный студент похож на козла: если он занимается личной жизнью, у него отрастают «хвосты» (задолженности после сессии), когда он занимается учебой, у него отрастают «рога» (это, думаю, всем понятно), а когда бедняга пытается совместить приятное с полезным, он рискует «отбросить копыта».

Не знаю, как вам это зоологическое сравнение, а один мой, «ну, очень серьезный» знакомый, услышав этот анекдот, заявил, что строго-настрого запретил бы всем студентам жениться до окончания института. Да-да, и подпись о «невыходе» брал бы. Государство-де не для того деньги на них тратит, чтобы они женились и плодились. Учиться, учиться и еще раз...

Но, благо, до такого закона еще не додумались, и создавать «ячейку социалистического общества» пока никому не возбраняется. В конце концов право на семейную жизнь имеет любой совершеннолетний гражданин Страны Советов, согласно Основному Закону государства.

На той стадии безудержного и необратимого прогресса нашего общества, когда было, наконец, признано, что не всем на Руси жить хорошо и что у нас тоже есть малоимущие, студенты были справедливо внесены в список бедноты наравне с пенсионерами и инвалидами. Таким образом, де-факто было признано еще одно право — на сочувствие и сострадание. Ах да, еще стипендию повысили на 50%: те, кто голодал на 40 рублей в месяц, могут позволить себе то же самое, но на 60. А за несколько месяцев до денежной реформы студенческим семьям был предложен льготный заем: две тысячи на десять лет. Без процентов! Прямо-таки благотворительная акция. Кстати, в указе союзного премьера о ликвидации крупных купюр были учтены все слои населения, кроме студентов. Вот покувыркались обладатели тех заветных тысяч!

РОГА, КОПЫТА И КОНСТИТУЦИЯ

В начале года независимые экономисты подсчитали, сколько денег необходимо в наше время человеку, который не может позволить себе «роскоши» стоять ежедневно в очередях за продуктами и товарами первой необходимости. Не из-за лени и чванства — просто времени нет (у студента именно такая ситуация). Так вот, этот человек пользуется услугами рынка. И в месяц ему потребуется 2.800 рублей, считают экономисты. Это без крупных покупок, конечно.

Само собой, эта «гланка» непреодолима даже для семьи честных тружеников, не говоря уже о студентах, работающих от случая к случаю. Хотя, что скрывать, в студенческой братии, как и в обществе, — раскол: кто своим примером развеивает миф о перманентной бедности студента, кто-то еще сильнее затянул пояс.

Не думаю, что демографический спад в ближайшее время кого-то удивит. Достаточно почитать объявления в одном из семейных вузовских общежитий, чтобы убедиться, какого труда стоит сегодня накормить ребенка. «Меняю классные итальянские демисезонные сапоги на...» И далее — длинный список детских вещей и детского питания. Десяток яиц стоит: полторы банки майонеза или килограмм гречки, или полкило манки и полкило муки, короче, «возможны варианты».

Разочаровавшись в марксовой формуле «товар-деньги-товар», а заодно и в советской «деревянной» валюте, студенты используют опыт предков — натуральный обмен. Наибольшим спросом пользуются импортное детское питание «Симилак», «Фрутолино», «Бибимикс». За эту продукцию можно купить все — от сгущенки до французских духов и сногшибательных австрийских туфель.

Пока мамы с рыданиями расстаются с любимыми вещами и косметикой, папаши ударяются в бизнес. «Покорение дворников и сторожей» ушло в прошлое. Современные ростовщики (да-да, могут констатировать возрождение этого старинного промысла, причем под проценты даются даже валюта), коммерсанты и во-

ротили теневой экономики с учебниками марксистско-ленинской философии под мышкой множатся в числе день ото дня.

Впрочем, пускаться «во все тяжкие» приходится даже тем, кто с коммерцией вовсе не связан. Вот, например, такая ситуация: женятся студенты разных курсов. Скажем, она на год или два младше. Оба иногородние. Дипломированный муж автоматически лишается жилплощади, а жену выселяют из семейного общежития в девичью комнату на 5 мест (если таковое вообще имеется, многие семьи, чей семейный бюджет не позволяет снять квартиру или комнату, живут за занавеской в обычных общежитиях). Они, обнявшись, плачут в деканате: любим, друг без друга — никуда. Там только руками разводят — не положено. Чета с Конституцией в кармане устремляется к депутату: «Ведь написано — «крепить», а не разбивать семьи». А им в ответ: «Да, имеете право на создание «ячейки», но о праве на совместное жительство здесь ничего не сказано». Выход? Голь на выдумки хитра: без пяти минут дипломнику можно, например, использовать опыт бухгалтера Берлаги и лечь в Кашенко — чего не сделаешь ради семейного счастья. Тридцать дней в больнице (если, конечно, признают достаточно нервным) — зато потом целый год академического отпуска безбоязненно можно жить вместе.

А если не пройдет этот вариант, придется нарушать паспортный режим — жить на нелегальном положении, без прописки. И без надежды...

С каждой предвыборной кампанией «ширится и множится» забота о студентах. Да так безудержно и неумолимо, что студенческие семьи все распадаются и распадаются — не все успевают жить за занавеской на шести квадратных метрах. Даже с любимым.

Впрочем, невелика потеря. «Студенческое» — это ведь что-то неполноценное. Не семья даже — так, два голоса избирателей. А дети — не в счет, они же не голосуют...

Эльмира МИХАЙЛОВА

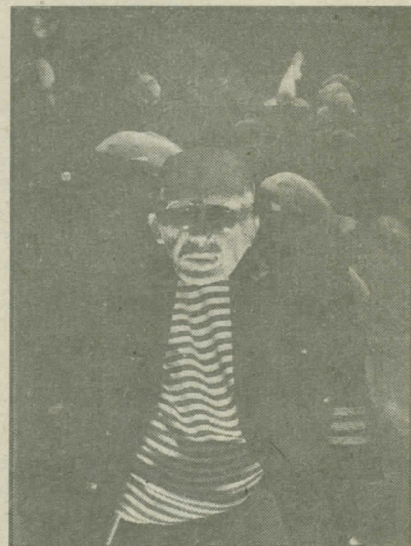
Фото М.Грудниина

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ

*«Конец фильма» (1988)
Реж. братья Алейниковы.
Фото И. Алейникова*

*На съемочной площадке фильма
«Аквариумные рыбы этого мира» (1990).
Реж. братья Алейниковы.
Фото В. Яшкина*

ПОДПОЛЬЯ

ЗАМЕТКИ О КОНТРАКУЛЬТУРЕ

Нынешний образ жизни в стране можно уподобить быту палаточного городка, возникшего на месте концлагеря. Бараки с грехом пополам разбираются на времянки. Каждый занят сам собой и прочих остерегается. Пайки перестали выдавать, кухню растащили, а посылки с Большой Земли, как и прежде, прикарманивают донельзя обнаглевшие блатные и вохровцы. Кто посмелее — ушел в тайгу с концями. «Распад, распад!» — кричит бывшее лагерное начальство. Действительно, распад: есть-то хочется, а ходи теперь на работу, не ходи — кормить будут вряд ли.

Отметим, однако, что при распаде высвобождается энергия, и она может быть использована с толком. Вот, к примеру: новые печатные издания — их сотрудники ведь не с неба свалились. Гласностью мы отчасти обязаны энергии распада.

Жить в свободном обществе и быть свободным от свободного общества, наверно, нельзя. Поэтому распадается все, а видоизменяется немногое. Уже сказано и доказано, что идеологические различия между «правыми» и «левыми», «центровыми» и какими там еще не отменяют психологического сходства: все хотят разного и ведут себя на удивление одинаково. Любопытнее другое: понять, что происходит с людьми, принципиально чужавшимися социальной активности, пренебрегавшими «общественным долгом». Что делается с мифотворцами и эстетамы, «гражданами ночи», подпольной богемой — попросту говоря, с деятелями независимой культуры, столь же богатой направлением, сколь монолитен и сер был художественный официоз 70–80-х. Затронул ли распад этот переличатый, причудливый мир?

Что отнял? Что посулил?

В СЕРЕДИНЕ 80-х годов художественное подполье еще оставалось общим подпольем. Его не стоит идеализировать: оно вбирало в себя людей самого разного качества, в том числе и законченную бездарь. Но жизнь в

нем была веселой и относительно дружной (сужу со стороны: я там не прописывался).

Дивный символ этого неразборчивого и сумасбродного братства — «Поп-механика», действо, придуманное Сергеем Курехиным: пианистом, композитором, культурным героем 80-х. Описать его очень трудно. В «Поп-механике» за минуту времени происходило слишком многое, а в принципе могло произойти что угодно. На осажденной тусовщиками сцене (подмостках, площади и т.п.) то в унисон, то кто во что горазд играли рок-музыканты — и какие! Изящно-сумрачный Виктор Цой, вдохновенный медиум Гребенщиков, рыцарственный и слегка пьяный Майк Науменко (насчет Майка я не уверен, но это не важно) — звезды из звезд, гордость и любовь «Времени колокольчиков» (вновь скобка: так называлась песня Александра Башлачева, умнейшего из поэтов рок-культуры) — и так незадолго до его трагической смерти редактор самиздатского журнала «Урлайт» Илья Смирнов окрестил весь период 80-х годов в русском роке; название прижилось — время колокола, разбитого на отдельные и одинокие звоны: это попало в точку. Точка. Скобка закрыта и это время тоже).

Рядом с рок-гитарами — саксофоны Сергея Летова, лидера постмодернистского джаза. Рядом — юноша Африка; Сергей Бугаев, одетый в нечто невероятное (не музыкант, не художник, просто так юноша — грациозный тусовщик, талисман «Поп-механики»). Рядом кто угодно, хоть Иосиф Кобзон (не было) или ошалевшая от грохота коза, которую гоняют по сцене (было). Новые художники во главе с Тимуром Новиковым расписывают что под руку попадется, но получается здорово. И надо всем великолепствует Капитан Курехин, дирижирующий этим взрывчатым калейдоскопом и обнаруживающий в нем строй, смысл, гармонию раскрепощенного и самовольного события.

Линии и судьбы подпольного худо-

жества — всех течений, любых уровней — переплетались и свивались: не в стиле дело, важен сам процесс. Так было в жизни, так было и в аудитории, жадно впитывавшей в себя все, кроме дозволенного. Блаженный Августин и Конфуций, Набоков и Солженицын, «Роллинг стоунз» и Кандинский — все в охотку, все — глоток свободы. Именно эта среда выработала самый надежный способ в авторитарном мире — красивый и, при элементарном везении, достаточно безопасный. Она дала установку на общее культурное противодействие «совку».

ГАДАТЬ, в каких кругах возникло хлесткое слово «совок», — все равно что спорить, где родился Гомер. Созвучие мусорной лопатки со всем «советским» многих развеселило и многое в себя вместило. «Совок» — это трибунная патетика, мат в автобусе и стихи о торжестве перестройки, безграмотный врач и «Марш энтузиастов» с гитлер-югендовским акцентом, давка за килькой или у «второго микрофона», короче, — это все, что породил и что являет собой. «Хомо Советикус», блистательно описанный Александром Зиновьевым.

Драма в том, что с «совком» трудно тягаться в его экологической нише: запросто подгрывает, уподобляет себе. Идея гражданского сопротивления, изломавшая не только судьбы, но и характеры шестидесятников-правозащитников, сменялась идеей культурной несоприкосновенности. Главным оружием борьбы и, может быть, единственным способом контакта с системой официозных ценностей стала ирония. Живопись еще в 70-е годы разразилась соц-артом (Комар и Меламид, Булатов, Соков), рок в 80-е — разнообразными формами «стеба»: «Один твой друг ест ложкой гудрон, а другой стреляет всех, кто знает больше, чем он...», — пел «Аквариум», выводил отсюда необходимость бегства: все равно куда и необязательно с попутчиком. В поэзии воцарялся концептуализм: искусство сочетания потертых, изжеван-

ных слов, набрасывающееся на любую идею с вопросом: «А ты живая или уже мертвая?»

Чем больше Родину мы любим, тем меньше нравимся мы ей. Так я сказал в один из дней и до сих пор не передумал.

(Д.А.Пригов)

У «второй культуры» был на руках отменный козырь: она не требовала ежедневного героизма. «Покорение дворников», живущее и играющее в свои игры на обочине социума, привыкло к безбытности; репрессии же, конечно, не шли в сравнение с травлей «политических». Хотя и художников, и музыкантов в 80-е годы — с заходом во вторую половину, между прочим, сажали немало, подполье сохранило дух волюнтаризма и вельского мифотворчества.

Постепенно оно серьезнело и, параллельно, входило в моду.

ПЕРИОД, перестройки по-вегетариански, закончившийся примерно в 1989 году, был самым счастливым для нового искусства, и не для него одного... Когда социальные и культурные слои уже размежевались, но еще не начали междоусобицу, все чувствовали себя замечательно. Партократия оживилась, но за свои командные высоты еще не трепетала. Либеральная интеллигенция шала от собственной смелости — с новыми, вполне законными основаниями. В республиках борьба за национальную самобытность еще не переросла в борьбу за государственную независимость со стрельбой. Борис был неправ, но еще не знал насколько. Если бы Нобелевский комитет вручил премию Михаилу Горбачеву в это время — страна бы ликовала.

Всем выходящим на культурный рынок мерещился быстрый и крупный выигрыш. В мире радостно бурлил «горби-бум», принесший с собою бешеный спрос на советское неофициальное искусство, — делить, казалось, нечего, места хватит. Цензурные стоп-краны работали вяло и беспорядочно: в Ленинграде после мая 1986-го перестали снимать картины с выставок, в Москве после 1988-го — запрещать рок-концерты (последний черный камешек выпал ленинградской группе «Алиса»). Коллекционеры начинали массовые закупки и были щедры на посулы. Сергей Соловьев снял «Ассу»: фильм поверхностный, неуклюжий и очень важный как первая попытка впрямь в одну телегу «андерграунд», высоколобое, но

вполне традиционное «авторское кино» и масс-культуру. Это совмещение не казалось противостественным.

Здесь бы самое время навалить на читателя груды имен и событий или — еще лучше! — своевольно выстроить некий ряд «наиважнейшего». В него, допустим, могли бы войти «новые», Митьки, «Эрмитаж», «Медгерменевтика», объединение Фурманного переулка, Зверев, Кабаков, Кошелухов и еще, еще — в живописи; «Дерево», «Чет-Нечет», Клим, Юхананов — в театре; братья Алейниковы, Доброторский, Юфит — в «параллельном кино»; «ДДТ», «Наутилус Помпилиус», «Аукцыон», «Чайф», «Гражданская оборона» — в роке; Еременко, Парщиков, Седакова, Гандлевский, Щербина, Пригов, Рубинштейн — в поэзии... В принципе ничего не стоит составить десять таких перечней по десять страниц каждый. Ужас в том, что это никому не нужно.

В эйфории легализации легко было представить себе, как потребитель, поначалу проявивший самый живой интерес к искусству подполья, войдет во вкус, сориентируется, совершит свой культурный выбор, и важно лишь, используя средства массовой коммуникации, дать надежную «наводку». Печатные площадки и эфирное время были завоеваны достаточно быстро. Тиражированием и пропагандой современного искусства занялось ТВ — причем популярнейшие программы: «Взгляд», «Пятое колесо», «Слово». Подполье, вышедшее из берегов, прочно обосновалось в «молодежных номерах» искусствоведческих журналов. Все, что делалось в своем кругу и для своего круга, стало общим достоянием. И ничего не произошло.

Оказалось, что новые имена, сколько их ни талдычь, удивительнейшим образом растворяются в сознании даже самой «продвинутой» аудитории. Признается явление — не различаются лица, его составляющие. Я совершенно уверен в том, что любой из читателей «Столицы» имел уже не один опыт соприкосновения — пусть опосредованного, в телезаписи или пересказе — с новой живописью, литературой, музыкой. Но разве лишь у очень немногих в памяти зафиксировался образ конкретного, обладающего собственным именем, а не безликой принадлежностью к «авангарду» художника, поэта, музыканта.

Парадоксальная вещь: резко возросло число покупателей — и очень мало изменился состав ценителей. В

открытом пространстве бывшее подполье не обнаружило новых культурных опор. Оно, претендуя на общезначимость, по-прежнему работает исключительно для «своего круга» — да вот беда: круг распался. Той, прежней атмосферы веселого культурного сопротивления больше нет. Разреженный воздух оказался слишком разреженным — почти вакуумом.

Жить все — или почти все — стали куда лучше, но отнюдь не веселее.

Довольно быстро признаком хорошего тона стало недоверчивое и полупрезрительное отношение к неопитам: «Где вы были раньше, когда нас гнобили!..» Даже если допустить, что, эта культурная дедовщина на треть оправданна (как защита от некомпетентности и всеядного предпринимательства), на оставшуюся часть она продиктована чувством собственной беспомощности и не востребованности. Подполье распалось на одиночные камеры, и даже желание перестукиваться понемногу улетучивается. Извне еще можно различить какие-то, все более дробящиеся группировки, но связи истончились, и уже сейчас на общем поле каждый ведет свою игру.

Картины, песни, тексты приобретают сегодня товарную ценность быстрее, чем культурную значимость. Можно бы позлорадствовать: вот вам ваш рынок! — но сначала надо уточнить одно обстоятельство. То, что мы сегодня называем «рынком» — не только по отношению к искусству, — это, по преимуществу, просто барачка: нервная, суетливая и насквозь жульническая. Между нашими дилерами-менеджерами и их западными коллегами разница примерно такая же, как между фарцовщиками и директорами супермаркетов.

Можно спорить о том, насколько значителен вклад современного советского искусства в мировую культуру (и, по чести говоря, у нас найдется не так уж много оснований для гордости). Но что касается рынка, спорить не о чем: сегодня советское искусство — самое дешевое в мире. За какой-нибудь хилый компьютер можно купить несколько картин у художника, уже обладающего европейской известностью. Какие кабальные контракты подписывают наши гастролеры, как их надувают при расчетах — это вообще тема особая. Мастера искусств предпочитают обходить ее молчаливо: во-первых, блюдут коммерческую тайну, во-вторых — просто стыдно.

Между тем «горби-бум» после всего случившегося заглох окончательно. Советское искусство перестали покупать просто за то, что оно «советское», но еще только начинают прицениваться к нему как к «искусству». Можно предположить, что в «общем европейском доме» найдутся какие-никакие мансардочки для избранных лидеров бывшего андерграунда и художественной культуры в целом. В этом смысле переселение ансамбля «Виртуозы Москвы» в Испанию и театра «Дерево» в Чехо-Словакию — симптомы угрожающие: уезжают уже не люди, а коллективы, и, увы, трудно рассчитывать, что это одарит мир чем-то похожим на «дягилевские сезоны». Лучшие будут богаты. Средние будут сыты. Но разве об этом мечталось на заре туманной вольности?

Из лидеров рок-движения, на мой взгляд, лишь Юрий Шевчук и группа «ДДТ» перешагнули порог 90-х, ничего не потеряв и ничем не поступившись. В целом же, вступив в конкуренцию с развлекательной «популистской» музыкой (типа «Ласковый май», Газманов или «Любэ»), рок проигрывает со страшной силой. То, что представлялось духовной универсалией для неконформистски настроенной молодежи, по-настоящему оказалось интересно лишь немногим.

В сущности, преувеличение представления о собственной роли — общая душевная болезнь. Новая богема, обитавшая в подвалах из слоновой кости, крутые рок-музыканты, «поколение оттепели», до последнего хранившее просветительские иллюзии («если бы народ прочел Солженицына, на другой день бы...» — народ прочел, и что на другой день?!), директора заводов и колхозов («если бы не наша работа...»), демократы-депутаты и руководители компартии — этим же все одержимы!

Гигантская авторитарная система распадается на десятки микросистем с самыми разными знаменателями: идеологическими, национальными, художественными. Все они сохраняют одинаковый числитель: обесцененную, но в кровь влившуюся авторитарность. Распад поставил под сомнение не позиции, а амбиции — и это оказалось самым болезненным.

Культурная, идеологическая и прочая борьба продолжается. И уже сейчас можно с уверенностью говорить о главном и единственном результате этой борьбы: неуклонно растет число людей, совершенно равнодушных к ее исходу.

Фото В.Мельникова

Федот Федотович Сучков — знаменитый московский человек.

Многое в его жизни поначалу кажется легендой, но при ближайшем рассмотрении оказывается сугубой былью. Иной раз горькой, иной раз радостной, но никогда не приторной.

Федот Федотович — скульптор и писатель. Федот Федотович, естественно, не член Союза писателей и Союза художников. Естественно, потому что в Союз писателей не принимают авторов неопубликованных книг, в Союз художников — участников несостоявшихся выставок. Естественно, потому что большая часть сознательной жизни Федота Федотовича, родившегося в 1915 году в семье сибирского мужика, приходится на тот исторически ничтожный, но всеобъемлющий для отдельной человеческой особи отрезок времени, когда нашей страной взялись править люди «с Лениным в башке и с наганом в руке».

В 1939 году он поступил в Литературный институт, дружил с великим Андреем Платоновым, но 5 сентября 1942 года был арестован органами НКВД и в рамках «социалистического выбора» сидел в Бутырской тюрьме, строил «мертвую дорогу», побывал в ссылке на севере Красноярского края и других экзотических местах любезного Отечества.

Реабилитированный, доучивался в том же институте, отчего имеет фантастический диплом, достойный книги рекордов Гиннеса. Там написано: поступил в 1939-м, закончил в 1959-м. Его соучениками в этот период были Б. Ахмадулина, Ю. Казаков, А. Кузнецов, А. Приставкин.

В качестве литсотрудника, завотделом и ответсекретаря «Сельской молодежи» он содействовал публикациям Булгакова и Платонова, многим памятно его замечательное предисловие «На красный свет» к тому сборнику Платонова, где впервые был напечатан

«Город Градов»; он открывал на страницах своего журнала нынешних классиков А. Битова, Ф. Искандера, А. Кима. Создал множество скульптур, добрый десяток пьес, изрядное количество прозы, стихов, мемуаров. «Горел» в конце 60-х за отличный от официального взгляд на братскую коммунистическую помощь Чехословакии, за яркую речь, произнесенную на юбилейном вечере А. Платонова; в начале 80-х — непонятно за что, скорее всего по причине окончательно сгустившегося застойного маразма: славные казенные ребята после многочасового шмона в его мастерской сели на свои черные «Волги» и увезли в холщовых мешках все, что он за свою жизнь написал (плюс ужасные крамольные книги типа «Факультета ненужных вещей» и «Кольмских рассказов», которые он преступно хранил)...

Что сейчас? Печатается то, что некогда было загружено в холщовые мешки, экспонируются созданные им скульптурные портреты Ю. Домбровского, В. Шаламова, А. Солженицына. Барельеф А. Платонова работы Сучкова — на здании Литинститута. Вот-вот выйдет в ленинградском журнале «Звезда» его повесть «История Алпатьяева», предвосхитившая «Один день Ивана Денисовича». Вот-вот появится книга...

И все-таки — какая горечь, какая печаль! Черти драповые, зачем вы надевали на Федота Федотовича наручники, запирали его в своих «воронках», гноили в своих бараках, таскали на свои шаманские партсобрания, отбирали у него рукописи и книжки? Зачем вы обижали старика? Зачем снова врете ему по телевизору, снова тянете в тот ад, в котором он прожил такую длинную жизнь?

Евгений ПОПОВ

Федот СУЧКОВ

Подводное царство

Четвертое легкомыслие

Для полного впечатления о земной жизни мне не доставало того, о чем я собираюсь поведать. Седьмое небо, когда я туда попадал, и седьмой Дантов круг, когда я в нем оказывался, все это, по возможности, останется вне повествования. Речь пойдет о

платоновском вечере в ЦДЛ 31 января 1968 года.

Мне помнится, зал был набит до отказа, и на сцену — узенький помост с деревянным полом — я пробрался из-за кулис с компанией по-своему маститых людей. Вечер продолжался около трех часов, и я успел угореть от выкуренной пачки сигарет, которую распечатал за полчаса до начала.

Речь я начал десятым по счету, оговорившись с трибуны, что, к сожалению, несмотря на записку, поступившую от кого-то, где просят меня выступать не по бумажке, я все-таки бу-

Журнальный вариант. Полностью публикуется в книге, выходящей в скором времени в издательстве «Книжная палата».

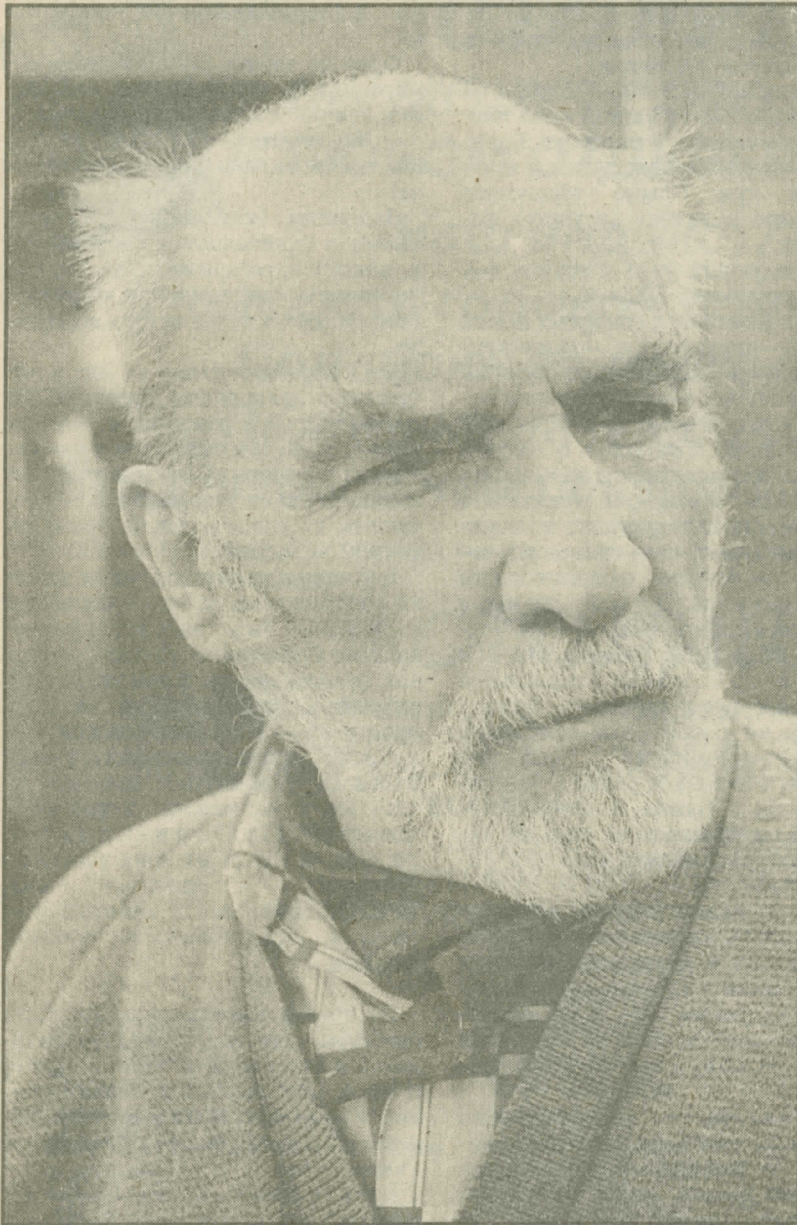

Фото Ю.Штукина

ду, ради точности выражений, придерживаясь «шпаргалки» и что, в отличие от иных докладчиков, текст моей речи написан не дядей чужим, а мной лично... И я перешел к речи.

«Из предисловия, сочиненного мной для избранных произведений Андрея Платонова, — говорил я по писаному, — был не по моей вине опущен абзац, который считаю долгом восстановить на этом представительном вечере. В опущенном абзаце говорилось, как однажды к Платонову

пришел Лев Гумилевский и увидел его улыбающимся, с толстой книгой в руках.

— В чем дело? — спросил Лев Иванович.

— Да вот, — ответил Платонов, — прочитал роман о коллективизации. Еще бы чуть-чуть похуже — и можно печатать.

Платоновское положение — чем хуже рукопись, тем легче ее обнаружить, — к великому сожалению, продолжает действовать...

Как истинный мастер, как русский человек, Платонов работал на благо своего народа — мужчин и женщин, стариков и ребятишек. Меня столкнула с ним судьба в 38-м году. Я помню его — поздней осознал это по настоящему — как человека, лишенного так называемой исторической ограниченности. За деревьями своих дней Андрей Платонов видел леса грядущих десятилетий. Соломинки, придвинутые к его глазам вплотную, вопреки оптической очевидности, не воспринимались им за громадные бревна. И это было гарантией того, что ему не было нужды раздваиваться, кривить душой.

А между тем с конца двадцатых годов по год смерти его окружали в большей или меньшей степени раздвоенные литераторы. Печальный пример тому — признание Эренбурга, что-де почти всегда, почти что с пеленок, он будто бы понимал все, да умышленно держал рот на прищепках. Нетерпению Толстого «Не могу молчать!» и творческому «Нет» Платонова Эренбург противопоставлял умение отмалчиваться...

Кстати, раздвоение личности не начинается само по себе, по генетическому завету. Здесь действуют внутренние законы еще несовершенной общественной жизни и скрытые в неустойчивом человеке способности к перерождениям, способности приравливаться к сложившимся обстоятельствам. Печальный пример тому — поведение другого советского литератора, покончившего жизнь самоубийством вскоре после XX съезда партии. Этот писатель сразу же после верховной накачки во всезнающем кабинете в связи с публикацией сатиры «Впрок» пришел к Платонову и дружески посоветовал ему улетучиться на время из стольного града. А на следующий день была опубликована бессмертная в своем роде рецензия этого благожелателя. Платоновская бедняцкая хроника «Впрок» была переименована в кулацкую.

Как известно, Платонов не был репрессирован. Но умер он от репрессий. Был арестован и жестоко наказан за чтение Есенина его несовершеннолетний сын, школьник Тоша. Он угодил в Норильск, наглотался там туберкулезных палочек и был милостиво освобожден, чтобы увести на тот свет своего отца, великого писателя...

Закончил я выступление следующим рассказом: «Как-то раз я и два моих приятеля сидели у Платонова,

выпивали. И вдруг раздался звонок в прихожей. Я открыл двери. Лет тридцати-тридцати пяти человек, в форме командира военно-воздушных сил, стоял у порога. Я его пропустил, и мы прошли в комнату.

Нас удивило, что обходительный хозяин квартиры не пригласил к столу заставшего у дверей офицера. И тот, помявшись, спросил, как, мол, Андрей Платонович, обстоит дело. Платонов ответил, что, дескать, был страшно занят, но через несколько дней можно поговорить...

Когда посетитель ушел, Платонов выругался по-пролетарски. Он сказал, что эту поллитровку, которая уже опорожнена, мы купили за хлебный талон, а у только что ушедшего щеголя ломится буфет от грузинского коньяка, и за переделку романа, которому место в мусоропроводе, он предлагает ему, Платонову, тысячу карбованцев...

Вы видите, товарищи, до какой ахинеи, до какого бесстыдства могут доходить отдельные люди, понимающие своим небольшим умом, в каком выгодном положении они находятся при определенных обстоятельствах: ремесленник предлагает Мастеру стать подмастерьем!

Справедливости ради стоит, пожалуй, сказать и о следующем факте. Однажды Андрей Платонов и критик Александров говорили при мне о лишенных таланта прозаиках и поэтах. Платонов сказал, что для этой ватаги нахлебников цензурные перегородки являются своего рода спасением, символической отдушиной. Все личные беды они сваливают на отсутствие абсолютной свободы слова. Появись эта стопятидесятипроцентная свобода, говорил Платонов, и этой шатии нечего будет представить издательству. Они спекулируют на цензурных ограничениях, увеличивая шумихой свою незаконную славу...

Примерно минут за тридцать до начала вечера в фойе ЦДЛ ко мне подошли известный прозаик и молодой критик. Они показали мне Обращение группы литераторов в ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета, в Совет Министров и к Генеральному прокурору СССР с просьбой о пересмотре дела Гинзбурга и его товарищей, осужденных московским городским судом на разные сроки. И я обращение подписал.

А неделю спустя мне стало известно, что платоновский вечер был квалифицирован в высших московских партийных инстанциях как про-

шедший не на должном идейно-политическом уровне. Вдобавок ко всему после него началось персональное дело Карякина, а письмо писателей оказалось передано Би-би-си или «Голосом Америки».

Сказали мне об этом — и вроде бы все затихло. Но 10 апреля меня вызвал к себе секретарь парткома Комитета по делам радиовещания и телевидения при Совете Министров СССР (где я состоял на учете) Карижский.

На следующее утро я вручил ему «Объяснительную записку».

«Как я уже говорил во время нашей беседы, — писал я в ней, — мое вступление в члены КПСС подсказано XX съездом партии, резко осудившим нарушение законности. И, как бывший заключенный, проведенный в лагерях и ссылке по решению так называемого Особого совещания тринадцать лет, я всегда настороженно относился и отношусь ко всем процессам, хотя бы отдаленно напоминающим «суд» надо мной. По этой причине я счел своим гражданским долгом подписать Обращение писателей в ЦК партии с просьбой о пересмотре дела Гинзбурга и других».

В тот же день ко мне прибежала секретарь-машинистка редакции журнала «Советское радио и телевидение», где я служил, и принесла записку о назначенном на поздний час заседании партийного комитета Гостелерадио.

Об этом спектакле лучше всего может поведать магнитофонная запись, которая, как я узнал позднее, была переправлена в Центральный Комитет на следующее утро. Я же, естественно, по памяти, приведу лишь один момент из того, о чем тогда говорилось.

— Скажите, — спросила меня А.Д. Беда, член бюро партийного комитета, — подписывая письмо писателей, вы думали, какую оно принесет пользу — народу или нашим врагам?

— По-моему, — ответил я, — на этом заседании коммунистов лишь я один являюсь подлинным пролетарием. Так кому же, по-вашему, я хотел пользы — Черчиллю или народу?

Эта фраза была понята Бедою так: — Мы все вышли из народа.

— Ну, если вы вышли из народа, то я из него не вышел, — произнес я.

— Скажите, за что вы сидели? — спросил один из членов, уже изрядно износившийся на пропаганде учения Маркса и Ленина.

— За попытку государственного

переворота, — признался я.

— Я серьезно спрашиваю, — возмутился член.

— А я серьезно отвечаю, — ответил я.

Один из членов бюро оказался доморощенным Достоевским. Он сказал, что по лица м можно судить.

— Взгляните, — сказал он, — на наши лица и на лицо Федота Федотовича!

Заседание бюро парткома закончилось в одиннадцатом часу вечера, и, помнится, возвращаясь домой, при переходе на станции метро «Площадь Революции», я попал не туда, куда надо...

На следующий вечер ко мне в мастерскую пришли два приятеля. Их сопровождала вытянутая, с утолщениями, дама. Мы пили вино и рассказывали анекдоты. Я так хохотал, что вытянутая дама позавидовала исключенным из рядов великой Коммунистической партии...

В начале апреля труднейшая из моих литературных работ — апелляция в ЦК КПСС была, наконец, закончена. Мне помогли ее клепать, наверное, человек десять. В том числе мудрейший и наиважнейший из моих приятелей — Ю.И. Домбровский. Но, в отличие от письма-протеста, я один подписал упомянутый документ и сдал его в экспедицию Управления делами ЦК КПСС тринадцатого мая, и кто-то из моих знакомых пошутил — просидел, мол, ТРИНАДЦАТЬ лет и навсегда уверовал в незапятнанность чертовой дюжины...

Не помню, какого числа мне было сообщено, что моя апелляция находится в городском комитете партии и что я могу явиться для собеседования в комнату 120 по улице Куйбышева, 13 (!) к Стрижевой Александре Гавриловне.

Должен сказать, что мне очень понравилось выражение лица Александры Гавриловны. Я все не мог понять: неужто это она, измученная годами партийной жизни, говорила со мной металлическим голосом в телефонную трубку, когда предлагала явиться для собеседования. «Говорит Стрижева, — сказала она тогда, — из городского комитета партии. Прошу явиться в тринадцать ноль-ноль в 120 комнату, по Куйбышева, 13...»

Разговор с почтенной старушкой продолжился около часу.

— Сколько там было членов партии, из подписавшихся под письмом литераторов? — спросила она.

ВНИМАНИЮ СОВЕТСКИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ ПОДПИСАЛИСЬ НА

«СТОЛИЦУ»,

ВЫ МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ
В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.

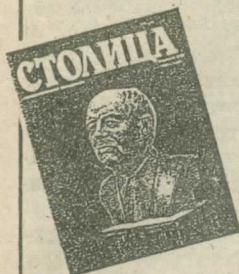
Наш индекс: 73746.

Стоимость годовой подписки: 49р.40к.

Подписка на полгода: 24р.70к.

Подписка на 3 месяца: 12р.35к.

Это дешевле, чем покупать журнал в розницу.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

«СТОЛИЦА» —

ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ ЗАРУБЕЖНЫМ
ПОДПИСЧИКАМ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:

ECONEWS
BOX535 TEL.41.21-311.45.05
1001 LAUSANNE FAX.41.21-311.45.11
SWITZERLAND

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:
Швейцария	4,90 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.
США	4,25 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.

	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
	3,43 шв.фр.
	14 фр.фр.
	3,94 н.марок
	1,34 ф.ст.
	2,68 ам.долл.
	3,60 шек.
	2,98 ам.долл.
	3,40 кан.долл.
	2,98 ам.долл.

В стоимость подписки
включена доставка
авиапочтой.

- 72 Weeks
- 52 Weeks
- 36 Weeks
- 26 Weeks

initials Family name

Mr./Ms. _____

Address _____

Postcode _____ Town/City _____

Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa Diners Club American Express

Please bill me later Some credit cards may be charged in US dollars
As a result, local currency fluctuations may occur.

Card No. _____ Card expiry date _____

Signature _____

Please send this coupon to ECONEWS Box535 Lausanne1001 SWITZERLAND.

Я ответил, что не знаю.

— Член ли партии Паустовский? — спросил я ее.

Инструкторша пожалала плечами. И попросила меня, чтобы я принес последнюю книгу Платонова. А если есть черновик моей речи на вечере в ЦДЛ — принести и его, а то она не получила еще магнитофонную запись...

Я сказал, уходя, что большим недостатком писателей является желание вмешиваться во все, а достоинством — бескорыстие.

— Ну, не скажите! — отпарировала Александра Гавриловна. — Ведь день и ночь работаете на в е ч н о с т ь...

Дня через четыре она пригласила меня для уточнения некоторых моментов, назвала почему-то, когда я пришел, коллегой и сказала, что ей понравилось мое предисловие к «Избранному» Платонова. Потом похвалила за умелое выражение мыслей. И тут же поинтересовалась, как на допросе, — предлагал ли кто-нибудь из иностранцев напечатать за границей написанные мною произведения. Я ответил, что ни одну свою вещь Андрей Платонович не напечатал за рубежом, а я — его ученик.

А еще, наверное, дня через три, на работе раздался звонок — и прямо по телефону Александра Гавриловна заявила:

— Если вы дорожите, Федот Федотович, партийностью, — она с нажимом произнесла слово «дорожите», — то надо бы высказаться в печати.

Голос Стрижевой был неприятным, и я ответил, что высказываться не буду. Сослался на то, что выволоченные по грязи коммунисты вызывают омерзение.

— Кому же нужны поганые люди, Александра Гавриловна? — сказал я в трубку при всех редакционных работников. И все они наострили уши. Потом я попросил Стрижеву выписать пропуск.

Когда я поднялся на третий этаж, Стрижевой на месте не оказалось. Я опустился на старый диван напротив дверей ее кабинета — маленькой узенькой комнатки. И вдруг мне пришло на ум, что можно отречься без унижения.

«Поскольку спекуляция отвратительна и поскольку вокруг Обращения писателей она продолжается с прежней силой, — я официально отмежевываюсь от письма, ставшего разменной монетой» — формула эта, родившаяся мгновенно, меня буквально ослепила.

— Ну, вот, — сказала Стрижева, прочитавшая мое отречение. — Это-

го вполне достаточно.

В первых числах июля на заседании партийной комиссии меня допрашивали: председатель Язиков, его заместитель Крестьянинов, не известный мне юркий член, две древние пенсионерки, второй секретарь парткома, доморощенный Достоевский, по фамилии Лобанов, и секретарь партийной организации редакционно-издательского отдела — Путинцева, удивленная не менее других коммунистов первичной ячейки, что мое персональное дело не обсуждалось сначала в первичной организации, а сразу рассматривается на уровне партийного комитета, приравненного к райкому партии.

Неутомимая Стрижева все снимала острые мои ответы, пыталась направить их в нужную колею... а под занавес объявила, что я произвел на нее хорошее впечатление и что она за восстановление меня в партии.

— Он же, — сказала она, — написал отречение в «Литературную газету».

— Очень уж скупо написал, — заметил Язиков.

— Ну, он еще добавит, — уверенно проговорила Стрижева.

— Можете идти! — сказал уже мне Язиков.

И я вышел, убежденный, что все теперь пойдет как по маслу.

Шествовал и ю л ь 68-го года, когда все еще продолжалось заигрывание с взбунтовавшими пражскими коммунистами...

Погода тогда стояла преотличная. И 8 июля, кажется, в воскресенье, моя половина и два наших отпрыска решили сходить в лес за земляничкой. Мы доехали до Подольска на электричке, а от него на такси до туристической базы.

Часам к двум дня мы вышли к небольшой часовенке у деревни Никулино. Божий храм доживал свой век, был изрыт временем внутри и снаружи. Мы подошли к нему со стороны овсяного поля и на самом краю заброшенного погоста наткнулись на лежащего вниз лицом человека. Рядом валялась пустая бутылка. Мы присели на траву, и лежавший пластом человек сказал:

— Вот, думаю про себя, почему ети христы наклоняются к речке?

Я объяснил, не соблюдается, мол, при захоронении пожатость местности, ставят, мол, кресты сообразуясь не с центром земли, а с видимой перпендикулярностью...

Пьяный пошевелился. Но взглянуть на меня помешала, по всей вероятности, лень.

— Вот, думаю про себя, — проговорил он плашмя, — об этих замках на железных оградках. Покойник-то, што, заключенный?

Слушающий более не пьяного человека, а то, как ворочается за лесом гроза, я подумал, что все мы до поры до времени непогребенные арестанты и судят нас не перпендикулярно к истине, а применительно к видимым и слышимым примитивным представлениям о политической и идейной благонадежности.

Пьяница продолжал:

— Если бы были у меня фети-мети, я ставил бы етим покойникам по рюмке-другой в День Сталинской конституции... по престольным праздникам... и когда попало!

Посидев на травке минут десять, мы оставили сердобольного человека. Поднялись, взяли свои корзинки и направились к автобусной остановке.

Неподалеку от нее, километрах в двух-трех, в августе 67-го года я ночевал с Владимиром Максимовым в шалаше косарей во время грибного похода вокруг крупнейшего проволочного ограждения. Оно началось у станции Львовской, уходило на запад, поворачивало на юг и затем на восток, к железной дороге. И все это в диком лесу, похожем на далекую от Москвы сибирскую тайгу, только без тянувшихся к небу лиственниц и пугающего бурелома.

Ни я, ни Володя Максимов в тот безгрибный денек никак не могли подумать, что в скором времени нас начнут склонять по всем падежам в весьма неприятных инстанциях...

Еще через несколько дней вышепупмянутая секретарша прибежала ко мне в мастерскую с запиской о назначенном на поздний вечерний час заседании парткома. Я тут же позволил критику, ходившему по ЦДЛ с Письмом литераторов, чье персональное дело уже разбиралось в Куйбышевском райкоме. Мне хотелось узнать: о чем спрашивают на заседаниях, как ведут себя члены бюро, какое у них настроение.

Критик заехал за мной в «Литгазету», и мы проехали на заднем сидении такси до здания Радиокомитета. А час спустя на вопрос секретаря парткома Карижского — кто подсунил мне возмутительное Обращение для подписи, я ответил, что партийный комитет — не следственный орган, для этого есть КГБ, и пусть оно занимается своим делом...

— А все-таки, к т о дал вам подписаться под этим посланием? — спро-

сил меня на заседании член восточно-го происхождения.

— Кто-то дал, — сказал я ему без злобы. — А вы, например, — спросил я его, — как бы вы поступили на моем месте, стали бы выдавать человека, который вас не насильовал?

— Я назвал бы фамилию распространителя. Ведь это же б ю р о комитета!

— А этика?

Нас перебил второй секретарь парткома — «физиономист Достоевский»:

— Странное представление у Федота Федотовича об этике, — сказал он из-за стола. — Неэтично называть человека, подсунувшего клеветническое послание! Зато очень этично не говорить в бюро правду!

С тех пор, как помню себя умеющим хорошо или плохо анализировать ситуацию — лет, наверное, с тридцать пять, — мне всегда казалось, что именно за п р а в д у попадали впросак такие, как я, наивные люди. И я не стал отвечать на реплику второго секретаря. В этом отчасти помог мне ретивый член бюро партийного комитета, упитанный и седой. Он встал во весь рост и сказал, что вот Федот Федотович говорит здесь, что вступил в партию только потому, что состоялся XX съезд.

— А как же мы, — воскликнул он с пафосом, — вступившие в КПСС до этого съезда? Я, например, вступал в партию большевиков в 30-м году. И что же? Я горжусь этим!

После голосования об исключении меня из рядов партии первый секретарь Карижский, как будто боясь, что я провалюсь сквозь землю или растворюсь в воздухе, испуганно попросил сдать партийный билет. И жадно протянул руку.

— Можно идти? — спросил я его.

— Да, пожалуйста...

Уже у дверей мне вдруг захотелось сказать им несколько слов. Карижский разрешил. И тогда я сказал, что меня уже однажды реабилитировали.

— Значит, — добавил я зачем-то, — быть мне «реабилитированным вторично».

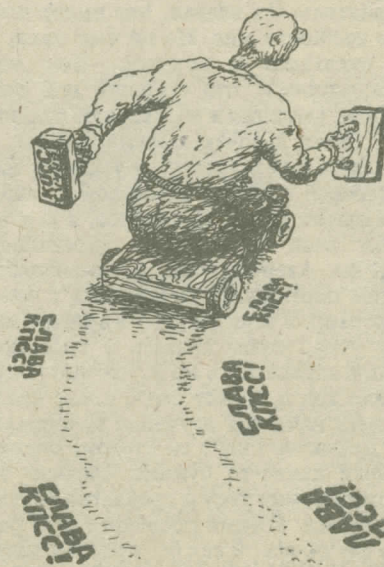
...А вскоре меня водворили в холерный корпус. И я все глядел, едва оправившись от случайного пищевого отравления, в распахнутый балконный проем. Палата напротив просвечивала насквозь. Лет тридцати больная прожигалась по ней, поднимаясь с невидимой от меня койки.

Я думал, поглядывая на женщину, что писание апелляции в ЦК обяза-

тельно приведет меня к зренбургскому раздвоению. Матерый циник был лишь ярчайшим представителем беззащитных приспособленцев. Он лгал без зазрения совести, видимо, полагая, что ложная мысль не так уж опасна, когда изолгались десятки и сотни способных людей. И в свору вот таких борзых толкало меня обращение в ЦК партии с апелляцией.

Я не мог себе простить невнятного бормотания на партийной комиссии о том, что леший меня толкнул подписаться под злосчастным Обращением и что, наконец, исключение из партии является для меня трагедией. Все это было л о ж ь ю, извращением моего действительного отношения к пребыванию в рядах партии и к Обращению литераторов. Но именно на эти мои места в апелляции указывала Стрижева во время заседания Московского городского комитета партии. И на этом заседании МГК я был признан о т к з а в ш и м с я от своей точки зрения. Они перепачкали меня испражнениями — собственными и моими... и в один из обычных дней, на Пятницкой, 25, вернули партийный билет, поздравили с возвращением в лоно коммунистической партии. Дали расписаться на выписке из протокола бюро горкома. В ней говорилось:

«Исключен из партии правильно. Но принимая во внимание признание Сучковым своей ошибки, в партии восстановить. За идейно-вредное выступление на вечере Платонова и за подписание письма писателей,

использованного в антисоветских целях, объявить с т р о г и й выговор, с занесением в личную карточку».

Так закончилась, а может, только началась, одна из неприятнейших историй в моей личной жизни.

Ее начало — декабрь 64-го года, когда я решился на жалкий эксперимент: взглянуть на себя самого и на всю Россию изнутри «руководящей силы и авангарда советских людей»...

Уволенный спустя пять лет из Радиокomiteта по «собственному желанию», я тружусь в ЦРИА — Центральном рекламном-информационном агентстве «Союзпечать», за сто двадцать рублей в месяц, расхваливаю периодические издания — газеты и журналы своей великой страны. Работа в бюро рекламы выгодная, она лишена обратной своей стороны — обязательного самоотрицания.

Несколько дней назад один мой старый приятель сказал по телефону: «Ну, докатился ты...»

А вчера моя половина, не любящая политику, справедливо заметила, что мой характер, как на ладони, предстал в последних поступках. Она имела в виду: легкомысленное вступление в партию, легкомысленное подписание письма обеспеченных литераторов и легкомысленное обращение в Центральный Комитет с апелляцией. Без всех этих трех вещей я мог бы спокойно тянуть ляжку.

Четвертым легкомыслием жена назвала напечатание этого «Свидетельства» на машинке. «Раз уж приперло исповедоваться, — сказала, — царапай пером, вечным или простым... зачем еще размножаться?»

Очищение

С момента вынесения политического определения по моему персональному делу прошла тысяча дней.

Вчера, 21 октября 1971 года, я сдал новое заявление в МГК партии. Самое удивительное — что это прошение о помиловании писалось без обращения, с подъемом! Оно было написано в электричке, по дороге на службу. И многие мои знакомые считают, что я написал х о р о ш е е заявление. А я настроил заявление отвратительное! Я пытался доказать аппаратчикам МГК, что место мое — с ними, в рядах Коммунистической партии, и что обидели меня в Ворошиловском РК, куда я обратился с письмом о снятии с меня строгого выговора, по недоразумению.

Бюро РК заседало 16 октября и затратило на рассмотрение моего вопроса около часа, причем большая часть времени ушла не на рассмотрение моей деятельности как члена партии, а на тщательное пережевывание моего выступления в ЦДЛ. Пристрастно обсуждалось также содержание письма писателей, которым воспользовались заграничные радиостанции. В заявлении на адрес МГК я просил вернуться к рассмотрению моего персонального дела.

Работая над текстом заявления, я все тужился найти в нем местечко, чтобы хоть немного подискутировать с первым секретарем Ворошиловского РК Пономаревым Н.Н. Он заявил, обращая ко всем присутствующим, что Сучкова Ф.Ф. может реабилитировать только равная по силе его выступления в ЦДЛ развернутая статья, направленная, как он сказал, «против отщепенцев»...

— Что вы вот, ходите с папкой под мышкой? — спросил он меня. — Распотрошите ее, опубликуйте что-нибудь такое, чтобы о вас заговорила партийная пресса!

Подходящей щелочки для дискуссии с Пономаревым в моем заявлении не нашлось. Все там было подогнано друг к другу вплотную, словно писал заявление не я, а какой-то юрист-делегат.

Есть изречение, что устами младенцев глаголет истина. Когда свое новое заявление я дал почитать домашним, его пробежал и младший мой сын Славик.

— Ну, что же, папа, — сказал он мне, — напрасно ты расстроился и зря написал эту штуку, свое заявление. Ты же ведь слушаешь Би-би-си, «Голос Америки», «Свободу»? И часто ругаешь порядки в стране? Ну, чего тебе обижаться на старых большевиков? Правильно поступили, не сняли выговор. А потом еще погонят совсем...

— Ты прав, — сказала я Славике. — Но вот в чем дело. В личном листке

всякого работающего по найму есть пункт семнадцатый: имели ли партийное взыскание, а если «да», то за какие проступки. Так что, — сказал я ему, — когда мне дадут мешалкой по известному месту в ЦРИА и я пойду заниматься в другое учреждение, то этот пункт, как шило из мешка, вытаскивается наружу...

И еще я сказал Славике, разумеется, не вслух, а мысленно, о так называемых с у к а х — преступивших волчий закон ворах, рецидивистах-бандитах, с которыми встречался в Мишлаге. Одного из ссучившихся подонков зарубили на моих глазах. Ему оттяпали голову и кисти обеих рук. И так он лежал в барачном проходе, пока не явились оперуполномоченный, начальник режима, несколько надзирателей, фельдшер и два санитара с походной носилкой.

— Раз уж ты пошел воровать, нечего блядовать! — выругался тогда один из зэков, столпившихся подле трупа.

И всякий исключенный из партии большевиков за политическую неблагоданность, по мнению кадровиков, да и с точки зрения многих работников государственного аппарата, является отпочковавшейся — расклевывшейся — потаскушкой.

Это воспоминание преследовало меня несколько дней. И как-то утром, давно забывши об этом случае, я вдруг почувствовал себя скверно, будто кто-то в меня наложил, когда я лежал в постели. Я стал вспоминать час за часом свой рабочий день — в надежде отыскать источник беспокойства. И вспомнил, что в минувшие сутки, с утра, мне звонил давнишний приятель. Он сказал, что имеет что-то сообщить мне. Но он был пьян, и я отказался от встречи... Еще мне вспомнилось, что старший мой сын Юрий ввалился в мастерскую с одной из своих девочек, весьма поздно, а должен был встретиться у меня в мастерской с одним человеком в одиннадцатом часу... И наконец, я вспомнил свой разговор с директором ЦРИА Аверьяновым, рекомендовавшим партийному бюро снять с меня выговор. Я зашел к нему в десятом часу утра, чтобы сказать о поданном мной заявлении в МГК, что оно получило ход и, может быть, после праздника начнется изучение материала.

Директор сидел за столом, подписывая какие-то бумаги. Обычно он пожимал мне руку и предлагал присаживаться. Ничего подобного этот раз не случилось. Я сел без приглашения.

— Неужели вы думаете, Федот Федотович, — сказал Огурьянов (такую

кликну он получил оттого, что главным редактором ЦРИА был Огурев), — неужели вы думаете, — повторил он негромко, — что из-за какого-то работника маленького агентства Московский горком поставит в неловкое положение райком партии?

— Может поставить, — сказал я ему.

— Ну, — он посмотрел на меня с сожалением, — желаю удачи.

Заседание парткомиссии городского комитета партии состоялось 16 ноября 1971 года.

Никакого, собственно, заседания не было. Председатель Язык даже не дал говорить инструкторше Петуховой, собравшейся было читать свое заявление по моему делу.

— Мы Федота Федотовича знаем, — сказал Язык. И объявил присутствующим на заседании, еще не понявшим в чем дело, о чем и о ком идет речь, что н а д о согласиться с рецензией Ворошиловского РК партии.

И он зачитал решение.

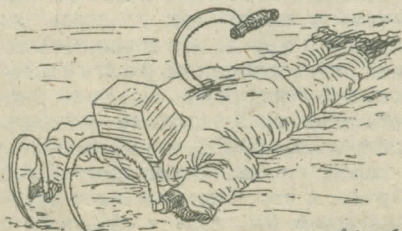
«В связи с тяжелым политическим проступком, совершенным Сучковым Ф.Ф., от х о д а т а й с т в а перед МГК по поводу снятия строгого выговора воздержаться».

И здесь я невольно возвращаюсь к концу первой главы «Свидетельства». Я признаюсь, что глупое желание выглядеть в лучшем свете, обелить себя самого, заставило меня написать, что мое выступление в партию будто бы объяснялось нетерпением поглядеть на нее изнутри, из ее, так сказать, ч р е в а. На самом деле все происходило иначе. Заявление я подал по мотивам более прозаическим.

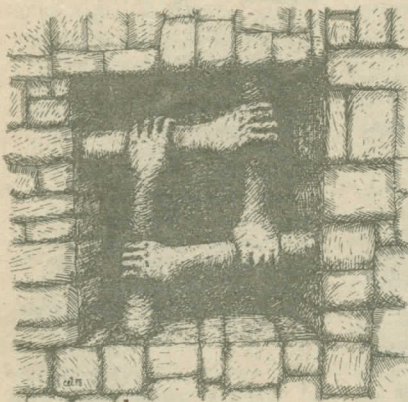
Сделал я это — уж простите меня — под влиянием все усиливающейся нужды (была надежда на повышение оклада), по совету товарищей по работе (добрых, но беспринципных людей) и, наконец, потому, что мне показалось однажды, что для атомной бомбы (когда она шлепнется на Москву) совсем безразлично, являешься ли ты беспартийным или же получаешь, как член надежного коллектива, не сто, не сто пятьдесят, а двести, а то и триста рублей в месяц.

Однако уже через год, а может, и ранее, жизнь показала, что я совершил непоправимую ошибку. Для повышения оклада, перехода на выгодную работу, оказалось, нужна не просто красненькая всяк книжечка, а полная перестройка всей психики, всех привычек, всех эстетических, этических и иных наклонностей.

А главное, вступивший в партию

В. Савилов
1975-76

1978

гражданин обязан автоматически снять с себя всякую ответственность за все и вся.

Что касается атомной бомбы — от этого попахивало пушкинским «Пиром во время чумы». Ведь человек должен верить, что жизнь бесконечна — и тем более коллективная смерть не может служить оправданием всеобщей проституции, всеобщего запоя или, скажем, всеобщего негатива.

После слов Язикова на парткомиссии, произнесенных негромко, чтобы слышал один я (если бы Федота Федотовича исключили из партии, а потом объявили строгача, например, за пьянство или многоженство, то партийная комиссия категорически не согласилась бы с решением Ворошиловского РК! А то исключили-то за политику!), я покинул зал заседания. И вместе с замсекретаря партийной организации «Союзпечати» Валей Жеромской пошел по длинному узкому коридору горкома. Почти вплотную за нами двигался человек средних лет. На третьем этаже он дал нам повернуться в проход второго, а потом, почти наступая на пятки, доконвоировал до раздевалки. В этот момент Валя успела шепнуть: «И на нашей улице будет праздник!» Затем мы подали жетоны раздевальщице, и конвойр возвратился к курительной урне. Я с повышенным, еще бессознательным интересом глядел на этого типа, а он не отводил от меня своего взгляда.

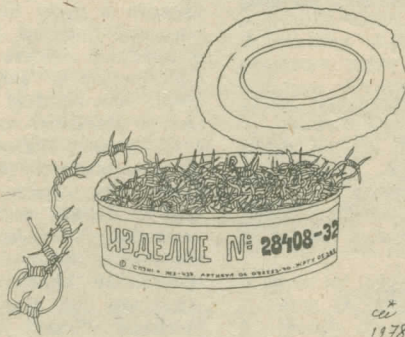
Взгляд был волчий.

Мы вышли с Валею на воздух, в Большой Черкасский переулок, и я спросил ее, заметила ли она любезного конвоира. «Ну, что вы! — сказала Валя. — Мне и в голову не могло прийти такое!»

Так неужели, спрашиваю я себя, это и есть истинный взгляд советской системы, ее, так сказать, пленительный взор, которым она решила околдовать трудовое человечество?

Пиррова победа (весна 1973-го)

Больше полутора лет назад меня уволили из агентства «Союзпечать» по 47-й статье Трудового законодательства: сократили. Месяца три спустя мне пришлось стать на учет в Советском РК и прикрепиться к партийной организации ЖЭКа, странной тем, что на 99 процентов она состоит из вымотанных жизнью пенсионеров. Уж несколько раз я был на ее собраниях, и в моей голове отпечатался лозунг, занимающий все четыре стены «красного уголка»: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Пришлось вынуть блокнот и записать в нем не очень-то эзоповским языком: «Чтобы не костырить в бога

и мать, один мой знакомый ругается постоянно в честь и совесть эпохи...»

Меня устроила в юмористическом плане и абракадабра доброй старушки, секретаря этой ячейки. «Закрытое собрание, — произносит она обычно, — можно считать открытым...»

Но самое интересное на собраниях — это постоянное выступление одних и тех же лиц, активистов ядра партийной организации, поседлых ветеранов. Регламенты на них не действуют. Они выступают, как правило, по каждому пустяку, ссылаясь на те или иные установки основного печатного органа КПСС — «правдинские» передовицы. Их, этих активистов, иногда прерывают силой. «Вот я, — сказал недавно один из них, похожий на старого кабана, — считаю своим партий-

ным долгом обратить внимание присутствующих здесь на общее самострадание от общественных обязанностей. Взгляните хоть раз, когда поднимаетесь к себе в квартиру по лестнице, на стенопись внуков и внучек наших! Читать стыдно!»

А другой, пожелтевший уже болшевик, на одном из предвыборных собраний обращал внимание товарищей по несчастью на полное равнодушие членов партии к «подходным» (как он выразился) дорожкам, ведущим к избирательным пунктам. «Надо; — сказал он, — предусмотреть запасные доски. Вдруг дождик пойдет! Ведь выборы-то у нас — праздник (не схватка, как полагалось бы по разумному. — Ф.С.), и люди идут в туфлях и под ручку друг с другом...»

Я не удержался и слепил однажды по памяти, а позже отформовал в гипсе, одного постоянно выступающего кретина. Его не облагородили на портрете — ни красивые губы, ни тонкий нос, ни канонического порядка черепная коробка. Красота человека, оказывается, зависит от общего выражения физиономии.

Постскриптум (2 декабря 1985-го)

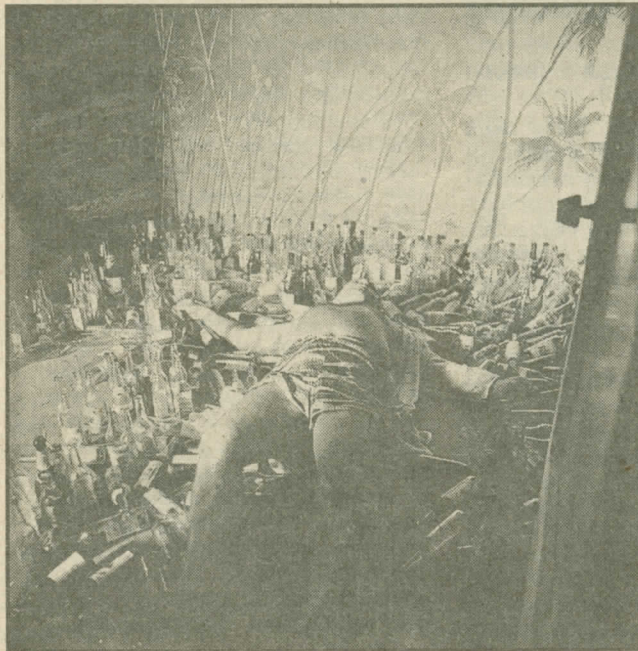
Со времени вынесения мне партийного взыскания прошло более пятнадцати лет.

Как-то (лет, может, пять назад) ко мне подошел замсекретаря (фамилию его позабыл, помню — был он круглолиц, полнотел, небольшого росточка, с редкими седенькими завитушками за ушами) и произнес: «Федот Федотович, думаете ли вы иногда о строгом выговоре с занесением в вашу личную карточку?» — «Нет, — ответил я ему. — Думаю чаще всего о смерти...»

И он как-то неловко нырнул от меня в одну из створок, как будто бы мы обменялись словами в подводном царстве.

Рисунки В.Сысоева

НЕ ТРОЖЬ «НАШ СОВРЕМЕННОК»!

«РОЙ»
Свердловская
киностудия, реж.
В. Хотиненко

Новый фильм одного из лучших наших молодых режиссеров Владимира Хотиненко, постановщика «Зеркала для героя», сделан по роману Сергея Алексеева, главной надежды и опоры журнала «Наш современник». Один этот факт уже породил в кинематографической среде стойкое предубеждение, на мой взгляд, безосновательное. С точки зрения идеологии фильм Хотиненко не вызвал у меня возражений.

Действие разворачивается в Сибири, где на протяжении века живет разветвленный рой семьи русских переселенцев. Множество сюжетных линий дарит множество подробностей, порой подлинно художественных. Но в целом они, к сожалению, не складываются. Драматургических сцеплений — увы! — не хватает. Зато в

избытке представлены чисто внешние, интонационные: могучий раскат эпоса, замах монументальной фрески. Самое же главное — происходит парадоксальная вещь: над фильмом, где нет ни сусальных бабушек-старушек, ни мифа о народе-богатыре, но есть замечательные по своей точности и выразительности, исполненные настоящей горечи сцены распада, вместе с тем все время навязчиво довлечет что-то марковско-ивановско-проскуринское. Невольно вспоминаешь слова Синявского о том, что у него с «современниками» не столько идеологические, сколько стилистические разногласия.

Напрашивается один вывод и один вопрос. Вывод: стилистическое наследство романа Алексеева оказалось для Хотиненко тяжким и труднопреодолимым. Вопрос: зачем вообще было брать роман «Рой», чтобы — с большим или меньшим успехом — преодолевать столько препятствий?

Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

ОБРАТНО СТАЛИН!

**«ИОСИФ И НАДЕЖДА.
КРЕМЛЕВСКИЙ ТЕАТР»**
Театр «Кольцо Мебиуса»,
реж. И. Гильзев

«Володя, обратно ты рано встал», — укоряла Ленина Н.К. Крупская в пьесе одного графомана. Словечко «обратно» вместо «опять» ушло в прошлое акупе с желанием писать «Лениниану». Сложнее со «Сталинианой». В общесоюзном репертуаре сталинская тематика все еще идет вровень с драматургией о падших девочках и по-прежнему служит приманкой для привлечения не очень-то рвущегося в театр зрителя.

На развороте программки «Иосифа и Надежды...» — фотография. С нее задумчиво смотрят на нас создатели спектакля. Они сняты на фоне надгробия Н.С. Аллилуевой, у каждого в руках белые ромашки. Помните, в знаменитом балете повелительница виллис — Мирта при помощи белых цветов вызывала из могилы тень Жизели? Надежда, как и Жизель, появится на сцене в белом. Как известно, белый цвет — символ чистоты и невинности. Впрочем, невинность героини на протяжении первого акта несколько раз окажется под реальной угрозой — жених попытается овладеть невестой прямо на столе с телефоном, из трубки которого будет доноситься голос другого Вождя, женатого (что характерно) на женщине с тем же именем Надежда. К счастью для невесты и для зрителей, гнусные попытки не удадутся... из-за боя кремлевских курантов.

Автор пьесы О.Кучкина хочет объяснить нашу историю через личную, семейную драму «кремлевского горца». Образ Сталина-насилльника варьируется и во втором акте, где рыжий монстр груб и беспощаден уже по отношению к призраку Надежды, пришедшему с того света, чтобы пробудить совесть в тиране.

«Опять Сталин! От одних

слышала — не хватит ли? От других: не противно ли? От третьих: да ведь все известно. Не будем высокомерны», — призывает нас в программке О.Кучкина. Хорошо, не будем. Жаль только, что, налустив туману, смешав явь со сновидениями, создатели спектакля пришли в результате к весьма банальному раскладу. «Кремлевский театр» в их варианте обернулся очередным советским китчем на модную тему.

Екатерина
ДМИТРИЕВСКАЯ

НУ, «ТЕАТР», ПОГОДИ!

**«МОСКОВСКИЙ
НАБЛЮДАТЕЛЬ»**
Ежемесячный
иллюстрированный
журнал, гл. редактор
В.Семеновский

Ах, какой это был журнал, «Московский наблюдатель» образца 1835—1839 гг. Правда, не читал, но по именам, принимавшим участие в его создании и последующей, увы, краткосрочной, жизни — Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, И.В. Киреевский, Н.М. Языков, А.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский и др., — чувствую, хорош был журнал. Ох, хорош!

А нынешний его тезка образца 1991 года чем плох?! В редколлегии тоже сплошь классики, но живые —

В.Гаевский, В.Иванов, Н.Крымова, В.Максимова, Ю.Рыбаков, А.Свободин, А.Смелянский, И.Соловьева. И что приятно: не в роли «свадебных генералов», а во всем блеске своих перьев на страницах первого номера. А рядом — молодая, но зубастая поросль театральных критиков (пока не перечисляю, пусть дослужатся до членов редколлегии). Рецензии, беседы, портреты, проза. Интересно, ИНТЕЛЛИГЕНТНО, остро. И все о театре, что вообще подобно бальзаму на душу, измученную перестроенной печатью. И оформление есть, несмотря на создающую полиграфическую базу. Одним словом, у новорожденного есть все (читатели, уверен, тоже будут). Прямо и не знаю, что ему пожелать. Может быть, только одного. Чтобы продержался он гораздо дольше своего знаменитого предшественника. Дай-то, Бог!

Петр СМЕРНОВ

В СТРАНЕ НЕПУГАНЫХ МИЛЛИОНЕРОВ

«НЕ БУДИТЕ СПЯЩУ СОБАКУ»

«ТИСКИНО», реж. А. Бобровский

Этот фильм, надо полагать, рассчитан на нездешнего зрителя. Только такой с безусловным доверием отнесется к тому, например, что если девушка с манерами пляжной шлюхи называет себя дочерью генерального прокурора, то это непременно так, а еще больше — к тому, что в это без малейших колебаний верит современный Александр Иванович Корейко, пусть и с невинным румянцем Альхена. В том, собственно говоря, и разница между этими героями Ильфа и Петрова, что отличие в их воровской специализации предполагает разную степень доверия к действительности, тем более, если она — эта действительность — советская.

Что нам изобретательный жулик, взявшийся имитацией следствия выманить крупную

сумму денег на мнимую взятку (в конце концов такие таланты и впрямь, может быть, попадают раз в сто лет), если родное Советское правительство, будучи генетически криминальным, так и высматривает, как бы за чужой счет пожить! Во всяком случае, вне зависимости от того, знали создатели картины о предстоящей денежной реформе или нет, 50- и 100-рублевые купюры образца 1961 года воспринимаются на экране как символ какой-то чужой, непуганой жизни, какой в нашей стране никогда не жили не только подпольные миллионеры, но и все остальные граждане.

Вячеслав ШМЫРОВ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ»

Диск фирмы «Мелодия»

Я понял, в чем беда Советской власти. В чересчур богатом воображении. Какие проблемы волнуют, например, идеологов капитализма? Борьба за права человека, борьба против нищеты и голода.

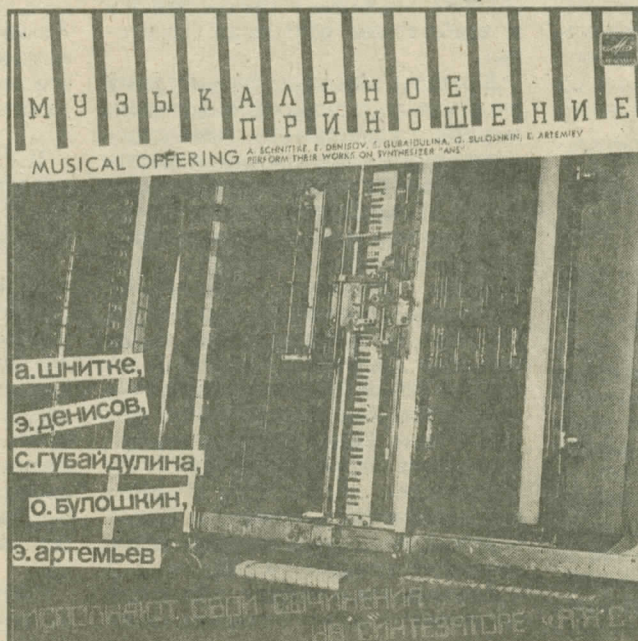
Но если уж против чего боремся мы — так против такого, что никому и в голову не придет. Против генетики и

жевательной резинки, против кибернетики и саксофонов, ширины брюк и длины волос.

В 70-х годах таким врагом стала отечественная электронная музыка. Причем борьба с ней была какой-то избирательной. Синтезаторы в ВИА допускались. С терменвоксом особых проблем тоже не было. А вот самый необычный и, пожалуй, самый интересный электронный инструмент — АНС был фактически объявлен вне закона и разобран (слава Богу, что не уничтожен!). Успела выйти небольшая пластинка с записями А.Немтина, Ш.Калиоша и Э.Артемьева. В самом начале 70-х была подготовлена вторая — но тут-то те-кто-лучше-на-знает-что-нам-слушать и постановили, что такой хохкей нам не нужен.

Диск этот — «Музыкальное приношение» — вышел в свет лишь совсем недавно, спустя почти 20 лет. Трудно понять, чем провинились сочинения О.Булошкина, С.Губайдулиной, Э.Артемьева, Э.Денисова, А.Шнитке. Наверное, даже не стоит пытаться. Россию ведь умом, как известно, не понять. Остается только порадоваться, что меломаны смогут познакомиться со ставшим легендарным за два десятилетия «Музыкальным приношением» хотя бы сейчас.

Андрей ГАВРИЛОВ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

ЗВУЧИТ ЧУДОВИЩНО, НО...

«КРОВАВЫЕ ДЕНЬГИ» США, реж. Дж. Шатцберг

Банальная история, притянутые за уши сюжетные повороты, слезливые мелодраматические сцены и неправдоподобная стрельба (падают только хорошие). И вообще — лучше быть честным, добрым и приятным контрабандистом, чем гадким, злым и плохим мошенником и убийцей... Звучит чудовищно — но в фильме есть какое-то наивное очарование, какое-то доброе сопереживание героям, которое не позволяет просто взять и выбросить его из памяти. Может быть, это заслуга Шатцберга (мы до сих пор помним его блистательное «Пугало»), а может быть — замечательного дуэта двух молодых, но уже очень известных актеров, явно метящих в разряд суперзвезд американского кино, — Э.Гарсия и Э.Баркин.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РАЗВЛЕКАЛОВКА

«НЕОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ»

США, реж. Дж. Куф

Фильм относится к одному из самых распространенных в мире жанров, практически полностью отсутствующему у нас, — комедийному боевику. Серия неудач, выпадающих на долю главных героев — грабителей, может сравниться только с такой же полосой невезения у охотящихся за ними полицейских.

Веселая, занимательная развлекаловка, ни на что не претендующая, кроме как дать нам возможность полтора часа честно отдохнуть. Конечно, можно не смотреть. Но если посмотрите — не пожалеете.

Дневник У.

БЕГСТВО ИЗ МОСКВЫ

Сегодня мы публикуем два письма О.Э.Мандельштама Союзу писателей с решением покинуть эту писательскую организацию. Письма хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ: ф.225/О.Э.Мандельштама. Их любезно предоставила «Столице» научный сотрудник ИМЛИ им. А.М.Горького Е.Ю.Литвин.

В конце марта 1922 года, после долгих и тяжелых скитаний по дорогам гражданской войны, Осип Эмильевич Мандельштам с женой оказались в Москве. В то время здесь распевали такую частушку:

«Мы в Москве так
уплотнились,
Как в гробу покойники.
Мы с женой в буфет легли,
Теща в рукомойнике».

Всероссийский Союз писателей поселил поэта с женой в «Доме Герцена» (ныне Литературный институт, там совсем недавно установлена мемориальная доска О.Э.Мандельштама) — густо населенную писателями коммунальную квартиру. И вот что из этого вышло...

«Во Всероссийский Союз писателей, в правление
Осипа Эмильевича Мандельштама

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим мотивирую свой выход из числа членов Всероссийского Союза писателей. Я ухожу из Союза по причине крайне небрежного отношения Правления Союза к Общежитию, каковая небрежность лишь частное проявление слабого культурного напряжения общественной деятельности Союза.

Превосходное помещение левого флигеля общежития на Тверском бульваре с хорошими комнатами и коридорной системой благодаря небрежности Правления почти про-

падает, как рабочий дом писателя. Хозяйственная комиссия, не имея, очевидно, представления о дисциплине культурного общежития, соблюдаемой в любой приличной частной квартире, снисходительно предлагает людям два года подряд «ютиться» там, где они могли бы жить и работать.

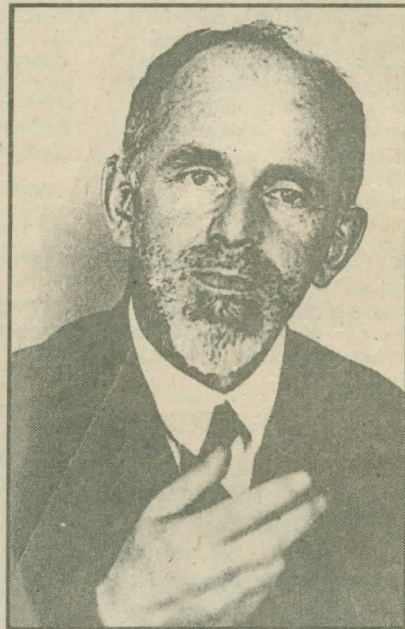
Во-первых: огромная часть площади общежития, лучшая и наиболее удобная для серьезной работы, отведена гр.Свирскому, совершенно непригодному для сожительства с работниками пера, отдающего весь свой день шумному и назойливому личному домашнему хозяйству.

Во-вторых: благодаря оплошности Правления, гр.Свирский несет официальное звание «коменданта»(?) Союза, что позволяет ему держать себя в квартире исключительно развязно и по-хозяйски. С утра до позднего вечера на кухне громкий шум от хозяйственных передраг Свирских и громогласных пререканий с прислугой (кстати, уборщицу общежития Свирский обратил в свою личную прислугу, не внушив ей ни малейшего уваженья к спокойствию и к требованиям обитателей квартиры).

В течение всей зимы по всему дому расхаживало с песнями и музыкой, свистом и гоготаньем до десяти приблизительно не имеющих ни малейшего отношения к литературе молодых людей, считающих себя в гостях у сына Свирского и относящихся к общежитию, как к своему клубу.

Далее, благодаря небрежности Свирского, который не сумел найти дворника, согласного смотреть за домом, двор Дома имени Герцена по вечерам и ночам является филиальным отделением Тверского бульвара. Зимой в доме было учинено доверенным лицом Союза гр.Свирским и его помощником неслыханное безобразие — избивание в помещении Союза живущей во дворе женщины с нанесением ей тяжелых увечий.

Еще недавно, в течение нескольких недель под самой моей дверью на кух-

не с разрешения Свирского и введомая Хозяйственной Комиссии, отравляя воздух зловонным тряпьем, жила сумасшедшая гражданка Диксон, находившаяся в бреду с припадками и плачем.

Из коридора постоянно раздаются в непристойной форме восклицания Свирских и прислуги по поводу загрязненности уборной.

Гр. Свирский во время ремонта использовал все рабочие силы и средства для ремонта своей квартиры: разделил свою комнату пополам, сделал у себя стеной шкаф, отгородил себя отдельной дверью в коридоре с деревянной прокладкой до потолка, отказавшись, по слухам, в пользу этих улучшений от установки имевшейся в наличии ванны. В остальных комнатах стены плохо выбелены и пачкают, пол поломан, в щелях.

Свирский до сих пор не позаботился держать наружные двери нашей

квартиры, как это водится всюду, круглые сутки закрытыми на улицу, для чего требовалось бы провести в комнаты электрические звонки; он провел звонок только в свою «квартиру» из коридора. В дом постоянно забредают субъекты с улицы и проихсходят систематические кражи.

Всякое напоминание о порядке и просьбу о тишине гр. Свирский и его семья почитают личным оскорблением и на первое же слово отвечают грубостью.

Зимой и весной у постели тяжело больного Шепеленко, в «комендатуре», происходили непрерывные шумные сборища гостей Свирских (я говорю не о «юбилее»).

Гр. Свирский, и это не может не быть известно Правлению, не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры.

К величайшему прискорбию моему, я явился единственным человеком в общежитии, пожелавшим во всей полноте, соответствующей назначению дома, осуществленья тишины и порядка. (Гр. Клычков систематически отсутствует, гр. Ширяевец и Шепеленко горько жалуются, но не решаются протестовать, гр. Благой предпочитает, чтобы тишину водворял я, поскольку не шумит его жена.)

Означенные порядки в доме рус-

ских писателей, который должен и может быть не проходным двором, а рабочим домом, где каждая комната — писательский кабинет, не согласованы ни с именем Герцена, ни с обязательствами Союза перед обществом. При распределении драгоценной в Москве квартирной площади Правление Союза должно было считаться с желаньем писателей работать для русской культуры, а также и реальной ценностью и производительностью их труда.

Только исключительно из деликатности и отчасти из брезгливости я не выдвинул до сих пор моих обвинений Правлению во всей полноте. Теперь я считаю положение безнадежным, уйду из Союза, который обнаружил полную беспомощность в распоряжении доверенным ему огромным жилищным богатством, и возвращаю Союзу комнату, которую при существующем положении можно будет использовать только для скромного и бессловесного «жильца».

В заключение возвращаю Правлению «порицанье», вынесенное мне по дошедшим до меня слухам, и ставлю ему на вид, что совершенно незаконно и бессмысленно выносить общественное порицанье, не предъявив предварительно заинтересованному лицу всех обвинений и не выслушав его объяснений, и к тому же в его отсутствие. Непозволительно было

расспрашивать живущих в доме не по существу моего конфликта с Свирским, а о моем «характере» и об отношениях с прочими соседями.

Что же касается до угроз гр. Свирского «убить» меня, «искалечить», «разделаться», «стереть в порошок», о которых вряд ли упоминалось при разборе дела, то я им не придаю никакого значенья. Одновременно с этим заявлением посылаю в хозяйственную комиссию заявление об освобождении мною комнаты в виду ухода из Союза.

Осип Эмильевич Мандельштам
23/VIII/23

Адрес: Крым, Кореиз, Гаспра, санаторий Цекубу».

«Во Всероссийский Союз писателей»

Узнав со стороны и случайно, что в Правлении Союза разбиралось дело обо мне (о чем мне не было сообщено и не было известно) и было вынесено постановление по этому неизвестному мне делу, прошу не отказывать мне прислать выписку из соответствующего протокола.

Осип Эмильевич Мандельштам
27.XI.23 г.».

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ЗНАНИЕ...

«Критическое отношение к КПСС, социалистическому выбору, идеям Октября и ленинизма не могло не проникнуть и в общество «Знание». Так называемые «демократические» настроения проявляют себя не только в частных высказываниях лекторов, но и в их публичных выступлениях».

(Еженедельник ЦК КПСС «Гласность», 1991, № 1)

От редакции «Столицы»

... СИЛА

Сила этой «популярной организации, действовавшей до сих пор под непосредственным руководством

КПСС, выполнявшей ее политический и идеологический заказ», заключается в социалистическом выборе. И критическое отношение к нему, а также к КПСС и идеям Октября не может не обессилить «Знание». Позор критическому отношению! Нет — проникновению демократических настроений! И, товарищи лекторы, следите, пожалуйста, за своими частными высказываниями...

О ПОЛЕ, ПОЛЕ...

«194 коммуниста, работающих в аппарате ЦК, и 43 — из аппарата ЦКК Компартии РСФСР образовали самостоятельную первичную партийную организацию... Парторганизация аппарата должна стать полем для от-

работки новаций, которые затем можно было бы распространить».

(Еженедельник ЦК КПСС «Гласность», 1991, № 2)

От редакции «Столицы»

... ИЛИ МУЖЕСТВО АППАРАТА

Российским коммунистам повезло. Немногочисленный (чуть менее двух сотен) аппарат ЦК их партии — коллектив поистине героический. Отныне все новации, которые они задумают, аппаратчики будут сначала испытывать на себе. И только после этого распространять в массах. Похвальное решение. Ведь до сих пор коммунистическая партия ставила эксперименты непосредственно на людях.

Дон Аминадо

(1888-1957)

Дон Аминадо (настоящее имя Аминад Петрович Шполянский) — талантливый поэт-сатирик начала века. Обычно это имя произносится в ряду других известных его современников — Аверченко, Саши Черного, Тэффи. Свою литературную деятельность он начинал в Москве, в газете «Утро России», но признание пришло к нему уже в эмиграции, в 20-е годы. Стихи и фельетоны постоянного сотрудника газеты «Последние новости» пользовались громадной популярностью, они стали частью жизненного обихода русской эмиграции, его пародии и афоризмы вошли в устный фольклор. Вместе с тем Дон Аминадо был прекрасным лирическим поэтом, о чем писали Бунин, Куприн, Алданов, Цветаева, Гиппиус, Ходасевич.

Ниже мы предлагаем вашему вниманию стихи и фельетоны Дона Аминадо, изданные в Париже в 20-е годы.

ОКТАБРЬСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА

Со всех концов мира
Ползут, скрипят везы.
Едут с вершин Памира
Исстрадавшиеся наверху низы.

Из Индии прут индусы,
Из Греции — древний грек.
Татары, мадьяры, руссы —
Всех мастей человек.

Из Китая идет китаец,
Из Африки — честный бур.
Из малайской страны — малаец,
Черней, чем кофе-натюр.

Идут, отбивая ногами,
Походного марша такт,
И с собой рассуждают сами:
Революция — это факт.

И даже сын Дагомеи,
Не веря своим глазам,
Увидевши, как в мавзолее,
Статуя из себя бальзам,

Лежит дорогой учитель...
Не выдержал и сказал:
«Укажи мне такую обитель,
Где бы русский мужик не лежал!»

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ РОМАНС

Что жалеть? О чем жалеть?
Огонек горит, мигая...
Надо все преодолеть.
Даже возраст, дорогая!

Что есть годы? Что число?
Кто связать нас может сроком?
Лишь бы только нас несло
Нескончаемым потоком.

Сколько раз свои сердца,
Не спасая от контузий,
Мы шатались без конца
По республикам иллюзий.

Сколько тягостных колец
Все затягивалось ту же!
Так уж худо, что конец.
А глядишь... на завтра — хуже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В смысле дали мировой
Власть идей непобедима:
От Дахау до Нарыма
Пересадки никакой.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Общие понятия

Государственным переворотом называется такое явление, когда все летит вверх тормашками.

«Тормашки» есть юридическое понятие, установленное с незапамят-

ных времен энциклопедией права.

Тормашками можно лететь только вверх, и ни в коем случае — вниз.

Это очень важно, так как, при обилии государственных переворотов, внизу не хватило бы места, в то время как наверху его сколько угодно.

Когда переворот не удастся, он называется бунтом.

Между тем как удавшийся бунт называется переворотом.

Есть такие государства, которые переворачиваются не менее четырех раз в год.

Так, например, Мексика очень гордится своими мексиканскими тормашками, стяжавшими ей всемирную славу.

Неменьшую подвижность обнаруживали в свое время русские пейзаи.

— Сенька, поддержи семечки, я ему морду набью.

В этих простых словах ясно чувствуется отвращение к парламентаризму.

ГЕНЕРАЛ

В приличном обществе принято, чтобы перевороты проводились генералами.

Если генерала нет, то это не общество, а черт знает что.

Боевой генерал рассуждает так: выйти ему в отставку или перерезать телефонные провода?!

Логика прямо указывает на то, что лучше перерезать провода.

Тогда генерал садится на коня и верхом въезжает в здание Сената.

Увидев в своей среде настоящую живую лошадь, сенаторы заявляют, что хотя они пешеходы, но душой и тормашками принадлежат отечеству.

Генерал берет под козырек и говорит, что желает немедленно присягать.

Все в восторге.

Чтобы подчеркнуть торжественность момента, сенаторы выстраиваются полукругом, и против каждого из них устанавливается пушка, заряженная по всем правилам артиллерийского искусства.

Тогда генерал вынимает шашку и, замахнувшись по обычаю на председателя собрания, в конном порядке присягает на верность конституции.

Вечером город роскошно иллюминирован, и погребя взрываются один за другим.

Празднично настроенное население сбегается смотреть на похороны жертв революции, а на уличных столбах вместо всем надоевших афиш каких-нибудь индийских факиров и дрессированных блох яркими пятнами красуются воззвания генерала к стране.

ВОЗЗВАНИЕ

Португальцы и португальки и португальские дети!

Отечество в опасности.

Важнейшие телеграфные провода, равно как и лидеры партий, перерезаны.

Палата депутатов распущена до последней возможности.

Уступая давлению народных масс, президент республики удавился.

Но это неважно. Он все равно должен был быть предан суду.

Новые выборы будут назначены через десять лет, и пусть, наконец, страна выскажется.

В тяжкую минуту ниспосланных нам испытаний я принял на себя бремя власти.

Поэтому мародеры будут хорониться на государственный счет, а предварительно расстреливаться на месте.

После семи часов вечера никто не имеет права показываться на улице, не исключая и домашних животных. С нами Бог.

Подпись:

Генерал-от-кавалерии

Перес Малхаму-вэс-Алфонсио-Гомес

ПРАВИЛА СТРЕЛЬБЫ

Чрезвычайно деликатно положение иностранных дипломатов, аккре-

дитованных при переворачиваемом государстве.

Существующий беспорядок вещей требует величайшей осмотрительности.

И пуля-дура, и бомба-дура разорвет тебя на полную мелочь, а потом иди доказывай, что ты не португалец, а полномочный посланник республики Боливия.

В таких случаях принято, чтобы победоносный генерал извинялся перед иностранными державами за каждого разорванного дипломата в отдельности.

Как только телефонные провода восстановлены, генерал начинает телефонировать, а пострадавший дипломатический корпус запечатывается в роскошный цинковый гроб и отправляется к себе на родину под чудесные звуки военного оркестра.

Это очень трогательный обычай.

Ввиду того, что в стране царит полное спокойствие, генерал доарестовывает членов бывшего правительства и сажает в тюрьму, где уже сидят члены еще ранее бывшего правительства, как и правительства давно прошедшего.

Происходит радостная встреча, обмен впечатлениями, воспоминаниями, воспоминания без конца.

Перес вспоминает, как он арестовывал Торреса, Торрес — Хереса, Херес — Малогоса, Малогос — Мардальноса.

Вся история страны, генералов и лошадей проходит перед мысленным взором государственных деятелей, отдавших свои последние тормашки возлюбленному отечеству.

А в это время...

А в это время уже чья-то новая горячая рука перерезает холодную проволоку из Лиссабона в Оporto. Новый генерал садится на коня, и...

— Держись, Гомес, начинается!

Публикация В.БОЙКОВА

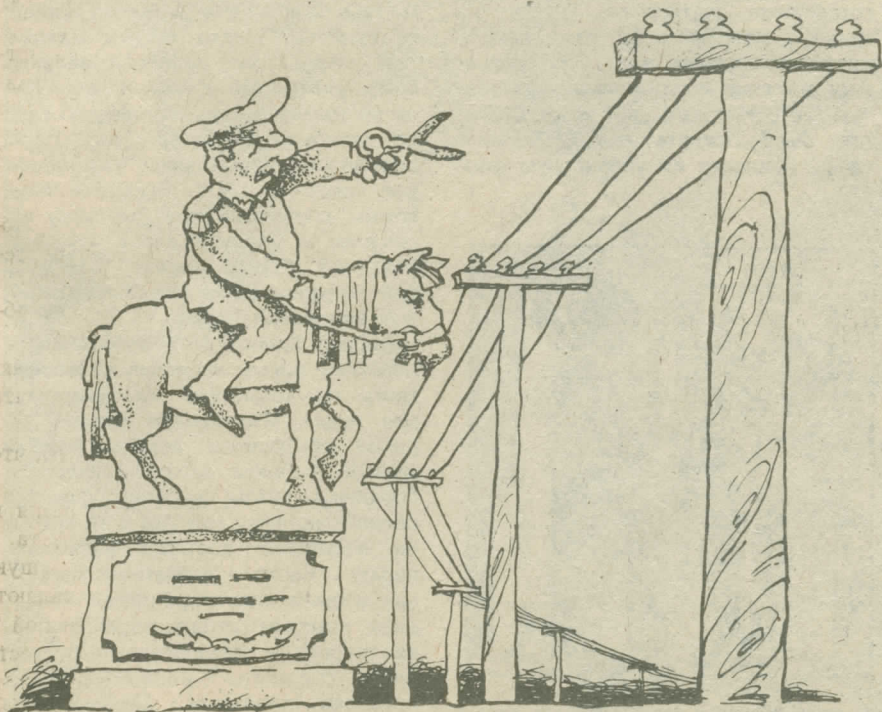

Рис. В. Иванова

Ирина СЫРОМЯТНИКОВА

ТАЙНЫ МАКИЯЖА

В прошлом номере заслуженный работник культуры РСФСР Ирина Сергеевна СЫРОМЯТНИКОВА рассказала об истории прически. Теперь она преподаст небольшой урок кокетства...

Не часто увидишь очень красивое лицо — скорее больше милостивых, привлекательных. Но, используя косметические средства, можно более выигрышно представить свои наиболее привлекательные черты, затенив незначительные (и даже значительные) недостатки. Помните, что косметика — великая вещь, но пользоваться красками надо тонко и умело, с учетом индивидуальных особенностей...

Люди начали использовать косметику с древних времен. Чтобы приукрасить свою внешность, применяли примитивные растительные красители: соки трав, листьев, а также цветные мелки и глины. Кроме желания украсить лицо к празднику, проявлялось стремление к чистоте всего тела. Раскопки археологов подтвердили, что для натирания тела наши предки пользовались жирами и маслами. Слово «косметика» греческого происхождения, оно значит «искусство украшать». Во времена античности косметике уделяли много внимания. Считалось, что воспользоваться косметическими средствами и услугами специальных рабов — «косметов» мог каждый свободный гражданин. Косметы в специальных помещениях делали массаж, компрессы, маски для лица. Древние греки считали красоту составной частью здоровья. Косметические средства были предметом купли и продажи, любая гречанка могла воспользоваться ароматическими эссенциями, белилами, румянами цвета бакан или кармин (красные краски), получаемыми из кошенили — из самок разных насекомых. Использовали специально приготовленные порошки, копыт для под-

ведения бровей и глаз. Вторая жена правителя Афин полководца Перикла, Аспасия, написала объемный трактат по косметике. Многие талантливые ученые и врачи древности уделяли в своих трудах внимание косметическим средствам, среди них — Гиппократ. В числе составленных им рецептов есть мази, рекомендуемые для омоложения лица, предупреждения морщин. Ученик Гиппократа Диокл составлял мази для отбеливания кожи и ее смягчения.

Египтяне тоже умело пользовались косметическими средствами и тоже не только для привлекательности, но и в целебных целях. Многие мази служили для смягчения кожи, дезинфекции. Было принято ежедневное омовение тела: грязь смывали с тела мелким песком или толченым кирпичом, а иногда и пеплом. Египетские жрецы, занимавшиеся составлением косметических средств, хранили рецепты в глубокой тайне, только они одни знали секреты приготовления светящихся красок из морских моллюсков, а также легких, почти волшебных пудр, используемых для лица и скрывавших желтоватый (естественный) цвет кожи. В Египте было принято сильно чернить глаза, придавая им удлинненную фор-

Портрет египтянки, II век н.э.

му при помощи специального порошка «кохоль». Мелко тертым малахитом вокруг глаз рисовали зеленые круги. Некоторые краски и здесь были не только декоративными, но имели лечебные свойства. Так, краска для ресниц применялась как надежное средство для отлугивания насекомых, способствовала быстрому излечению и предупреждению глазных болезней. Кроме кохоля, применяли для подкрашивания глаз мелко тертый сернистый свинец.

Царица Клеопатра в свободное от политики время написала серьезную книгу по косметике «О лекарствах для лица». Итальянские ученые недавно обнаружили остатки парфюмерной фабрики царицы Клеопатры. Горшочки, котлы, жернова, флаконы свидетельствуют, что уже в те времена косметика достигла небывалых вершин. Часто в египетских папирусах упоминается о рецептах, благодаря которым можно «превратиться из старика в двадцатилетнего юношу», устранить «неблагоприятные признаки возраста». Существовали рецепты «для придания суставам

Царевич Рахотеп и царица Нефрет, Египет, Древнее царство

"Женщина за туалетом", гравюра, Япония, XVIII в.

Туалетные сосуды, Египет, Среднее царство

большей гибкости», в большинстве это были мази, основанные на миндальном, кунжутном или оливковом масле. Широко применяли воловий и овечий жир. Египетские рецепты вошли в состав европейской медицины.

В Иудее библейские пророки постоянно упрекали девушек и женщин в чрезмерном употреблении красок. Иов презрительно называл одну из своих дочерей «сосудом с сурьмою». В библейских книгах, в частности, в одной из «Книг царств», было рассказано о том, сколь тщательно красавица Иезавель готовилась к встрече с узурпатором Иегуем, прибывавшим в Самарию. Иудейские девы отличались кокетством и пристрастием к косметике, не слушая упреков пророка Иеремии, проповедовавшего скромность и простоту: «Тщетно вы будете краситься и украшать себя золотыми ожерельями, тщетно будете сурьмить глаза: ваши возлюбленные станут презирать вас!»...

В Японии, Китае, Индии также широко применяли косметические средства, изобретали все новые и новые. Пряности, так ценимые на Западе, являлись составной частью мазей, снадобий, масел или настоек. Особенно ценили туберозу, амбру, гвоздику, пажу, корицу, ваниль. В Японии было принято сильно белить лицо, сбивать собственные брови и

наводить вместо них зеленые круги. А среди населения Африки была принята для красоты деформация частей лица — в верхнюю губу вставляли рыбью кость, губы приобретали вид небольшой тарелочки. Иногда на нос ребенку надевали крохотный кувшинчик, время шло, нос заполнял пространство. По достижении совершеннолетия

стенки кувшинчика разбивали, и лицо получало оригинальное украшение в виде носа-пяточка, напоминавшего поросячий.

А сколько едких сатир было

Африканка

написано римскими поэтами по адресу своих соотечественниц! Знатные матроны имели специальные ящички — «женский мир», которые содержали все необходимое, включая палочку для чистки ушей и щипчики для выдергивания волос на лице. Римлянки сильно белили лицо и шею, руки, грудь и спину. Для торжественных случаев наводили на щеки румянец, используя дрожжи и краски, которые приготавливались весьма оригинальным способом: рабам давали кусок красящего вещества, велели жевать в течение нескольких часов и только после этого краску считали годной к употреблению. Большое значение придавали цвету кожи, используя для этого ванны из молока. Римские императрицы ценили превыше золота средства, привозимые из Египта, думая, что они помогут им продлить молодость.

И русские женщины злоупотребляли косметикой. В 1591 году английский посол в Москве Дж.Флетчер написал в своей книге «О государстве Русском»: «Женщины... белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица...» А.Олеарий тоже отмечал, что «русские женщины... в городах все почти румянятся, притом чрезвычайно грубо и неискусно, при взгляде на них можно подумать, что они намазали себе лицо мукою и потом кисточкой накрашили себе щеки; они красят се-

М.Теребенев "Русская крестьянская свадьба"

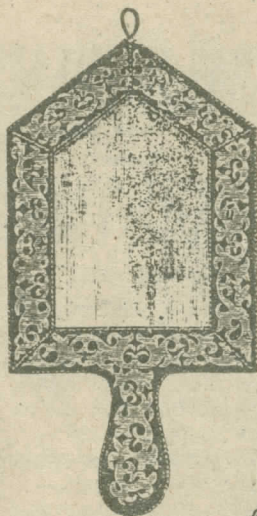

бе ресницы и брови черной, а иногда коричневой краской.

На Руси идеалом красоты считались очень дородные женщины, не менее пяти пудов, с белой кожей, с румянцем во всю щеку. Ходить такая красавица должна была плавно, словно пава, а говорить, «что лебедь прокричит». Для достижения белизны лицо сильно белили, особенно перед торжественными случаями, например, перед свадьбой. Накануне свадьбы подружки сильно мазали лицо невесты свинцовыми белилами, а затем вели в баню париться. Натерли и красной краской щеки. Краски должны были впариться в кожу лица. Вечером лицо сильно пудрили мукой, а щеки румянили — свеклой или малиной. В городах знатные русские дамы применяли «мазилии», как называли косметику. Так как загар был не в моде, то каждая богатая девушка имела на туалетном столике набор «мазилий» для любого случая. В русские города и деревни привозили косметические средства с Востока, доставлялись они купцами за большие деньги.

Когда-то косметика могла стать поводом и для... развода, так как ей приписывали волшебные чары и одурманивание. В 1779 году английским парламентом был издан специальный билль о том, «что всякая женщина любого возраста, будь то девица, замужняя или вдова, если с помощью духов, помад, румян, высоких каблуков или кринолинов соблазнит подданного его величества, будет судима как за колдовство, и брак будет считаться недействительным». Но, несмотря на суровые законы, было модно сильно красить лицо одинаково среди женщин и мужчин. Гримирование считалось заурядным явлением. Придворные напоминали разряженных кукол. Французскими мастерами была придумана оригинальная «Карта Нежности». Существовал специальный язык кокетства, которому способствовало новое модное увлечение «мушками»...

Мода на «мушки» продолжалась целых два столетия — XVII-XVIII вв. Сначала их наклеивали в виде звездочек и кружочков из черной тафты или бархата исключительно для подчеркивания белизны кожи. Но затем все чрезвычайно усложнилось: с помощью мушек мужчины и женщины обьяснялись без слов. Мушки означали «да» или «нет», «отчаяние» и «разочарование», «свободное сердце» и «верность» — в зависимости от

Мужское
ручное
зеркало
(Франция)

Сосуд для
благоволий из
гробницы
Тутанхамона,
Египет,
Древнее
царство

того, куда ее клеили — у носа, виска, глаз, бровей, на лбу, подбородке, шее или груди. Мушек клеили так много, что лицо иной кокетки было похоже на перепелиное яйцо. Позднее мушки увеличились в размере, из черной материи стали вырезать целые фигурки, изображающие цветы, животных. Одна придворная дама дерзнула наклеить себе на щеку крошечную карету, запряженную четверкой лошадей, с кучером на козлах...

Несмотря на увлечение косметикой, общая гигиена во Франции была на очень низком уровне. Ванные и умывальные комнаты во дворцах строили маленькими. Придворные умывались отнюдь не каждый день, освежая перед выходом лицо тапном, смоченным в ароматической эссенции или духах. Пудра, свинцовые белила лежали слоями на коже, иногда осыпались, открывая борозды морщин. Для подправления красок дамы удалялись в туалетные.

Косметика органично связана с парфюмерией. В Древней Греции женщины любили пользоваться ароматическими средствами. Они прибегали к маленьким хитростям: помещали в прическу крохотный конусообразный пакетик, наполненный ароматическими маслами. Особенно любили смешивать козий жир с экстрактом жасмина. От долгого пребывания на солнце жир начинал таять и вытекать через отверстия пакетика каплями, увлажняя шею и плечи, распространяя приятный и освежающий запах жасмина. Увлечение духами было так велико, что в Древнем Риме было принято добавлять духи в дорож-

иногда выцветают, иногда блекнут

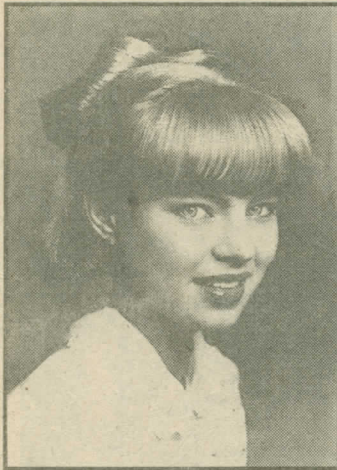
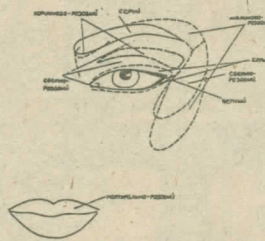

Схема макияжа
"Штрих"

Автор макияжей
художник-визажист Центра моды
причесок
Наталья Сергеевкова
Использованы рисунки Галины
Лукашевич

Схема макияжа
"Магия"

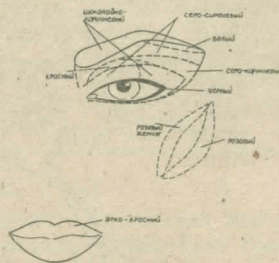
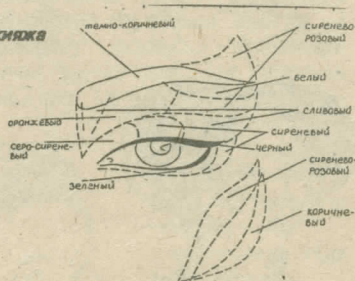

Схема макияжа
"Ламбада"

гие вина, лампы, душистыми веществами натуральными крыльями птиц, которых выпускали стаями перед началом какого-нибудь представления. Древние египтянки в своих массивных париках укрепляли ароматические вазочки, распространявшие приятные запахи...

В цивилизованные времена парфюмерией славится Франция. Современная косметика основана на серьезных научных исследованиях. Все средства проходят строгий контроль специалистов, среди которых врачи, косметологи, фармацевты, художники. Косметология стала самостоятельной отраслью в науке, расширился ассортимент косметических средств, появились тени для глаз, тушь для ресниц, губные помады с перламутровым блеском, «звездочки», тональные кремы.

В нашем обществе увлечение косметикой продолжается. Появились даже новые профессии — визажистов, стилистов, художников-гримеров. Косметика во многих театрах заменила сценический грим. Косметикой увлечены все, она молодит, освежает лицо, но надо помнить и о том, что каждое лицо требует определенной цветовой гаммы, рисунка бровей или губ. Не следует слепо подражать кумирам эстрады или кинематографа. Помните, что существует масса маленьких секретов, способствующих кокетству — приукрашиванию лица, но для этого нужно время и... хорошее настроение. Без любви к себе не получится хороший макияж лица, и, конечно, соблюдайте гигиенические правила. Небрежное отношение к коже может вызвать массу неприятностей, например, появление гнойничков, покраснение или кожные заболевания. Поэтому приобретите для себя книгу по косметике, изучите ее и запомните полезное для вас, учитывая возраст и, конечно, современную моду. Помните: то, что можно позволить в 16—18 лет, будет выглядеть смешно на даме зрелого возраста.

СЕЙЧАС каждый показ моделей одежды и причёсок сопровождается показом макияжа. Поэтому всегда нужно быть в курсе моды. Косметические средства появились в наших парфюмерных магазинах в оригинальных «манящих» упаковках (правда, цены несколько высоки). Не забывайте косметикой впрок, она портится...

«Самым сильным гипнотизером я считаю ГОРБАЧЕВА...»

Именно так заявил магистр белой и черной магии Юрий Лонго, едва я заговорила о его профессии.

— Наш президент владеет приемами гипноза и внушения. Профессионалу это очевидно. Я по возможности наблюдаю каждое выступление Горбачева. Кроме того, Горбачеву помогают шесть первоклассных экстрасенсов. Они тоже присутствуют на выступлениях Михаила Сергеевича.

Я полагаю, Горбачев продержится до 1996 года...

Мой естественный вопрос «А что потом?» — повис в воздухе. Юрий Лонго предсказывает будущее на 5 лет. Всего по трем словам, написанным на бумаге, он предсказал, что будет с министром финансов Павловым. Три слова «мама», «деньги», «перестройка» написал министр...

— Горбачев знает о вас?

— Думаю, знает.

— Вы хотели бы попасть в число тех шести экстрасенсов?

— Да, хотел бы.

— А Ельцин?..

— Ельцина любит народ.

Мой собеседник ставит точку и исчезает в недрах своей огромной квартиры. Появляется с кофе и тортом. Его движения стремительны.

— Называться колдуном вы стали не так давно. А чем отличается колдун от гипнотизера?

— Десять лет назад, когда я начал свои публичные выступления, и помыслить было нельзя называться колдуном. Меня бы просто уpekли в психушку.

Колдун универсален, он умеет все. Не только гипноз, внушение и лечение — я предсказываю будущее, привораживаю, снимаю сглаз и порчу. У меня в соседней комнате мешки с письмами, тысячи писем. И каждый второй их автор считает, что его сглазили.

Скажем, просто зло посмотрел на вас кто-нибудь, обладающий, пусть в небольшой степени, способностями экстрасенса. Он взглядом как бы нарушил вашу ауру — внешнюю защитную оболочку. В вас поселилось ино-

родное тело. Вы начинаете постепенно ощущать душевный и физический дискомфорт. Все валится у вас из рук, неприятности одна за другой, нередко — заболевание.

— Но у каждого бывают периоды, когда все валится из рук.

— Порча — это когда такое состояние приобретает затяжной характер.

— И что тогда делать?

— Обращаться к колдуну.

— Или молиться?

— Или молиться...

— Но колдунов не так много.

— Есть, если поискать. Особенно в старых деревнях. Я несколько лет ездил учиться у колдунов в Белоруссию.

Но первым моим учителем был дед, Дмитрий Лонго, известный в свое время колдун. До 105 лет дожил.

Потом учили гипнотизеры — профессор Иван Сергеевич Качалин и Геннадий Аркадьевич Гончаров.

— А в университете вам интересно было учиться?

— Не очень. Хотя психологию выбрали по призванию.

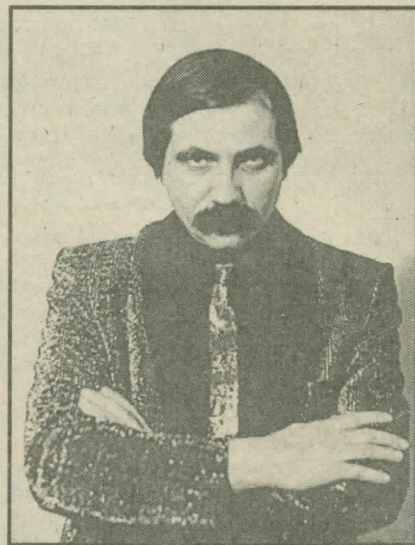
— Ваши опыты с «воскрешением мертвых» и сейчас воспринимаются как сенсация. Вы продолжаете эти эксперименты?

Большее половины таких опытов прошли удачно. И проводились на невосстребованных трупах в больнице Склифосовского. Под сильным биоэнергетическим давлением трупы не только двигались, но и садились, вставали, открывали глаза. Тело оживало, мозг оставался мертв.

— Сейчас я этим не занимаюсь. Был запрет. Потом мне позвонили из больницы и сказали, что можно продолжить мои опыты. Предложили даже создать лабораторию. Но я воздерживаюсь, чтобы не накликать проклятие Бога. Я примирился с церковью.

— Как это произошло?

— Я был приглашен на новогоднюю передачу, которая снималась в гостинице «Славянская». Там было много представителей церкви. Они наотрез отказались участвовать в

одной передаче со мной, ругались страшно. В общем, режиссер нас помирил, тем более, я уже был готов к этому.

На труп я трачу столько жизненной энергии, сколько хватило бы мне на пять лет. Так лучше отдать эту энергию больным людям, облегчить им страдания.

— А с какой целью вы оживляли трупы? Хотели проверить свои возможности? Или вами владела какая-то грандиозная идея? А может, вам нужна была сенсация?

— Дать шанс на бессмертие — мечта детства. Продлить жизнь человека, чтобы он через столетие видел результаты своей деятельности, созидательной либо разрушительной.

— Чтобы каждое поколение успело само ответить за свои ошибки?

— Нет, просто чтобы люди стали мудрее.

...Поездки, контракты, выступления — Юрий Лонго нарасхват. Неутраченная тоска по чуду призывает нового волшебника и целителя. Видимо, «самого сильного гипнотизера» все-таки недостаточно.

Елена ДРЕГАНОВА

Виктор БРЕЛЬ:

«РАБОТАЮ ПО ПРИНЦИПУ КАНАДСКОЙ СОБАКИ»

Когда-то давно, на одном из устных выпусков журнала «Знание — сила», мое выступление было объявлено очень громко: «Искусство научного фоторепортажа».

Тогда я честно сказал, что не знаю, что это такое. Помню, отшутился, что, мол, работаю по принципу канадской собаки. Есть такая канадская сказка, в которой рассказывается о ленивом охотнике и его смышленной собаке. Ему утром даже с кровати не надо было вставать. Он показывал собаке размер добычи, и та бежала в лес и приносила желаемый трофей. Вот и я так работаю — мне редактор дает статью и показывает размер фотографии. Теперь, когда этот же вопрос задают мне коллеги, попробую и сам понять — как же я работаю?

Главное в фотографии — всегда идти не от внешнего, поверхностного, а от внутреннего содержания литературного материала. Не иллюстрировать, а быть полноправным соавтором, находить образ, который был бы одновременно понят, но в то же время и далек от материала, то есть расширять и углублять содержание статьи за счет фотоиллюстрации. Это я сейчас так хорошо формулирую, а тогда скорее чувствовал и двигался в этом направлении.

Так было с материалом о виброобкатывании — это когда вместо шлифовки деталь полируют при помощи стального шарика. Встретился я с профессором, автором этого метода. Он мне показал цех, в котором стоял токарный станок образца 1953 года и к нему какое-то приспособление, по своей несуразности не уступающее дизайну станка. От этой картины я впал в уныние и с отчаяния стал сосать, как в детстве, палец. Когда же я вынул палец и нечаянно на него посмотрел, то увидел на нем капиллярный узор. Я помчался к профессору. «Вы сейчас можете меня высмеять или просто выставить за дверь, —

сказал я, — но только мне кажется, что я нашел способ, как образно представить вибропрокатывание». Показываю ему подушечку пальца и говорю: «Если сюда положить маюсенький шарик, а потом сфотографировать и увеличить до размера борозды на поле, то мы и покажем суть вашего изобретения». Профессор согласился.

Иногда нет сил, или не хватает времени, или решение не находится, тогда идешь по проторенному пути. Такие работы несешь в редакцию с опущенной головой. И бываешь рад, если под фотографией не стоит твоя фамилия.

Удача — это миг. Хотя и приятный, но он быстро проходит. Неудача — это боль. Боль, занозой сидящая в теле. Поэтому больше помнишь свои неудачи. И когда работаешь, когда находишься в творческом поиске, то натыкаешься на них, как на знакомую боль. Зато новые находки запоминаются не только мною. В редакции иногда говорят: а вот помнишь, ты принесил то-то и то-то, нельзя ли что-нибудь в этом роде сделать сегодня? Происходит взаимопроникновение твоего взгляда, твоей эстетики в души твоих коллег.

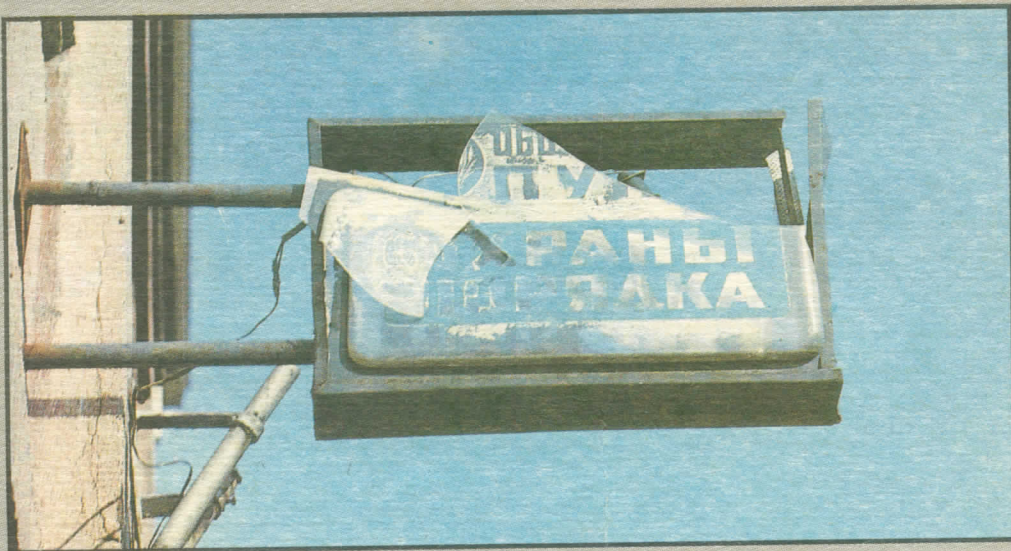
...Слайд был сделан на Полярном Урале. В голубом озере с пустынными берегами в воде стояла багетная рама. Из нее прямо на зрителя выплывала огромная, сверкающая на солнце льдина. Слайд прочли на обложку, все были «за», кроме заместителя главного редактора. Он говорил мне, что все очень здорово и даже красиво, вот только льдина зачем? И стоял на своем. В конце концов его уговорили, и журнал вышел с моей обложкой. Потом, много лет спустя, этот же человек мне говорит: «Виктор, а вот помните, у вас была замечательная обложка, где льдина выплывает из рамы?» Я так и обомлел. «Вы же были против», — отвечаю ему. — «Я? — крайне удивился мой собеседник, — вы что-то путаете, я сразу был «за».

Так происходит привыкание и, если хотите, прорастание твоей эстетики среди твоего окружения и даже дальше. Я очень ценю свою работу за такой эффект.

Но это еще не вся история со льдиной в багетной раме. Она, можно сказать, вывела меня на «большую воду». Дело было так. Вышел наш журнал, а друзья мои в это же время раздобыли богато иллюстрированное канадское издание... И что я вижу?! Точь-в-точь в таком же озере стоит багетная рама, только вместо льдины из нее выходит обнаженная натурщица. Мы стали сопоставлять сроки и пришли к выводу, что влиять друг на друга мы с канадским коллегой не могли, просто ход мыслей и эмоций был один. Значит, ты работаешь в ногу со временем, заключили мои друзья.

Что касается техники, то мой иллюбленный метод — постановочная фотография, в фоторепортаже я не силен. «Злоупотребляю» многократной экспозицией. Это мой конек. Нравится потому, что такие фотографии, как правило, уникальны, даже при желании их невозможно повторить, так как я снимаю не в павильоне, а на натуре — «живьем». Фон в одном месте, предмет или персонаж — в другом. Отматываю назад пленку, и в отснятый непроявленный кадр впечатываю новое изображение, при этом один сюжет входит в другой так непредсказуемо, что сам потом удивляюсь.

Мне доставляет удовольствие разрабатывать научные темы. Всегда узнаешь что-то новое. И всегда ищешь, как правило, свой, возможно, единственный, вариант решения темы. При этом вступаешь в роли и режиссера, и сценариста, и исполнителя и тем можешь выразить свое личное отношение к материалу. А личное отношение в любой профессии необходимо, оно помогает ощущать себя в жизни не винтиком, как этого требовали недавно, а личностью.

3-198

